

Игорь Сотников

Люди слова

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сотников И.

Люди слова / И. Сотников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Мир во всех своих сферах пронизан политикой. Чего не замечать уже невозможно и, наверное, глупо. Но что такое эта политика на самом деле, и кто ею вообще занимается, то на этот вопрос, со своей дилетантской, простодушной, а иногда и просто весёлой стороны и рассказывается в этом введении в политику.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	79
Глава 7	87
Глава 8	103
Глава 9	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Игорь Сотников

Люди слова

Храбрость или вера в её наличие у себя – города берёт, вера в единого бога – позволяет сворачивать горы, а вера в свою исключительность, разрушает государства и целые империи.

Глава 1

Мастодонт политики

– Панамский, Суэцкий! Да какое мне до них дело, когда у меня во рту свои каналы изнывают от боли! – Схватившись за челюсть, перекосившись лицом, стучал головой об стол архитектор проекта построения глобального мира, дамоклов меч демократии, сэр или пан, он и сам уже не помнил кто, в общем имеющий на это самые широкие, с правом выбора, демократические взгляды, этот два в одном, парсэн Паника (что касается вопроса постановки удара в его имени, то тут всё отдаётся на откуп вашей индивидуальности – ведь главное, это не удариться в смысл его имени).

А ведь между тем и этим, сэр или пан Паника, ещё пять минут назад мог похвастаться тем ... Хотя, всё же нет, он не позволял себе такого рода излишества. А вот с серьёзным и вдумчивым выражением лица заявить, что он после долгих размышлений и консультаций с видными (что это значит в данном контексте, сложно сказать) в данной области специалистами, пришёл к выводу, что ему чёрт не брат и он ничего в этом мире не боится и не страшиться, то вот это он, пожалуй, мог бы себе позволить сделать.

Но кто же знал (а парсэн Паника и подавно), что жизнь, явно специально, для того чтобы испытать крепость твоих жизненных основ и твоей веры в то, в чём ты уже закоренел, берёт и преподносит такие сюрпризы, что хоть стой, хоть падай (опять выбор, демократия!). И, конечно, для парсэна Паника, решавшего судьбу очередного провинившегося диктатора, было крайне неожиданно и, что уж говорить, болезненно для себя вдруг осознать, что решаемая им судьба диктатора Заносы (по большому счёту занозы в чьей-то конгрессменской заднице) или как его там ... Ну, в общем, того, с отоларингологической фамилией диктатора, так остро отозвалась у него в голове или если быть точнее в зубе.

Ну а зубная боль, эта такая неожиданность, что не даёт никакой возможности пойманному на ней человеку хотя бы сохранить невозмутимость лица и не отреагировать на этот внутренний удар током ему прямо в мозг. И ладно бы, если сэр или пан Паника, в этот момент находился один одинёшенек у себя в кабинете, где будь здоров или не здоров заорись, и тебя всё равно никто не услышит, но нет, и сюрприз на то и сюрприз, что он вас застает в самые неожиданные и неподходящие для этого моменты жизни. И эта острейшая, до умопомрачения зубная боль, нашла своего героя, ладно пусть будет пана Паника, в тот самый решительный момент, когда пан Паника выносил приговор или вернее сказать, читал итоговый доклад по беспрецедентной сукиной деятельности того самого диктатора с отоларингологической фамилией, нарушающей национальные интересы одной монополии, которую как раз и представлял пан Паника.

– После проведения всех сравнительных анализов, сверки балансовых ведомостей и расчёта трат на расходные операции, наша аналитическая группа пришла к следующему выводу. – Читал пояснительную записку к докладу пан Паника, чья бухгалтерская душа не могла помолчать и влезала туда, куда её не просят. Впрочем, пан Паника в этом деле был не одинок и понимаем здесь, в этом мире, где им правил дисбаланс отношений и такой же баланс денег.

– Наш подопечный, в последнее время беспрецедентно дорого нам обходится и ... – вдруг пронзившая зуб пана Паника дикая боль заставляет его оборвать себя на полуслове и очень выразительно вытянуться в своём лице. Что не могло не остаться без внимания всех присутствующих на этом секретном докладе, уполномоченных своими ключевыми должностями, скорее не людей, а функций.

Ну а стоило только этим принимающим решения людям, присутствующим на этом закрытом докладе, проводимом в секретной комнате, самого известного, пока что только на Земле дома, услышать прозвучавшее у докладчика табу-слово – беспрецедентное, как они сразу

поняли, что, пожалуй, дни диктатора с отоларингологической фамилией сочтены. Ну а раз так, то можно расслабиться и вести себя, как им вздумается. И они ослабив свою невозмутимость, начали, кто хвататься за ручки, кто за свои медали на груди, а кто и вовсе осмелился, принявшись чесать свой орлиный нос – и всё это на глазах самого директора по связям с общественностью, мистера Зеро – это был его официальный должностной статус, что касается неофициального, то об этом ещё никто не посмел у него спросить.

И, конечно, больше всех возмущённо взволновался находящийся здесь в статусе общественного деятеля, миллиардер Порос (никто из присутствующих здесь на заседании чиновников не удивлялся факту нахождения на этой закрытой встрече этого общественника, все прекрасно знали, кто он есть на самом деле) – он, как и все здесь присутствующие, считал, что прецедентное право, одно из краеугольных правил, на котором стоит и функционирует государство, и подвергать это правило осмыслению, пока что недопустимо (если ты конечно не миллиардер).

– Это невозможно. – Не сдержался общественный деятель и по совместительству миллиардер Порос, и пробубнил себе в свои густейшие брови. С чем не мог не согласиться и сам докладчик, пан Паника, чьи руки так и тянулись к своей голове, чтобы сдержать нарастающую и сводящую скулы боль. «Это невозможно!», – выкатив глаза из орбит, еле сдерживался пан Паника. Ну а такое выразительное поведение пана Паника, который как всем здесь, кажется, специально для эффектности оборвал свой доклад, наводит на свои далеко ведущие мысли. И теперь уже никто не сомневается в том, что этого диктатора с отоларингологической фамилией ожидает незавидная судьба.

И вот собравшийся с силами пан Паника, можно сказать, не подвёл и озвучил то, что все уже и так по его прискорбному лицу знали.

– Диктатор Заноса слишком дорого нам обходится. – Повторился пан Паника. – И как сальдо всему – он уже не тот сукин сын, который нам нужен. – Проговорил пан Паника и, не сдержавшись, одной рукой ухватил себя за челюсть, что знатоками и чтицами невербальных движений, которыми все присутствующие в кабинете были через одного, было прочитано, как смертный приговор через повешение, этому не оправдавшему возложенных на него надежд, что за сукиному сыну, диктатору Заносе. После чего собравшийся в этом своём узком кругу, выносящий судьбоносные решения кабинет решений, как записано в регламенте, приступает к прениям, а пан Паника, с трудом удерживаясь на ногах, только и может, что согласно кивать головой.

Ну а сами прения сегодня только для виду прения – а всё потому, что на этот раз кабинет принимающих решения людей единодушен (и даже не имеющая детей, посвятившая всю себя работе, а не как предполагали конгрессмены, из-за того, что была страшная, как смерть, само собой старая дева мисс Клэр, не пожелав усыновить диктатора, была согласна) в своём мнении насчёт этого, специально (многие даже сломали себе зубы, произнося её – и, наверное, сразу можно было догадаться, что от этого диктатора ничего путного не выйдет, раз он с первых своих шагов к власти, начал вставлять в разговор такие, и не выговоришь что за словосочетания) носящего труднопроизносимую отоларингологическую фамилию сукиного сына диктатора Заносы.

И только представители двух непримиримых и всегда между собой соперничающих, и концептуально придерживающихся разных подходов в решении поставленных перед ними задач, силовых блока, как всегда, разошлись в своём видении подходящего подхода в решении возникшего вопроса и в частности, самих деталей устранения диктатора Заносы от власти. Так один из силовых блоков придерживался концепции прямой силы, когда как его балансовый противник (в мире без внутреннего баланса никак), был несколько сдержан, предлагая действовать более скрытно и завуалировано – они называли это мягкой силой. И хотя цель у всех была одна, тем не менее, интересы этих двух главных (фигурально) силовых блоков, чья сила

заклучалась в той поддержке, которую им оказывали стоящие за каждым блоком политические партии, почему-то, не всегда совпадали, и именно это и вызывало их ожесточённые споры.

Так полное физическое отражение несомой его силовым ведомством концепции нанесения прямой силы с его превентивным ударом, при всех четыре звезды, а дома всё больше пять, генерал Браслав, играя под военным шюртуком огромными мышцами, выражал надежду на то, что в его оппоненте, наконец-то, выигрывает здравомыслие и он, падла, рот закроет, и согласится с его предложением, с помощью его элитных морпехов закрыть навсегда рот диктатору Заносе.

– Не на того напал! – даже не думает и не собирается слушать этого, сила есть, ума не надо, придурка генерала, тоже генерал и тоже четыре звезды, орущий в ответ приверженец другой концепции с её мягкой силой, генерал Сканнет, который обладая немислимой, на грани наглости энергетикой, компенсировал ею свой недостаток роста, веса, волос и ещё много чего, и при этом ни в чём не уступал Браславу.

И хотя поначалу весь кабинет решений с подозрением отнёсся к этому заявлению генерала Сканнета – неужели он сомневается в мощи наших доблестных морпехов, а в навыках наёмников Заносы, наоборот, ни капельки не сомневается (не иначе генерал ведёт свои закулисные дела с диктатором Заносой и обеспечивает его охрану своими мутными частниками) – всё же после того, как генерал Сканнет, не сдержав своих эмоций, плюнул на новые итальянские туфли Браслава, то тогда-то все поняли, что он имел в виду себя и он, пожалуй, тот ещё патриот (на генерале Сканнете были одеты отечественные ковбойские сапоги).

И не успел генерал Браслав возмутиться и кулаком в лоб Сканнету контраргументировать, как вдруг генерал Сканнет, пугающе для всех и для него, резво бросается к столу, хватая с него бутылки с водой, стаканчики и листки бумаги и начинает из них составлять на столе некую конструкцию.

– Вот здесь, на этом острове, диктует всем и каждому свою волю диктатор Заноса. – Заявил генерал Сканнет, указывая рукой на помещённый на середину стола лист бумаги, на котором, когда он только всё успевает (а может это была заготовка? Хотя особо наблюдательные персоны, всё же успели заметить, из чьих рук генералом был вырван этот лист бумаги – сэра Рейнджера, большого любителя рисовать шаржи на всех кого он не встретит; потом не удивляйся тому, что из зала суда выходят такие рисованные репортажи – там тоже сидят свои шаржисты), была нарисована весёлая рожица, скорей всего диктатора Заносы («И до чего же похож! – вздрогнула про себя леди госсекретарь Брань, глядя на это изображение Заносы. – Та же грубая мужская сила и этот зовущий к себе взгляд, который так диктует, что хочется только одного – подчиняться и подчиняться. – Леди госсекретарь Брань от своих фантазий почувствовала, что сегодня кондиционер работает в полсилы, а как иначе объяснить тот факт, что её сорочка прилипла к её спине»), и в подтверждении своих слов и своего отношения к этому сукиному сыну Заносе, кулаком впечатывает прямо по роже этому, ещё смеётся диктатору (генералу Браславу даже стало завидно, что не он припечатал этому обнаглевшему Заносе). После чего генерал Сканнет обводит кабинет своим взглядом и, убедившись в том, что все заинтригованы и ждут, не дождутся, когда он начнёт принуждать этого зарвавшегося диктатора к демократии, начинает театрализованно реализовывать свой план подавления диктатора Заносы.

Так для начала, – он продолжает кулаком давить на эту хоть и весёлую, но уже придавленную рожицу диктатора Заносы, – мы должны без конца на него давить и давить, чтобы он без нашего позволения не смог и рта открыть. – Принялся комментировать свои действия генерал Сканнет. – Пусть знает, что он у нас постоянно находится под наблюдением и ему никуда от нас не деться (вокруг наш доблестный флот). А для этого мы... – Генерал Сканнет поодиночке берёт расставленные с трёх сторон от этого острова с Заносой, стоящие во главе стаканчиков бутылки и, приблизив их на расстояние диаметра стаканчика к острову, оставляет их здесь стоять. – Ну а когда ты находишься на расстоянии пушечного выстрела от нашего флота или

подлёта наших истребителей, то тебе ничего другого не остаётся делать, как петь под дудку наших корабельных стволов.

«Ага, бутылки, это авианосцы, а стаканчики истребители и ещё много чего», – сразу же догадался глотнувший из своего стаканчика воды финансовый аналитик Блюм, без чьего мнения и финансовых выкладок, и обоснования предстоящих затрат на такого рода мероприятия, сами эти мероприятия никогда не проводятся.

– А я всё же считаю, что нам надо по этой подлой роже диктатора Заносы ударить из всех орудий так. – Стукнув, что есть силы по столу, грозно заявил генерал Браслав. – Чтобы у него на его острове ни одного банана не осталось. – Генерал Браслав, заметив, что после его удара одна из бутылок упав, залила водой остров диктатора Заносы, чья рожица, намокнув, расплылась в некую страшную бесформенность, обрадовавшись полученному эффекту, торжествующе обводит присутствующих и, пожалуй, ждёт одобрения. Но к своему удивлению он видит только напрягшиеся и злые лица секретарей, глав агентств и департаментов. Где к его полной не неожиданности, но всё же вдруг, своё слово берёт, как он почему-то и ожидал, всем сердцем им ненавидимый, этот финансовый крючок Блюм. И этот Блюм, как всегда, начинает свой разговор из своего далека – покашливания.

– Кхе-кхе. Прошу прощения. – Уже из своего полунаклона головы, сквозь толстые очки, издевательски смотрит на уже побелевшего от злости Браслава, этот сквалыга и до чего же жадный до денег, всего лишь клерк Блюм, а не как он четыре звезды (а дома пять) генерал. А ведь этого Блюма и пушкой не прошибёшь, приводя в качестве аргументации финансовых трат, наличие желания их тратить, стратегически мыслить и перевооружаться, а ему, видите ли, что посущественней, в виде хотя бы той же нефти подавай.

– У меня всего лишь один вопрос к генералу. – Бросив уже косой взгляд на генерала, заговорил этот прижимала бюджетных ассигнований, клерк Блюм. «Начинается!», – начал от злости задыхаться генерал Браслав, ослабляя свой галстук.

– Спрашивается, а зачем нам тогда будет нужна эта банановая республика, если на ней, после того как вы его разбомбите, не останется ни одного банана? – тихим, но до чего же противным голосом, добравшись прямо-таки до пяток генерала (все знают, что душа у генералов находится в этом отдалённом от головы месте – чтобы не мешала принимать судьбоносные решения), задался вопросом клерк Блюм, всполошив не только генерала Браслава, но и главного поставщика бананов и заодно кокосов, отвечающего за проведение в конгрессе принимаемых здесь решений, главного политического лоббиста, бывшего министра, дельца и банкира, владельца заводов, газет и пароходов, конгрессмена Твистера.

А конгрессмен Твистер, это вам не какой-то худосочный клерк Блюм, он имеет свой существенный вес и не только на весах, но и в политике. И потрясённый такими перспективами для себя и своего находящегося на банановой диете здоровья, конгрессмен Твистер тут же роняет свою тяжёлую (даже, несмотря на выполненные из китайского фарфора облегчённые зубы) челюсть от услышанного, чем вызывает всеобщее к себе внимание кабинета. После чего конгрессмен Твистер наливается кровью и, сжав кулаки, уничтожительно смотрит на уже взволновавшегося генерала Браслава, который на этот раз жалеет о том, что он слишком большой и мимо него, если сейчас конгрессмен захочет в него что-нибудь кинуть, будет трудно промахнуться.

– Генерал! – отбивая зубами каждый слог, проговорил конгрессмен Твистер.

– Да сэр. – Вытянувшись по струнке, ответил бледный генерал.

– Мне кажется, что вы поспешили. – Заявил конгрессмен Твистер.

– Да сэр. – По-военному чётко, где нет времени рассуждать над ответом на вопрос: «А в чём они собственно поспешили – когда приводили к власти демократично избранного диктатора Заносу или когда решили заменить его на другого демократично настроенного, пока что не диктатора Самосу?», – даёт ответ генерал Браслав.

– Вот и хорошо. – Облегчённо выдыхает конгрессмен Твистер, а вместе с ним и все остальные в кабинете люди и функции. После чего вновь за своё берётся генерал Сканнет и уверенно доводит до понимания кабинета свою, со своей мягкой силой мысль. Ну а слова, а особенно театрализованность действий генерала Сканнета, пожалуй, убедительно действовали на кабинет принятия решений и им было решено, дать ещё один шанс этому, до чего же трудно произнести фамилию, блудному сыну Заносе.

– Первое, что он должен непременно сделать – как знак того, что он внял голосу разума и идёт на уступки – так это придумать себе самую простую и легко произносимую фамилию. – Подытожила решение кабинета, вновь почувствовавшая надежду на возможность не одиночества мисс Клэр, чья решительность и на этот раз была непоколебима. Так на подсказку своего советника – все жители этого государства носят эту трудно произносимую фамилию, и что скорей всего, этот шаг отступничества от своих корней диктатора Заносы, мало кто поймёт из жителей и возможно вызовет бунт – мисс Клэр только прошипела и стальным голосом заявила:

– А если диктатор Заноса продолжит эту свою языковую агрессию, то наш ответ будет незамедлительным и беспощадным. – И на этом заседание кабинета в его узком составе было закончено. «Она что, мимов привлечёт!», – усмехнулся про себя, сидящий в самом углу секретной комнаты, генератор идей и инженер мысли, а по-простому ещё один, но особый советник, сэр Рейнджер.

Что же касается пана Паника, то для него эти прения прошли, как в тумане, и он из них, так ничего и не запомнил, да и ему в сравнении с ничего такого неожиданного диктатором Заносой (это уже ему будет сюрприз), это было не столь важно, когда зубная боль, вынося мозг, полностью затмила его разум. И пан Паника с трудом сумев добраться до своего кабинета, на пороге даже не удержался, а споткнувшись о свои ноги упал. После чего он, добравшись до рабочего стола, из его ящика с трудом достаёт обезболивающие таблетки и, заглотнув сразу пару штук, принимается ждать, когда его отпустит эта боль.

И она его отпустила, правда, совсем ненадолго и стоило только пану Панику слишком резко повести свою голову или изменить положение своего тела в пространстве, как зуб тут как тут, и в одно мгновение усаживает обратно на пол, куда-то было собравшегося пана Паника. При этом его зуб прямо-таки свербел у него изнутри, грозно заявляя:

– Нет уж, посиди и подумай, как нам с тобою жить дальше. – Хотя это, наверное, угрожающе мыслил в ответ пан Паника, а вот зуб, будучи натурой нервной и злобной, дёргано потрясывая пана Паника, время от времени резко заявлял: Рот закрой и не нуди, раззява!

И, конечно, пан Паника пытался проявить всю свою волю в противостоянии с этим самым сильным из всех противником – с самим собой. Но если честно, то у него даже с помощью обезболивающих таблеток и встряски себя головой об стол ничего не получалось, и пан Паника вынужден был признать, что противостоять вызовам своей природы, человек ещё не может или не научился. Но и это не единственное, в чём сегодня пришлось признать пану Панику. И этот, как оказывается, не такой уж кремень пан, в один из зубодробительных приступов зашёл так далеко, что пошёл на отступничество и попытался обратиться к помощи, отвергаемому им в здравом состоянии, всевышнему богу.

– О, боже! – как низко пал в своей слабости этот ещё совсем недавно подвигавший бога в сторонку, один из глобальных реконструкторов мира и судеб человеческих, взмолившийся пан Паника (запаниковал, бывает) – стоило ему ощутить свою человечность, как он сразу же вспомнил бога. Но так в основном и бывает – те, кто считает себя богом, забывает о нём, тот же, кто обретает человечность, тот вновь обращает свой взгляд на бога.

– Мне бы сейчас отлежаться и показаться врачу, но нет, от меня срочно ждут подвижек, по продвижению в степень готовности проекта «N» (инструменты все есть, но какая концепция, пока ещё не ясно), да и моё присутствие на ассамблее, а потом на приёме, обязательно. – Запричитал пан Паника, приводя себя в чувство ещё одной таблеткой и жёстким соприкосно-

вением своей головы со столом. – И кто знал, что ещё совсем недавно находящийся в твоём кармане мир, перестанет быть таковым. А оно вон как всё изменилось. – Трагично вздохнул пан Паника, смотря на стоящую на столе фотографию в рамке, где он... Ну ладно, президент, стоял у самого известного в мире дома, в окружении его верных советников, где самым умным и дальновидным, конечно, был он, пан Паника (на этот счёт, у одного, совсем не такого как он, мало щепетильного советника сэра Рейнджера, были и есть сомнения, но они не в счёт, когда в этом не сомневался сам пан Паника).

– А я ведь знал, что время не стоит на месте и вместе с ним изменяющийся мир. – Вскипел теперь уже от злости пан Паника и, схватив эту рамку с этой так много для него значащей фотографией, начал пристально вглядываться в неё. – Но нас убедили в обратном (в как оказалось, мнимой победе), объяснив с помощью научных трактатов и диспутов (тех же методичек), что история, благодаря нашему усердию и ловкости, на этом закончилась. – Завыл от душевной боли пан Паника, боясь самому себе признаться в том, что он сам попался на ту же уловку, на которую он всю свою жизнь подавлял других – убедил клиента в избранности, и делай с ним, что хошь.

– И вот к чему привела наша исключительная вера в себя. – Заскрипел зубами пан Паника, решительно наливая себе в стакан виски – и это после полгода нахождения в относительной завязке, на которую его обрекало лечение в клинике от сексуальной зависимости, на которую его уже обрекал принятый им алкоголь. После чего он делает большой глоток, задерживает виски во рту, полоскает им свой больной зуб и затем лишь глотает. Далее следует небольшое затишье в голове пана Паника, а когда виски начинает своё успокаивающее действие, то он облокотившись на спинку стула, теперь может более здраво поненавидеть того апологета истории, который своим заявлением: «Можете теперь расслабиться, конец истории наступил», – можно сказать, подвёл их всех под Соловецкий, а не Лейк-Плейсидский монастырь.

А привыкший подводить под папскую тиару кардиналов, пан Паника, можно сказать, был не готов к такому развитию исторических событий и он, как и многие из его ведомства советники, теперь находились в глубокой растерянности, не зная, что дальше делать и что советовать своим резидентам и президентам. Ну а все эти всё знающие с советниками за спиной господ, главы ведомств и президенты, когда они лишились дельных советов и самих советчиков, то тут же превратившись в ходячую несуразность, перестали выглядеть умными и здравомыслящими господами, которые от своих знаний ничего не знали, только и знали, как только ругаться между собой и обвинять своего оппонента, или абонента, или может быть абонемент (если они ещё помнили и знали, кто это такой; что, впрочем, для них было не важно) в том, что он по сравнению с ним и этого не знает. Ну и далее шла цепная реакция, которая по своей логической цепочке вела в свою неопределённость – хаос.

И хотя контролируемый хаос тоже был одним из тех разработанных их отделом стратегических исследований и изменений инструментом проведения внешней политики, всё же когда он бумерангом возвращается и начинается действовать во внутренней политике – в твоей голове и в твоём окружении, то что-то как-то даже не видно, как он управляет. И вот в этом разброде и шатании в разные стороны политического бомонда или истеблишмента, который между тем постоянно давит на него и требует немедленно найти приемлемое решение для выхода из этого тупика, в который они сами себя и загнали, теперь и приходилось работать пану Панике. А он совершенно не на это рассчитывал и вообще, когда-то собиравшись, как только он выйдет на пенсию по старости (которая как оказывается, была не за горами; и тута опять обманули) и по заслугам, ничего не делать, а только курить гаванские сигары и пить виски, лёжа в гамаке на пляже где-нибудь в Майями. А получается так, что сейчас он вынужден здесь мучиться от зубной боли, когда как какой-нибудь беззаботный олигарх или просто беженец,

вот прямо сейчас курит его гаванские сигары, лёжа в том самом гамаке, где он когда-то рассчитывал лежать.

– Признания захотел, конченный историк! – вслед за своим зубом вновь завопил пан Паника, протягивая свою руку за очередной порцией виски. Которая без промедления вновь занимает своё место вначале во рту пана Паника, а затем по тому же принципу, через полоскание рта проглатывается им. Ну а вторая принятая порция виски, уже приносит свои мысли и связанные с ними облечения или, наоборот, злобные озарения.

– Легитимность им всем подавай. – Злобно усмехнулся пан Паника. – А такую не хочешь. – Сунув композицию из трёх пальцев в эту общую фотографию (а ведь там президент!), смачно плюнул на ковёр пан Паника, который в этом своём поступке всё же слишком переусердствовал (а скрытая камера всё пишет; потом на комиссии по этике не оправдаешься), а так он, вообще-то, всего-то плюнул в расплывшееся от дружелюбности лицо, одной из множества марионеток той прежней администрации президента, в которой в своё время по велению всем сердцем ненавидящей коммунистов души, на своих добровольных началах работал советником пан Паника.

– Как там его? – размышлял пан Паника, пытаясь вспомнить ту необидчивую и знающую своё место в стойле, рожу нового демократично избранного президента кокосовой республики ... – Сколько их было, все теперь и не упомнишь. – Умело оправдал свою забывчивость немного захмелевший пан Паника.

– А ведь ещё совсем недавно, да практически вчера, мы никого в расчёт, кроме разве что только на колени, не ставили. – Вдохнул пан Паника и, прихлёбывая из стакана виски, ударился уже не головой об стол, а всего лишь в воспоминания. Ну а воспоминания, да ещё под затяжной прихлёб из стакана виски, всегда доводили пана Паника до того самого, всем известного кремля, двери которого, он само собой открывал ногами.

– Ну что, падлы, заждались! – отдавливая ноги и скручивая пойманные подобострастные носы компраторов, из-за природной скромности пытающихся уклониться от такой милости нового хозяина, радовал своим словом и долгожданным появлением новый царь Дмитрий, о чём даже метрика есть, а по местному обычаю – Лжедмитрий третий, в отрочестве называемый пан Паника.

– Где? – многозначительно спросил Лжедмитрий третий, зорко глядя в глаза схваченного им за бороду, пока что не бога, а специально отравившего эту бороду к его приходу, да и для того чтобы слыть за своего, господина Графа, а по мнению Лжедмитрия, такого же как и все, Ивана-дурака. И точно, этот Граф смеет не проявлять проницательности и, подобострастно улыбаясь, только тупо смотрит в ответ. Что, естественно, вызывает у Лжедмитрия третьего нетерпение и злость, и он, что есть силы, дёрнув за бороду этого Графа, заорал на него:

– Я не посмотрю на твоё купленное в Африке дворянство, а живо разжалую в холоуи, если ты мне сейчас же не ответишь на вопрос, где моё царственное место?

– Позвольте вас, ваше благородие, поправить. Под вашим началом быть в холоуях, значит возвышение. – До того приторно сладко улыбнулся в ответ этот Граф, что Лжедмитрий третий, удивившись тому, почему к нему так, не по историческому времени обращаются, вдруг до нестерпения так сильно захотел пить, что даже потерял дар речи и, открыв рот, принялся рукой показывать Графу, что он хочет пить. Ну а так как в руке Лжедмитрия третьего в этот момент была только борода этого Графа, то он сам того не заметив, засунул себе в рот часть бороды Графа. Что, в свою очередь начинает вызывать у него во рту свои неудобства и Лжедмитрий третий начинает звучно чихать, где он, в конце концов, и вычихивает себя из как всегда задремавшего на полу пана Паника.

Ну а сам пан Паника, как оказалось, увлечшись виски сполз со стула на ворсяной ковёр, где на его подсознание, который уже раз этим ковром и было оказано своё ворсяное давление,

преобразовавшееся в такой причудливый сон с бородой этого Графа в руках (когда на самом деле это всего лишь ворс ковра оказался в его руках, а затем во рту).

– Бытие определяет сознание. – Не удивившись случившемуся, поднявшись на ноги, несдержанно, по марксистки осознал себя пан Паника. Что заставляет его рефлексивно посмотреть по сторонам в поисках невольных и скорее тайных ушей свидетелей. И хотя этих ушей не видно, пан Паника не дурак и догадывается, что они есть, и его, как и всех находящихся под защитой этого самого известного дома персоналий, с придыханием слушают и делают выводы.

«Ну ладно, пусть слушают, если, конечно, посмеют. Но они не посмеют!», – улыбнувшись про себя, во хмелю решил себе позволить эту вольность пан Паника, зная, что и тех, кто слушает, тоже в свою очередь кто-то непременно слушает. Правда, пан Паника, как человек, которому было свойственно недоверие и придирчивость ко всему, что заставляло его три раза на день проверять выключен ли свет в квартире или закрыты ли краны с водой в ванне, предполагал, что и тех, кто слушает тех, кто слушает их, вполне вероятно, что тоже кто-то слушает. Ну а на ком заканчивается эта логическая и возможно круговая цепочка, то это такой вопрос из вопросов, что лучше не задаваться им, даже будучи наедине с самим с собой, а иначе точно голову сломаешь. Ну а раз присутствует такая, по большому счёту открытость, то для того чтобы за тобой что-нибудь не заподозрили, то нужно время от времени озадачив слушателей, заявлять вслух такие провокационные вещи.

– А часом пан Паника не коммунист? – услышав пана Паника, тут же обомлели от такой догадки, всё же посмеявшие его слушать, на одно мгновение даже забывшие свои имена агенты из секретной службы, которые даже и не предполагали, насколько сложна их служба в этом агентстве моментальных сообщений, где столько противоречивой и не поймёшь что за информации, в один миг обрушивается на них.

– А ты что думаешь, зря их что ли называют Вашингтонским обкомом. – Первым не спохватился, а лишнее сболтнул (когда только что и делаешь, что слушаешь, то часто забываешься и болтаешь то, что не следует), худой как вешалка, агент Смит.

– И кто их так называет? – решив сыграть дурачка, хитро спросил Смита, после измены своей жены Маруси с одним из конгрессменов, больше никому не доверяющий агент Вольф. О чём, конечно, (и не из-за любви к горячим историям – ну да из-за этого тоже – а потому что для того чтобы доверять полученной информации, нужно доверять тому, кто её распространяет; в том числе и Вольфу) нужно остановиться поподробней.

Так по некой превратности судьбы, именно агент Вольф был приставлен к тому самому конгрессмену Альцгеймеру, за которым шёл длинный шлейф сексуальных скандалов. И, видимо, сколько верёвочке не виться, а она свой конец всегда находит и доводит до того, что этот конгрессмен, окончательно зарвавшись, берёт и кому-то из высших чинов агентства национальной безопасности, каким-то сам не заметил образом, переходит дорожку. А это недопустимо (как минимум, для того высокого, метр девяносто или много футов, главы секретного агентства мистера Залески).

В результате чего принимается решение вывести на чистую воду этого незнающего пределов своей неотразимости и нахрапистости, имеющего выборочную память – о своей изнаивающей в одиночестве жене забыл, а вот о чужих не забывает, заглядывая к ним в гости именно тогда когда их мужей нет дома – конгрессмена Альцгеймера, приставив к нему скрытное наблюдение.

И так уж получилось, что когда конгрессмен Альцгеймер, что от него было ожидаемо, вдруг возжелал находиться и частично уже был на пути к интимной близости с первой им подцепленной в баре леди, то именно агент Вольф, как раз и находился на своём боевом посту – в наушниках, на прямую связанных с тем самым номером отеля, где свои грязные делишки и проделывал с этими первыми встречными леди, этот столь забывчивый конгрессмен.

А ведь поначалу своего наблюдения за конгрессменом Альцгеймером, агент Вольф даже восхищался его умелостью оказывать своё магнетическое воздействие на этих только с первого вида не сговорчивых леди.

– Ты знаешь, кто я?! – с одного только этого своего вопроса, сбивал с мысли леди этот пылкий конгрессмен. На что в ответ леди и не успевают даже подумать о том, что всё это может значить, как он своим заявлением: «Я конгрессмен!», – и брошенным прямо им в лоб снятым носком выбивает из под их ног почву и роняет леди в объятия столь экспрессивного политика. «Что и говорить, а он политик с большой буквы», – радовался за конгрессмена агент Вольф, пока не услышал, как конгрессмен, обращаясь к леди из бара, произносит знакомое имя Маруся. Что сразу же настораживает агента Вольфа и заставляет его более внимательно прислушаться к звучащему в объятиях конгрессмена женскому голосу. Ну а услышанное, как гром среди ясного неба поражает в один момент прикусившего свой язык агента Вольфа.

– А что же вам так не хватает в вашем муже, леди Маруся? Только деньги не в счёт. – Конгрессмен Альцгеймер никогда не отворачивается спиной к леди и, всегда готов покуривая в кровати, поддержать с ней разговор. И пока леди Маруся не успела в ответ раскрыть рот, конгрессмен вовремя улыбается и для того чтобы просто полежали, кладёт на журнальный столик несколько полновесных денежных купюр. Ну а леди Маруся не дура и она понимает, насколько деликатен и тактичен конгрессмен Вилли (так ей представился конгрессмен Альцгеймер), а для неё Витя, и ничего не говоря берёт купюры, шумно складывает их в руку и прячет в сумочку. После чего смотрит на конгрессмена Витю и говорит:

– Люблю слушать, особенно этот непередаваемый волнительный звук хрустящих купюр. Вот и мой муж, полная моя идентичность, тоже очень любит меня слушать. А когда оба слушают, и никто не говорит, то всегда, кажется, что чего-то не хватает.

Что же ей сквозь свой храп ответил на это конгрессмен Витя, белый как полотно агент Вольф, из-за стоящего шума в его ушах так ничего и не услышал, но про себя поклялся обязательно узнать, даже если для этого понадобится выбить все зубы у конгрессмена Вити. Ну а чтобы комиссия по этике не успела конгрессмена Витю за его порочные связи лишить его конгрессменства (агент Вольф решил спросить с конгрессмена, а не с обычного гражданина), агент Вольф решил не придавать огласке все порочащие конгрессмена Витю записи.

– Я в интернете читал. – Ловко уходит из ловушки агент Смит.

– Это всё русские хакеры, они подменяют настоящие новости фейками. – Сказал агент Вольф.

– Согласен, дружище. – Решил закончить развивающий в неудобную для себя сторону разговор агент Смит, заметив, что за всем этим они отвлеклись и совершенно забыли о пане Паника.

Сам же пан Паника тем временем осознаёт, что он хоть и крепко приложился к виски, но всё же недостаточно для того, чтобы здраво мыслить, и для того чтобы изменить эту неудобность, наливает себе ещё один стаканчик. Затем выпивает его и, усевшись на своё прежнее место, возвращается к тем своим тревожным мыслям, которые так беззвучно для него привели его на пол.

– Надо срочно что-то делать. Так больше продолжаться не может. – И первое, что уже сильно не молодой и даже со следами подтяжек (об этой грубости по отношению к его лицу больше всех жалел допустивший её пластический хирург Зац, на лице которого в тюрьме Гуантанамо теперь проделывают свои операции практиканты из пластической академии имени сами знаете кого) на лице, старый пан Паника решил, глядя на себя в зеркальное отражение рамки фотографии, так это что-то изменить.

– Всё, хватит уже показывать нашу слабость и потакать врагу! – ударив пустым стаканом об стол, не сдержался пан Паника. – Пора показать всем и главное нашему извечному стратегическому противнику, что его время курить кубинские сигары подошло к концу (пану Панику

не даёт покоя такая географическая несправедливость – он вынужден контрабандным путём доставать себе эти находящиеся под боком у его страны сигары, когда находящийся за тридевять земель противник, имеет прямые поставки этих сигар), и мы вновь вернулись навсегда и надолго.

«I'll be back!», – стальным голосом, с примесью звука наливаемого в стакан виски, огласил свой кабинет расплывшийся в улыбке пан Паника. После чего он залпом выпивает содержимое стакана, ставит его на стол и достаёт из ящика стола рабочую тетрадь, где начинает время от времени задаваясь необходимыми для написания вопросами, делать наброски.

– Нам срочно нужна показательная порка. – Покусывая колпачок ручки, размышлял пан Паника. – Только так мы сможем вернуть к себе страх и уважение. – Задумался пан Паника, глядя куда-то в глубины себя. Где он вдруг наталкивается на не запомнившееся им, но отлично записанное подсознанием, заявление клерка Блюма, который в ответ на заявление генерала Браслава, спросил его: «А зачем нам тогда будет нужна эта банановая республика, если на ней после того как вы её разбомбите, не останется ни одного банана?».

– Точно! – озарила догадка пана Паника. – Мы на примере диктатора Заносы продемонстрируем всему миру, что бывает с теми, кто решил бросить вызов нашей гегемонии. А заодно сможем обкатать новые технологии в реальном времени, обучить обновлённые кадры сотрудников (старые уже подрастеряли всю свою квалификацию – они уже путают диктора с диктатором – и уже ни на что не способны) и, пожалуй, эти нытики из конгресса, наконец-то заткнутся.

«А ещё истеблишментом себя называют», – неліцеприятно прошёлся по вечно недовольным и злым лицам финансовых воротил и конгрессменов пан Паника. И его озабоченность за них можно понять – он ведь их главная политехнологическая надежда, и они без его организаторских способностей и умения стравливать миры и извлекать из этого прибыль, можно с уверенностью сказать, как без рук. Пан Паника от нетерпения даже встал со своего места и принялся прохаживаться вдоль своего кабинета.

– Так. Теперь, прежде всего нужно заручиться внутренней поддержкой. – Пробубнил про себя пан Паника, остановившись у стола. После чего он вновь берёт со стола фотографию в рамке, с которой на неё смотрят все те кто определял и ещё определяет внутреннюю и значит, внешнюю политику самого известного, а судя по голливудским фильмам, не только на земле дома, и нахмурившись, глядя на одну выдающуюся своим животом вперёд личность, решает набрать его телефонный номер.

– Это я. – Озвучивает себя пан Паника, когда на той стороне провода, после нестерпимого количества длинных гудков («Падла, специально сразу не берёт трубку, чтобы меня потом обвинить в той настойчивости, с которой я искал с ним встречи», – вместе со своей сжимающей трубу телефона рукой, побелел от злости пан Паника), наконец-то, слышен весёлый ответ вызываемого абонента: «Алло!». – Знает же гад, как я отношусь к принципиальному противнику, и специально отвечает мне с русским акцентом, чтобы спровоцировать меня на неосторожность в высказываниях. – Прежде чем ответить, в голове пан Паника пролетает нервная мысль.

В ответ же набранный паном Паникой абонент не спешит отвечать и как слышится или может, кажется, уже не находящим себе места паном Паникой, посмеивается в трубку. И пан Паника уже готов взорваться и накричать на этого, что за сволочь, тугодума, как сэр Рейнджер, а это был набранный паном Паникой абонент, наконец-то надумав, соизволил ответить.

– А я вот всё думаю, что ответить, скорей всего забывшему все берега человеку, который таким безапелляционным образом позволяет себе обращаться ко мне. – Прожёвывая слова, начал говорить сэр Рейнджер и как показалось пану Панике, он эти свои слова заодно запивал каким-то очень для него знакомым напитком.

– Хотя, если человек забылся, а судя по этому его заявлению, он определённо забылся, то, пожалуй, можно понять его стремление узнать, кем он на самом деле является. Ну а то,

что он обратился с этим вопросом, а вернее сказать, за помощью в своей идентификации, не к первому проходившему с улицы, а к лицу с аналитическим складом ума и можно даже сказать, не самому последнему человеку в не самом последнем на этой земле доме, то, пожалуй, у него ещё сохранилось в голове здравость ума. – На этом сэр Рейнджер был вынужден закончить своё введение в психологию познания человека, так как сам познаваемый человек оказался существом нервным и нетерпеливым, раз он, не пожелав дальше слушать все эти инсинуации сэра Рейнджера, грубо перебил его, заявив:

– Есть срочное дело. Нам нужно встретиться.

– Ты в этом уверен. – Набивает себе цену сэр Рейнджер.

– Не сомневайся, ты в этом убедишься. – Сказал пан Паника.

– Тогда где? – спросил сэр Рейнджер.

– Там, где это не вызовет нежелательных вопросов. – Сказал пан Паника.

– Где сегодня, а может завтра и послезавтра, и так целую неделю, будут все? – Предположил сэр Рейнджер.

– Верно. – Ответил пан Паника.

– И на чьё выступление мне стоит обратить внимание? – спросил сэр Рейнджер.

– Выступление лидера, уже не такой, как нам бы хотелось её видеть демократичной страны, полковника Заносы. – Умело довёл до сэра Рейнджера главную мысль и пожелания истеблишмента, чьим выразителем всегда был пан Паника.

– Хм. – Выразил сомнения в таком выборе сэр Рейнджер, что сразу не понравилось не терпящему возражений пану Паника. Но сэр Рейнджер догадываясь, а может, зная, что телефонным разговорам нет доверия и кто знает, этого болтливого собеседника или эту современную коммуникационную, также склонную болтать лишнее технику, и не завелись ли у первого тараканы в голове, в у второй жучки в микросхемах, так что он не собирается вот так открыто высказывать своё мнение, и ограничивается договорённостью о встрече.

– Хорошо, я обращаю на эту речь внимание. Но только сидя. – Засмеялся сэр Рейнджер, чем вызвал першение в горле, совершенно никак не склоняемого к смеху и веселью пана Паника.

– Буду ждать. – Ответив, положил трубку пан Паника. После чего пан Паника берёт графин, внимательно смотрит на его содержимое и, вздохнув, наливает себе совсем чуть-чуть. Вслед за этим берёт полупустой стакан и, посмотрев уже на него, подумал: «Что ж, для того чтобы убедить сэра Рейнджера оказать нам помощь, придётся в чём-то уступить и поделиться. Ну а дальше останется сделать всё тоже самое, что и всегда – кого-то заговорить, кому-то что-то пообещать, на другого надавить, ну и дальше в таком же разговорном духе. Ну а как только этот скрипучий механизм закрутится, то его уже ничем не остановишь, пока голова Заносы не будет болтаться в петле».

После чего пан Паника залпом выпивает виски и, скривившись смотрит на лежащую на столе раскрытую тетрадь. – Но перво-наперво надо позаботиться о подготовке новой команды. Кто-то, уже и не помню кто, говорил – кадры решают всё. – Взяв телефон, пробубнил пан Паника. Что (его бубнение), тут же было расшифровано опытными шифровальщиками агентами Смитом и Вольфом, которые переглянувшись, одновременно пришли к одному и тому же выводу:

– Пан Паника, точно латентный сталинист.

Глава 2

Встреча встрече рознь и провокация

Фраза: «Ничего личного, только бизнес», как правило, больше всего волнует и касается того, на кого в данный момент направлен ствол пистолета или в более изобретательном случае, чьё имущество прямо сейчас идёт с молотка. Ну а для самого сказавшего эту присказку человека, с пистолетом или с исполнительным судебным иском, она служит своего рода оправданием его жизненной позиции – нужно же на хоть что-то опираться. Хотя на самом деле и для этого держателя пистолета личное всегда стоит на самом первом плане. Наверное, поэтому все эти выгодоприобретатели или простым языком сказать барышники по жизни, несмотря даже на чужие финансовые издержки, иногда так падки на все эти предложения, увековечить своё имя в веках и памяти тех людей, кто находится по другую сторону от его пистолета (впрочем, этим грешат все).

И что же ещё может сказать в ответ, да тот же рядовой американский миллиардер Рокфеллер, когда ему делают такое многообещающее предложение: «Джон!», – как только ответить своё сухое:

– Денег не дам. – На автомате отвечает Джон (что поделать, все его деньги находятся в обороте или в слепых трастах – что это такое, он и сам не знает; главное, это доходно). На что спрашивающий Джона вечно сующий свой нос в чужие дела прокурор штата под одной из очень известных по сериалам фамилий, которая, дабы не скомпрометировать себя здесь не произносится вслух, конечно же, сразу обиделся на Джона за его такую недалёковидность (или дальновидность?) насчёт него. Но потом почувствовав в этом ответе Джона заботу о себе – Джон знает, как прокурора тяготит наличие в чужих карманах лишних средств, и поэтому во благо ему врёт, говоря, что у него их нет – прокурор решает зайти к нему с другой стороны (не через открытое окно офиса, в которое он позвал Джона, а через дверь).

Ну а так как Джон не предусмотрел такой изобретательности прокурора и не успел закрыть дверь на щеколду, то грузный прокурор штата, пусть будет по фамилии Безфамильный, даже не почувствовал подставленную к двери ногу Джона и вошёл вовнутрь офиса. Вслед за этим прокурор штата Безфамильный, явно чувствуя себя здесь как дома – что поделаешь, такая у него была натура, он везде чувствовал себя хозяином положения – не спрашивая потирающего от боли ногу Джона, садится на его кожаный стул, закидывает ноги на стол и, взорвавшись на Джона, начинает вспоминать, где он ранее мог видеть эту преступную личность.

После чего вспоминает и, расплывшись в улыбке, вначале начинает рассказывать Джону о том, как оказывается тому повезло с тем, что он знаком с ним, прокурором штата, как повезло штату с таким прокурором как он, и при этом, как не повезло всем преступным личностям, что прокурор штата именно он (в этот момент, прокурор очень внимательно посмотрел на Джона, давая понять ему, что только от него зависит, повезло Джону или нет, что он прокурор).

Но это всё присказки, когда само главное, это то, что ему вчера одновременно повезло и не повезло.

– Да. И так бывает. – Тяжело вздохнул прокурор Безфамильный и Джон, по этому его вздоху сразу понял, что данный им в самом начале разговора ответ, совершенно не устраивает прокурора. – Мне не повезло вчера в карты, и я в пух и прах продулся. – Опустив ноги на пол, с сожалением себя, проговорил прокурор. И, пожалуй, была бы его воля (а он всего лишь представитель исполнительной, а не законодательной власти; в общем, безвольный, подчинённый человек), то даже при плохих картах продулся бы кто-то другой. Но среди игроков, где все были сплошь конгрессмены и сенаторы (представители законодательной власти и значит, волевые люди), к его огорчению не нашлось менее волевого человека, и прокурору пришлось заливать своё горе коньяком.

– А ты же знаешь, как я не люблю пить коньяк. – Этим своим заявлением, прокурор Безфамильный смог-таки удивить Джона, который даже не подозревал о такой своей близости к прокурору. Прокурор же тем временем вновь возвращает своему лицу благодушие и уже радостно заявляет. – Но как оказывается и в коньяке есть свои положительные стороны. – Прокурор сладостно вздохнул, вспомнив, куда его вчера после коньяка занесла нелёгкая.

– Так вот. – Прокурор потряс головой, чтобы выбросить из головы воспоминания о нелепых сторонах жизни людей не в трезвом виде и памяти. – За коньяком мне удалось познакомиться с одним мутным типом, который... – Тут прокурор замолчал, посмотрел по сторонам и, вроде бы никого не обнаружив, указательным пальцем руки подозвал к себе Джона.

Ну а Джон, зная, что прокурор не отвяжется, уже сам вздохнул и подошёл к этому пышущему перегаром прокурору. Ну а тот без лишних разговоров хватает Джона за шею и, приблизив его ухо к своему рту, начинает нашептывать ему то, что он услышал от того любителя коньяка. И трудно сказать, на что рассчитывал прокурор Безфамильный, облизывая словами уши Джона, тем не менее, когда он уходил от Джона, то его сердце и душу согревал выписанный Джоном чек. Ну а сам Джон, в чьей голове так и стояли чьи-то слова: «Буквально весь мир будет на твоей, представь только, на твоей земле пастись!», – уже сидел на трубке телефона, вызывая нужных ему лиц, среди которых и оказался крупнейший местный девелопер Уильям Зекендорф.

После чего Джон покупает кусок Манхэттена площадью в 17 акров и, совершенно случайно услышав, что как оказывается, весь мир очень нуждается в подходящей площадке под строительство штаб-квартиры ООН, предлагает этому, что за глупое название ООН, подарить этот свой участок под штаб-квартиру. – А я как-нибудь обойдусь и построю свой центр имени себя, в каком-нибудь другом задрыпанном месте. – Умеет же уговаривать ООН и себя, этот скромный бесребреник Джон.

Ну а ООН, хоть и очень богатая организация – если ОНО захочет, то может себе позволить построить штаб-квартиру в любом месте на Земле – но ведь не это главное. А главное для неё, это её основополагающие принципы, на которых и зиждется эта организация. Да и политическая составляющая, и конъюнктура заложенные под здание этой организации, разве могут позволить, чтобы ООН так разбрасывалась деньгами, и тем влиянием, и значением, которое оно будет иметь, находясь как раз на земле оплаченной первым капиталистом и эксплуататором Америки Рокфеллером (какой вызов коммунистам). Ну а предложенная под штаб-квартиру Ниагара, была тут же забыта.

Но всё это – то, что Джон за свой благородный поступок получил от государства налоговые преференции – конечно домыслы не блажелателей миллиардера, а также не выдержавших честной конкуренции с ним разорившихся бизнесменов, а сейчас вольных болтунов коммивояжеров, ну и как без них – уволенных без выходного пособия, представителей пролетариата, которым всегда близки коммунистические идеи, раз им нечего терять кроме своих цепей. В общем, как бы то не было, а здание ООН стоит на своём настоящем месте и проводит свои заседания, брифинги и ассамблеи, даже несмотря на провокационные заявления, мимо него проезжающего на своём люксовом автомобиле, не совсем в себе, перебравшего воспоминаний Джона (всё верно, все знают, что их навевают и нагоняют).

– У нас частная собственность священна. Так? – упревшись взглядом в напротив него сидящего мэра Нью-Йорка Джулиани, спрашивает его Джон.

– Так. – Соглашается с Джоном его близкий друг и по случаю такой дружбы, мэр Нью-Йорка Джулиани.

– А я вот возьму и аннулирую свой подарок! – вдруг заявляет Джон.

– Как это? – спрашивает его вдруг протрезвевший мэр Нью-Йорка.

– А скажу, что такие как ты коррупционеры, оказывали на меня давление и брали деньги за то, чтобы моё предложение о дарении земли под строительство здания ООН было принято. –

Своим заявлением Рокфеллер окончательно роняет себя в глазах мэра Нью-Йорка, который уронив пепел от сигары себе в ботинок, совершенно не понимает, когда это он так оплошал, раз совершенно не помнит, чтобы ему за это деньги давали. Так что ответ мэра ожидаем и, он до глубины души возмущившись за прежнего мэра, который сдавая ему дела ничего такого не говорил, а сразу улетел на личном вертолёте отдыхать на Кубу, где его и расстреляли повстанцы, резко заявил в ответ:

– Не может такого быть.

– Может! – непримиримо заявил Джон и в подтверждении своих слов выкидывает вперёд прямо под нос мэру, сжатую в кулак правую руку. После чего внимательно смотрит на оторопевшего от такой его резкости мэра и добавляет. – Вот именно этой рукой я ставил подпись под договором дарения. Понял! – И мэру, даже несмотря на то, что он ничего не понял, а смотря на кулак, что существенней, не остаётся ничего другого делать, как только понять и в соответствии с этим сказать: Понял.

Но на этом испытания для мэра Нью-Йорка Джулиани не заканчиваются и, совсем от рук отбившийся Рокфеллер, вдруг очень страшно прищуривается («Неужели, сейчас прийдёт?», – ахнул мэр), и спрашивает мэра:

– А что это значит?

И взмокшему мэру только и остаётся, как не показывая виду этому обезумевшему от своих денег и могущества миллиардеру, охнуть и осесть в себя. «Говорили же мне, что дружба с миллиардерами до хорошего не доведёт. И точно. Сейчас он меня прийдёт», – забегали глазки у судорожно соображающего мэра. Ну а Джон уже весь горит от нетерпения и совершенно не готов так долго ждать ответа от этого недалёкого, от горшка два прыжка, что за мэра. И Джон, натянув на лице все свои подтяжки, зычно рыкнул на мэра: Ну!

– Это рука. – Только и нашёлся, что сказать мэр.

– Тьфу, на тебя. – Не сдержался Джон и олицетворил брызгами благодарного ему за то, что не кулаком, мэра. – Я спрашиваю. Какая, это рука? – уже более спокойно спросил мэра, выплеснувший всю горечь через слюну Рокфеллер. Но мэра не провести всем этим спокойствием. Он-то знает, что это спокойствие перед бурей, которая непременно разразится, стоит ему только дать не правильный ответ на этот, не просто вопрос, а определённо с умыслом вопрос.

«Да что ж такое. Что за день. – Взмолвившись, вновь поплыл растерянный мэр. – И на что мне всё это! – хотел уже было вскинуть руки вверх мэр, но почувствовав на руке золотые часы, посчитав, что сейчас прибежаться будет не продуктивно, решил подумать над ответом этой загадки. – Может, дающая! – первая пришедшая мысль сразу же обрадовала мэра и растекалась теплом у него в животе. Но его радость тут же омрачило его знание антонимов. – А может, берущая? – Побледнел не готовый что-либо отдавать мэр Джулиани, правда, готовый в доказательство своей бедности, предоставить все декларации за последние годы своего пэрства (так он в шутку называл свою работу), где указан его мизерный доход (что поделать, раз он подкаблучник и всё имеющееся у них в семье имущество и денежные средства, принадлежит его супруге, видной бизнесвумен Джулии; у него даже фамилия от имени жены).

Рокфеллер же, видя все сомнения мэра, даёт ему подсказку:

– Это та рука, которой я подписывал договор дарения.

– И что? – уже ничего не понимает мэр Джулиани.

– А то, что это правая рука, а я левша! – Что есть силы заорал Джон. Ну а дальше понеслось. Так для начала дав мэру в лоб, уже не смог сдержаться раскричавшийся Джон, который в своём нервном забытии так разошёлся, что избил мэра гаванскими сигарами, которые так любил мэр. И как результат всему – он забыл о своей зловещей угрозе, подать претензионный иск и закрыть эти двери ассамблеи, что как раз не позволило расшатать мировые устои и не

пустить на её очередную сессию представителей различных стран, среди которых были даже президенты.

И ведь это хорошо, что на этом свете, кроме алчных и до всего имеющих свой аппетит частнособственнических капиталистов, существуют не жалеющие себя, самоотверженно трудящиеся на благо своей и что уж говорить, на благо общего мира, такие мэры как мэр Нью-Йорка Джулиани, который принял на себя весь удар и не позволил осуществиться коварному плану Джона по лишению крыши над головой участников ассамблеи.

Что же касается этого камня преткновения, самой ассамблеи, то она есть олицетворение всего самого передового и прогрессивного, что есть в человечестве. Так с самого входа вас встречают выстроенные в алфавитном порядке флаги всех стран, членов этой организации. Внутри же самой ассамблеи всё демократично и как надо устроено, для всех и каждого из его участников, где каждый из них, ни в чём не будет обделён, в том числе и вниманием.

Так для каждой страны участницы ассамблеи – а их чуть ли не 193 страны – выделен свой секторальный стол, за которым представители стран, одев на себя наушники, смогут, удобно устроившись, слушать то, что им переведут вслед за речью очередного докладчика. А ведь эти докладчики не простые, а всё сплошь демократично избранные президенты стран и монархий. Правда их время от времени, хорошо, что только на трибуне, а не в стране, сменяют различные представители недружественных режимов, среди которых, что уж греха таить, через одного встречаются осуждаемые всем мировым сообществом диктаторы и просто не легитимные, то есть малосимпатичные, как правило, с усиками, тираны.

– И как только их трибуна терпит и ещё держит! – у любого здравомыслящего человека при виде этой или той диктаторской или старорежимной рожи, не может не вырваться подобный крик отчаяния. И надо воистину обладать огромным самообладанием, терпением и выдержкой, выработке которой способствует чёткое следование демократическим принципам невмешательства, чтобы сдержаться и от отчаяния не выхватить из плечевой кобуры пистолет, и не разрядить его весь до последнего патрона, в этого несущего со священной трибуны ООН одну ложь и околесицу, что за деспотичного диктатора.

Правда, не все здесь столь стойки – им, наверное, поэтому не продают автоматическое оружие (а с пистолета много не настреляешь) – и некоторые, как к примеру, технический персонал, при виде ненавистных лиц диктаторов, которые вообще оборзели, и не только вольно, и не опасаясь за свою жизнь здесь ходят и дышат, но и решив расслабить свою грозность на лице, принялись довольно улыбаться, вдыхая воздух свободы, иногда не выдерживают и, используя своё служебное, близкое к стоящим на трибуне микрофонам положение, берут, набирают в рот слюну и плюют на микрофоны.

– Ну ладно, диктаторская рожа! На, получай. – Стоило только отвернуться отвечающему за готовность зала и в частности трибуны для выступления контролёру, как пылётёр Родриго, уже проделал свою смачную диверсию. И, конечно, трудно осудить за идущие от самого сердца действия, этого, когда-то подающего надежды на место в элите одной из ближнего бассейна страны, а сейчас подающего, а чаще быстро хватающего швабру, бывшего представителя золотой молодёжи, Родриго Бандераса, чья не спокойная душа на этом не успокоится и будет мстить и мстить.

Но это всё частности, которые всегда имеют своё место там, где часто собирается огромное количество и всё больше разных, с отличным цветом и взглядом на мир людей, где у каждого есть свои настроения, проблемы и такие культурные ценности, что при виде их без матерного слова иногда и не обойдёшься (но это себе позволяют ещё не освоившиеся, мало культур видевшие, далёкие от дипломатической работы люди). Но и это тоже всё частности, которые со временем пообтеревшись в этих стенах, так приживаются, что без них даже, кажется, что чего-то здесь не хватает.

А вот этот вопрос – чего же им всем не хватает, можно сказать общечеловеческий и общий, для решения которого, скорей всего и была создана эта глобальная организация. И, пожалуй, чтобы ответить на него, прежде всего нужно откинув все частности, правильно суметь сформулировать для себя общую цель (лозунг «мир во всём мире», это только инструмент для достижения общей цели, а не сама цель; хотя некоторые философски настроенные страны в последнее время пытаются использовать обратный миру инструмент), найти которую, возможно позволит дать ответ на следующий вопрос – а что же всё-таки всеми собравшимися здесь странами движет?

Ну а всеми здесь неспроста собравшимися представителями разных стран, как правило, движет одно общее, а именно желание признания и уважения (второе спорно) и не только на словах. И хотя страна стране рознь, тем не менее, её размер никак не влияет на степень самооценки и самоуважения её лидеров, которые не только сами не собираются заискивающе смотреть на президентов могущественных держав снизу вверх, но и им не позволяют тыкать себе, глядя на них сверху вниз. Но это, конечно, происходит только в теории, которая почему-то всегда далека от практики и от самой трибуны ООН, на которой лидеры стран демонстрируют свою полную независимость от мнений ...да того же самозванного гегемона, тогда как в кулуарах здания, при встрече ...пусть с тем же гегемоном – наверное оттого, что у гегемона много мордатых охранников, а так бы всё было по-другому – от их независимости мнения не остаётся и следа, а вот зависимости, полная сладкая чаша приторных улыбок.

Но такое хоть и случается сплошь и рядом, и по-человечески даже иногда понятно, всё же бывают и свои исключения из общих правил. И тому же гегемону (для удобства примера, он лучше всего подходит), не то чтобы непочтительно не кланяются прямо в ноги, а идут дальше – оттоптав ноги в новых сшитых на заказ лакированных ботинках, переходят дорогу. И тут уж всё зависит оттого, преднамеренно или может быть случайно наступил на ноги (хотя в большой политике случайностей не бывает, и значит, кто-то его подстрекал) этот не смотрящий себе под ноги налётчик, и определённо агрессор по отношению к чужой территории – туфлям (а они, находясь на ногах представителя независимой страны, обладают дипломатической неприкосновенностью). К тому же надо ещё узнать, а не собирался этот налётчик, таким злодейским способом аннексировать эту, по мнению агрессора, спорную (он уже спровоцировал носителя туфель на желание возмущаться и спорить) территорию.

И, конечно, тут возникает масса вопросов к спецслужбам (не иначе крот завёлся) – как они вообще допустили такую возможность, чтобы этот, что за дикий наряд, принц, какой-то там Нагибии, сумел так близко приблизиться к обладающему иммунитетом (вот уж нашёл чем гордиться), независимым от самого носителя характером, который всегда довлеет над ним вечерами, приводя его в такие места, о которых лучше не упоминать людям с совестью, чиновнику службы протокола мистеру Стронгу, и сумел так нагнуть его, что мистеру Стронгу ничего не оставалось делать, как с болью в сердце и на лице нагнуться и посмотреть на то, что этот гад наделал.

И хотя там всё было просто ужасно и плохо – песочный след пустыни, которая всегда присутствует на ногах всех этих принцев – мистер Стронг, как дипломат с большой буквы, проявляет сдержанность и не посылает того на три буквы, а высказывает лишь свою глубокую озабоченность таким ошибочным поведением принца Падлюки (мистер Стронг почему-то решил, что принца именно так зовут).

– Ты Падлюка, если ещё раз встанешь на моём пути, то я тебе все твои алмазные зубы пересчитаю. – Сладко улыбаясь, выказал свою глубокую озабоченность здоровьем принца мистер Стронг, после того как понял, что принц ни в зуб ногой на его гегемонском языке. После чего принц Нагибии раскланивается и покидает мистера Стронга, который теперь ни о чём другом и думать не может, как только об этом принце и кто мог за ним стоять.

И, пожалуй, этот случай с принцем Нагибии показателен тем, что в этих коридорах общего для всех народов дома, можно сам того не ожидая, встретить или всё также натолкнуться на представителя и даже президента любой страны, с кем можно вот так запросто перекинуться парой фраз (привет Обама или Джордж) и пожелать того, что сам себе не желаешь (тут всё зависит от вашего блокового настроя).

Так представитель какой-нибудь с ноготок на карте мира страны Собака-Ком, ну, например, министр до всего есть дела Барборис, (по названию страны сразу можно понять, что она высокотехнологичная страна; это заслуга креативного министра Барбориса, который пока что министр, а так у него насчёт себя грандиозные планы – он сам хочет стать диктатором, и ждёт не дожждётся, когда нынешнего главу страны Собаки-Ком правителя Тутси укусит малярийный комар), впервые оказавшись в этих величественных стенах ассамблеи (а ему не сидится и всё хочется увидеть и знать), и как новичок, по большому счёту не зная многих правил, конечно, имеет право и возможность заблудиться в этих бесчисленных коридорах комплекса зданий ООН, и вместо искомого им буфета, совершенно случайно натолкнётся на стоящую в курилке группу курящих людей.

Ну а как не здесь в курилке рассказывают все самые последние и важные новости и, конечно, Барборис, даже несмотря на давление своего голодного желудка, решил воспользоваться этим удачным стечением обстоятельств и прислушаться к разговорам столь важных персон.

При этом Барборис не собирается стоять вон там в сторонке – он знает себе цену, и если что, сумеет за себя постоять, и чтобы ни у кого не возникло насчёт него недоразумений, Барборис сразу заряжает свой рот сигаретой и явно специально, не находит у себя зажигалки или тех же спичек.

«Сейчас посмотрим на эти рожи в их истинном свете», – ухмыльнулся про себя Барборис и, протолкнувшись в общий круг, для начала сливается с чьим-то плечом и принимается за наблюдение.

В самом же кругу тем временем центральное место занимал всем известный, большой любитель тёплого окружения, сенатор Маккейн, сбоку от которого своё представительное место, как бы это не удивительно или наоборот, обычно выглядело, занял известный своими оголтелыми заявлениями в адрес всем известной администрации, диктатор Заноса (все знали, что сенатор тренирует свою силу воли, для чего собственно и общается в основном с диктаторами и подобного рода мутными и кровожадными типами). Ну а, судя по тому, что стоящие вокруг этих выдающихся персон люди, проявляли к ним не всегда здоровый интерес – не вынимая изо рта сигареты, постоянно о чём-то спрашивали их – то они здесь тоже не случайно собрались.

– Полковник Заноса! – несколько фамильярно, что в этих демократических стенах допустимо, обратился к диктатору постоянно поправляющий на носу очки и во рту сигарету, какой-то хлипкий тип. И, наверное, диктатор не счёл бы нужным заметить этого, по его мнению, слизняка, если бы у того не висел пейджик со словом «пресса», и если бы сенатор Маккейн своим кашлем не дал ему условный знак.

– Да, я вас внимательно слушаю. – Расплывшись в очаровательной улыбке, из-за которой множество леди, не задумываясь, отправилось бы за ним на край света (как раз туда, где диктаторствовал полковник Заноса), ответил этому слизняку из какого-то там поста Заноса.

– Когда вы станете генералом? – не успел этот, как оказывается ходячая язва, журналист задать этот однозначно провокационный вопрос с подтекстом, как окружающих сенатора и диктатора людей накрыло общее веселье. И надо отдать должное полковнику Заносе, он не стал доставать свой наградной золотой пистолет и всаживать серебряные пули в этого журналиста (все знают, что этих оборотней можно убить только серебряными пулями) – у Заносы он сегодня заряжен золотыми; а их на такого жалко – а вместе с сенатором Маккейном рассме-

ялся в ответ. Отсмеявшись же, Заноса, дабы показать какой он необидчивый полковник, сам ответно шутит:

– Пока никто не назначает. – И, пожалуй, эта недалёковидная шутка Заносы заслуживает не меньшего. И ему в ответ даже послышалось сдержанное хихиканье, но этот, что за язва журналист по имени Кондор, не только громче всех смеется, но и своим новым вопросом к сенатору Маккейну, срезает весь только образовавшийся смех.

– Сенатор. Отчего такая несправедливость. Неужели полковник Заноса не заслужил? – задаётся вопросом мистер Кондор и, в один момент срезав улыбки с лиц дипломатов и всех других здесь стоящих людей, погружает всё собрание в мрачную немоту. Ну а выход из такого неловкого молчаливого положения всегда необычайно труден и, пожалуй, возможен только в результате внешнего вмешательства, либо же никем неожиданным поступком, кого-то из здесь стоящих. И кто знает, чтобы все они делали, не окажись в их рядах случайно затесавшегося сюда Барбориса.

Ну а у Барбориса по большому счёту нет ни перед кем обязательств, и свои поступки он мотивирует пока что только самим собой, и своим знанием этого для него нового света – в общем, он независим от внешнего влияния, с этим его, так всех страшащим вопросом – а что потом о тебе скажут или того больше, подумают? И он смело смотрит на всех открытым взглядом и, выйдя вперёд, громко заявляет: I'm sorry!

И как только прозвучали эти слова в устах этого, для всех стоящих здесь с сигарами и сигаретами людей незнакомца (он был новичок и поэтому его никто не знал, и заодно не знал, что от него можно ожидать, а это всегда пугает), как лица дипломатов, советников и даже конгрессменов, одновременно побледнели и замерли в ожидании, что же за этим его заявлением последует. «А это ещё что за новость. Неужели, полковник вызвал наёмных убийц? – начали переплетаться мысли со страхом у этих дипломатических лиц. – А у меня последняя! Кто его сюда пустил? Я уже сегодня дал на бедность в переходе. Чёрт, дёрнуло же меня курить сигары. Сошлюсь на то, что не понимаю не дипломатического языка», – уже ближе к своей животной теме заволновались про себя дипломаты, не сводя своего взгляда с этого, уже ненавистного ими незнакомца (как быстро все забыли, что именно он, вывел их всех из создавшегося неловкого положения).

Между тем Барборис не спешит озвучивать свою просьбу и внимательно разглядывает помертвевшие лица дипломатов. И выбрав для себя самое высокомерное и недовольное лицо (понятно кого), обратился прямо к нему.

– Господа, я извиняюсь, что отрываю вас от ваших дум и сигарок, но я хотел бы присоединиться к вам, но как прямо сейчас выяснилось, я забыл спички. Не поделитесь огоньком, мистер. – Барборис обратился к мистеру с недовольным лицом, кем само собой и оказался большой либерал сенатор Маккейн (за свои либеральные идеи, иногда всё-таки приходится, вот так прямо в лицо отвечать). Ну а это прямое обращение к сенатору, заставляет облегчённо вздохнувших дипломатов, уже не облегчённо посмотреть на посеревшего лицом сенатора Маккейна, который как все знали был очень грозным сенатором и через раз грозил кому-нибудь дать прикурить.

«Что ж, вот и пришло время продемонстрировать на деле насколько ты крут. – Читалось в глазах смотревших на сенатора дипломатов».

Но Маккейн оказался крепким орешком, и он, стиснув зубы, достаёт зажигалку и протягивает её этому, непонятно что за проходимцу и определённосланному врагом провокатору. Барборис тем временем берёт зажигалку, внимательно смотрит на неё и вдруг спрашивает Маккейна:

– Смотрю китайская. Что, трофейная или подарили?

А вот это вопрос прямо под дых Маккейну вопрос, отчего он даже на одно мгновение задохнулся от такого не мысленного оскорбления себе, от этого, теперь уже понятно, что

засланного шпиона. «На что он намекает? – взволновались головы вокруг стоящих дипломатов и даже стоящего рядом с Маккейном диктатора Заносы. – То, что ему её скорей всего подарили, а не как он всем говорил, что добыл в бою. И значит... – потрясла догадка дипломатов, теперь-то понявших, на чьей на самом деле стороне находится сенатор.

Барборис тем временем разжигает огонь и прикуривает свою, как сразу же по искривившимся лицам дипломатов выяснилось, невозможно дышать, что за вонючую сигарету, затем возвращает зажигалку и ждёт, когда же оборванный им разговор вернётся в своё прежнее русло. Что, наверное, после его появления и заявлений уже невозможно, хотя для сенатора Маккейна, несмотря на неприятность концовки разговора, это просто необходимо – надо сбить всех с мысли о его зажигалке.

И сенатор, обратившись к рядом с ним стоящему советнику, сам начинает разговор. – Как думаете советник, стоит ли нам за счёт новых членов расширять нашу организацию? – И, хотя сенатор не уточнил о какой организации идёт речь, советник на то и советник, что он должен по тембру голоса или по каким другим отличительным признакам суметь понять, о чём ведётся речь и дать толковый ответ на заданный вопрос.

– Сенатор. – Хотел было ответить советник, как вдруг этот ненавистный им проходимец Барборис, не даёт ему это сделать и обрушивается на сенатора со своим новым провокационным заявлением:

– Так это вы тот самый сенатор!

Что и говорить, а это полное загадок, неожиданное заявление однозначно сочувствующего вражьи́м силам господина проходимца, выбивает из вздрогнувшего сенатора остатки его невозмутимости и заодно сбивает пепел с его сигареты, которая теперь дрожит в руках Маккейна. И хотя, возможно в заявлении Барбориса было больше восторженности (он в первый раз увидел в живую сенатора) чем какого-то смысла, всё же дипломаты такой народ, что привыкли видеть чуть дальше, чем даже сам заявитель. И, конечно, в этом его заявлении «тот самый сенатор», всем сразу же увиделась многозначность трактовок.

И на этот раз сенатор Маккейн не выдерживает, растерянно смотрит на непроницаемые лица советников и другого рода дипломатов и, не найдя в них для себя поддержки, вдруг обращается к более живому лицу диктатора Заносы – что есть штамп либеральной, вечно недвольной прессы, когда как Заноса был всего лишь слегка авторитарный, пользующийся среди своих выборщиков уважением лидер, хоть и банановой (у каждого свои недостатки), но всё же республики, а не как можно подумать, тьфу, алмазной монархии.

– Да кто это такой, в конце концов? – возмущается Маккейн, глядя на Заносу. – Ты его знаешь? – Теперь уже Заноса поставлен в тупик этим вопросом сенатора.

«Он что, считает, что я должен всех проходимцев знать! – про себя возмутился Заноса. – Ну тогда если так, то если сенатор мне знаком, то и он тоже проходимец». И хотя авторитарный лидер Заноса всегда так яростно и решительно изобличает своих врагов с экрана телевизора, где он через день грозит их всех стереть в порошок, всё же дипломатическая игра на публику, это одно, а вот жизнь в кулуарах, это совсем другое. И никогда лезущий в карман за словом авторитарный лидер Заноса, на этот раз берёт и сразу обеими руками лезет себе в карман за словом, которых как вскоре выясняется, и там нет.

И сенатор в очередной раз убедившись в том, что ему, как всегда, придётся полагаться только на самого себя, насупившись и сгустив грозно свои брови, где с левого борта на этого господина проходимца смотрит второй флот, а с правого – четвёртый, начинает напряжённо давить на Барбориса. Но этот Барборис в своей наивности уверившись, что мир добродушен, даже не замечает этих грозных взглядов сенатора Маккейна, который всё же от своего чрезмерного перенапряжения и натуги на свой живот, не выдержал этого его ответного дыма в лицо и, покраснев от уже другого желания, резко разворачивается и бегом отправляется в туалет.

Куда вслед за ним, уже для конфиденциального разговора вскоре направляется авторитарный лидер Заноса, ну и чуть позже, совсем уж не неожиданно, Барборис. И не успел сенатор, присев у себя в кабинке, облегчённо вздохнуть, как в боковую дверку до него доносится тихий троекратный стук. И, пожалуй, можно было предположить, что сенатор Маккейн вновь встревожится и разволнуется за такое вмешательство в его личную жизнь, но нет, ничего такого не произошло и, сенатор, прижавшись ухом к стенке кабинки, также тихо трёхкратно стучит в ответ. После чего снизу от него, в пространство между полом и стенкой кабинки просовывается конверт и сенатор как ни в чём ни бывало берёт этот конверт и, не интересуясь его содержанием, убирает его во внутренний карман пиджака.

И на этом можно было бы и расходиться (что и сделал тот, кто передал сенатору конверт), как вдруг, к полной неожиданности, до забывшего все тревоги успокоившегося сенатора, уже с другой стороны кабинки доносится точно такой же трёхкратный стук. А вот на этот-то раз, это всё случившееся, было для него так неожиданно, что от испуга резко дёрнувшийся побледневший сенатор, что есть силы схватился за стенки кабинки руками, чтобы окончательно не упасть. Что ему всё же не помогло слегка замочить репутацию, и он, соскользнув с крышки унитаза, своим задом частично окунулся в его воду.

Ну и первое, что пришло в голову сенатора, даже непонятно почему, было желание избавиться от давившего тяжёлым грузом на него конверта. «Ведь, пожалуй, мне никто не поверит, да и объяснять некогда, что мои намерения благи. И я всего лишь хочу вернуть с чужбины обратно на родину, напечатанные именно на нашем отечественном принтере, наше самое главное богатство – доллары. А ради возвращения наших богатств, я на всё готов. И я ради этого не боюсь замараться встречами с диктаторами, у которых не понятно мне почему, всегда карманы полны нашими долларами. А это наводит на размышления – каким образом они вновь оказываются в руках диктаторов?», – и только эта глубокая мысль, где сенатор увидел измену в собственных сенаторских рядах, не дала сенатору совершить невозможное – порвать сам конверт и его содержимое; да и руки были заняты.

Ну а пришедшая мысль, хоть и глубока, и занимает много места в голове сенатора, тем не менее это не отменяет того факта, что кто-то стучал в стенку кабинки, и нужно как-то реагировать на это. И взмокший от этого нового напряжения сенатор Маккейн, решает пока не торопиться и, продолжая руками держаться за стенки кабинки, смотрит в ту сторону кабинки, откуда до него донёсся этот стук, и ждёт того, чтобы этот стук не повторился и ему всё это показалось.

Но так разве бывает. И стоило только сенатору из всех сил захотеть это, как в тот же момент стук повторился и сенатор, уже окончательно потерявшись, не понимая, что он делает, вглядываясь в глубину открытого пространства между стенкой кабинки и полом, где видна только тень находящегося за той стороны стенки кабинки человека, тихо спрашивает:

– Кто там?

– Сенатор, это я. – Тут же следует весёлый ответ того самого, так ненавистного для сенатора проходимца и точно шпиона, известного нам под именем Барбориса.

– Кто я? – трудно сказать, зачем это спросил сенатор Маккейн, может он хотел оттянуть время, для того чтобы сообразить, что дальше делать, а может действительно хотел знать имя этого Барбориса, но это уже не важно, а важно то, что он своим вопросом очень удивил Барбориса. Правда, здесь нужно учесть фактор того, что сенатор не слишком выразительно задался своим вопросом, что наложившись на не слишком большое знание языка самим Барборисом, тем самым затруднило понимание Барборисом того, что хотел узнать сенатор, таким образом спрашивая его.

Ну а раз сам сенатор затрудняется в своей самоидентификации, то кто такой Барборис, чтобы за это браться. И, дабы сенатор или кто он там уже для себя – может сенатор в таких местах обретает сознание будды, а это требует терпения и уважения – не слишком на него

злился, Барборис решает обойти этот возникший в виде препятствия острый угол, с помощью философии Дао.

– Всё зависит от того, кем ты хочешь быть и как ты сам оцениваешь себя. – Как можно спокойно и ровно произносит свой ответ Барборис. Но спокойный тон обращающегося к вам при таких беспокойных обстоятельствах, с не ясной просьбой человека, только ещё больше расстраивает и заставляет нервничать оппонента, непонимающего, что от него хотят, но согласно своему мировоззрению догадывающегося, что его обязательно будут принуждать к чему-то. И сенатор, будучи не исключением из этих, почти что общих правил, само собой ещё больше напрягся и задёргался.

«Вот оно что. – Заскрипел от злости Маккейн. – Да он просто моих денег хочет. Да я лучше утоплюсь, чем отдам». – Сенатор, явно не осознавая, что делает, вытаскивает полученный конверт и, что есть силы сжимает его в своей трясущейся руке. После чего бросает свой взгляд в то свободное пространство между полом и стенкой кабинки и, наблюдая за отраженной полом тенью, начинает ждать, что же эта тень дальше предпримет. И сенатору не пришлось долго ждать, и буквально сразу же до него донёлся тихий троекратный стук в дверку кабинки, который раскатом грома и отзвонил в голове сенатора тем самым колоколом, который всегда набатом звонит в сердцах сенаторов и конгрессменов.

И сенатор Маккейн, чьи затёкшие потом глаза уже ничего не видят, ещё раз бросает свой затуманенный взор на находящийся в своих руках конверт, выдыхает и, рывкнув: «Да на ты, подавись», – с остервенением кидает его в пустое пространство под стенкой кабинки. После чего сенатор, уже без сил, с трудом поднимается на ноги и, не желая больше терпеть такого унижения, покидает вначале кабинку, а затем и сам туалет.

Что же касается самого Барбориса, то он определённо был удивлён, когда из нижней щели стенки двери в его сторону полетел конверт. И только отличная реакция Барбориса и его спортивная подготовка в деле ловли пухлых конвертов – без чего на его должности делать нечего – не позволило конверту миновать его руки и залететь дальше в следующую кабинку – а там может быть, в данный момент находился не столь нуждающийся в пухлых конвертах человек, и тогда получается, что сенатор зря разбрасывался конвертами. Нет, так не пойдёт и хорошо, что Барборис столь ловок. Впрочем, Барборис не только в этом отличительно ловок и он, не смотря на то, что при этом своём обращении к сенатору не имел в виду никакого пухлого от денег конверта – он хотел всего лишь, как повод заговорить (Барборис надеялся при таком один на один конфиденциальном разговоре с сенатором, узнать свои шансы стать для него полезным, то есть диктатором), попросить туалетной бумаги – не стал отказываться от такого лестного предложения сенатора и без всякой задней мысли взял этот конверт себе.

– Вот же удивительные люди. Я хотел всего лишь туалетной бумаги попросить, а он мне денег дал, чтобы я её купил. – Спустя скорое время направляясь к столу, где расположилась их делегация, размышлял про себя довольный Барборис. – А здесь, судя по конверту, на всю страну хватит! – как громом поражённый остановился Барборис. – А это значит, что я всю страну обеспечил поставками дешёвой туалетной бумаги и тем самым, смогу заручиться поддержкой самых видных засранцев. – Только сейчас понял Барборис, что такое стратегическое планирование, и что сенатор Маккейн, до чего же дальновидный сукин сын.

Что и говорить, а встречи в кулуарах этого столь представительного здания, зачастую куда конструктивней проходят и больше пользы несут участникам этих встреч, нежели если бы они совершались в общем зале, на виду множества глаз. Оттого, наверное, все важнейшие договорённости и сделки совершаются именно в этих, подальше от общественных глаз местах.

Ну а такое обстоятельство совершенно нельзя игнорировать, и не было проигнорировано этими двумя между собою знакомыми, известными во многих окол властных кругах, конечно, более тёмными, чем светлыми личностями. И где-то там, в одном из неприметных мест здания ассамблеи, так, за между прочим, встретились, так на публике благодушно друг к другу отно-

сящиеся, а внутри себя, бурно, с выплеском не терпящие опять же друг друга, договорившиеся об этой встрече, представители двух противоположных векторов политики, пан Паника и сэр Рейнджер.

– Что, пришёл покаяться или признать поражение? – усмехнулся, глядя на подошедшего пана Паника, развалившийся на мягком диване сэр Рейнджер, чьё присутствие на одном из боковых, выходящих в зал ассамблеи балконов, было прикрыто задвинутой на окна занавеской. И, конечно, пан Паника, который и так терпеть не мог этого своего извечного конкурента, тем более не смог стерпеть этой его язвительности в свой адрес и даже дёрнулся в ответ. «А ещё говорят, что сэр Рейнджер благодушный человек. Что-то при мне он таким никогда не бывает. – Перебирая взглядом складки на лице сэра Рейнджера, нервно дёргая рукой, размышлял пан Паника. – Так он меня терпеть не может, как и я его! – вдруг озарила догадка пана Паника, удивлённого таким положением вещей».

– Чего задёргался. – Сэр Рейнджер продолжает язвить, глядя на пана Паника. – Политическому тяжеловесу это не по статусу. – Но пан Паника игнорирует это выпад сэра Рейнджера и, заняв приготовленный для него стул, спешит уразуметь этого, много о себе и не всегда о других верно думающего, пока что сэра Рейнджера.

– Я всю свою жизнь, даже несмотря на политическую целесообразность, всегда был последователен, как в любви, так и в ненависти, и не собираюсь отказываться от своих принципов. – Отбил зубами слова пан Паника.

– Да ты принципиальный. – Улыбается себе в нос, не верящий ни одному его слову сэр Рейнджер.

– И я как считал, что внешняя политика определяет внутреннюю, так и продолжаю считать. – Не слушая сэра Рейнджера, продолжил выдавливать слова пан Паника.

– Да ты со своей перефразировкой фразы: «бытие определяет сознание», этим своим идеологическим инструментом, всё так и носишься, пытаешься под это подстроить мир. Ха-ха. Да, я должен признать – ты действительно не меняешься. – Рассмеялся сэр Рейнджер. – Нет на тебя своего Маккартера, марксист чёртов.

– Что-что? – спросил пан Паника, не сразу сообразив, что имел в виду сэр Рейнджер.

– А то! – изменившись в лице, резко и как-то даже зло проговорил сэр Рейнджер, повернувшись к пану Панике. – Что, внутренняя повестка на этот раз окончательно победила, ограничив внешнюю. Ведь теперь уже все пришли к общему мнению, что внешняя политика, есть приложение внутренней и значит, вторична. Не так ли? – хитро посмотрев исподтишка, задался своим риторическим вопросом сэр Рейнджер. И не дожидаясь ответной реакции пана Паника («Что-то здесь не так. Он меня специально путает», – забегал мыслями пан Паника), продолжил. – И об этом, если хочешь знать, не нынешний президент провозгласил – он всего лишь только и может делать, как только по инерции двигаться туда, куда его тащит накопленные за все прежние годы проблемы. И я боюсь, что мы уже прошли точку невозврата. – Как-то даже безнадежно вздохнул столь переменчивый сэр Рейнджер. Потом видимо наполнившись горечью и даже какой-то новой злобой к пану Паника, жёстко заявляет ему. – Да и ты разве сам не слышал, что с этой трибуны ассамблеи заявлял ваш выдвиженец. Наша внутренняя предвзятость к себе, определяет не только наше я, но и всё человеческое я.

– Я понял, к чему ты ведёшь этот разговор. – Вдруг усмехнулся пан Паника, чем ни мало удивил, пока ещё самого не определившегося сэра Рейнджера. – «Серая зона» нашего конституционного права – военные полномочия, где президент и конгресс не могут их поделить между собой, вот что тебя волнует. Но это твои проблемы. Ну а я, как всегда, утверждал, так и продолжаю утверждать. Президент как главнокомандующий, имеет полное право, без одобрения конгресса объявлять войну. – Грозно заявил пан Паника.

– Так ты опять за своё – за войну. – Вздохнул сэр Рейнджер. – А знаешь, я ничего не буду спрашивать, но только ответь мне на один только вопрос. Для чего тебе всё это? – с дальним

прицелом спросил сэр Рейнджер. «Ничего не буду спрашивать. А сам тем временем спросил», – прежде чем ответить, покорибл себя причитанием недовольный пан Паника.

– Нам сейчас как никогда необходимо сплотить общество. – С долей патетики, заявил пан Паника.

– Что, угроза общего врага уже не помогает? – с издёвкой спросил сэр Рейнджер.

– Пожалуй, да. – Вынужден согласиться пан Паника. – И поэтому нам сейчас крайне нужна одна, даже самая маленькая, но такая, чтобы ни у кого не возникло сомнений в нашей силе, победа. А любая, несмотря на её размеры победа или её ожидание, как никогда сплывает наше общество.

– Понимаю. – На этот раз уже задумчиво сказал сэр Рейнджер, провалившись в спинку кресла. – Но времена нынче другие. – Так противно почмокал губами сэр Рейнджер, что пану Панике, до противного стало несогласно с ним тошно. – Что сказать. Да, не раз доказавшие свою эффективность инструменты воздействия и изменения политического ландшафта стран, у нас ещё есть и, пожалуй, при должном усердии и применении они не дадут сбоя. Да и, пожалуй, внутренний оппозиционный фронт, при полной мобилизации ресурсов можно сломать и привести к единому мнению, но вот что делать с внешними факторами, то это тот ещё вопрос. Ведь теперь нам, не только нельзя игнорировать, но и без этого никуда не деться, и нужно учитывать все те возникшие за время нашего исторического безвременья – почивания на лаврах – факторы.

– Ты это о чём или о ком? – настороженно спросил пан Паника.

– О том, что на это скажет наш стратегический противник или заклятый партнёр. А его мнение, я так скажу, не учитывать было бы крайне неразумно. – Не отводя своего взгляда от пана Паника, проговорил сэр Рейнджер.

– Хм. – Только и ответил, закинув ногу на ногу, пан Паника.

– Боюсь, что такого развёрнутого ответа будет недостаточно. – С непроницаемым лицом, без какой-либо интонации отреагировал в ответ сэр Рейнджер. Что видимо нашло отклик у заносчивого, когда дело касается врага, пана Паника и, он с трудом смирив себя, заявляет:

– Мы уведомим их – это касается наших национальных интересов и что их мнение, будет учтено.

– Хм. – А вот точно такой же, как и у пана Паника глубокомысленный ответ сэра Рейнджера, вызвал иную – молчаливую реакцию у пана Паника (наверное, потому что не он так отвечал).

– Ты, как и те, кто там стоит за тобой, демонстрируете одну и ту же ошибку. – Тихо заговорил сэр Рейнджер. – Вы не хотите признать того, что мир изменился, и то, что он оказался именно в таком подвешенном состоянии, виноваты мы сами. Так что нечего перекладывать на кого-то другого вину. Но и это ещё не всё. А дело в том, что ключ ко всей сложившейся критической ситуации лежит в нашем полном непонимании задач существования человечества, и если мы это не поймём, а судя по всему, это мы уже не сможем сделать, то наше падение в пропасть будет неминуемым.

– У нас нет времени решать общемировые проблемы, пока мы не решим свои. Так что оставь свои философствования для беседок в клубе, и пока мы не оказались в этой твоей мифологической пропасти, давай начнём искать выход. – Сказал пан Паника.

– Что ж, раз ты так хочешь, то давай. – Такая прозвучавшая принуждённость в ответе сэра Рейнджера, как-то даже холодком сомнений отметилась у пана Паника. – Так вот. Насчёт нашего извечного стратегического заклятого партнёра, недопонимание которого и завело нас в нынешний тупик. Научили мы их капитализму на свою голову. И теперь уже не обойдётся простыми, ничего в себе не содержащими заявлениями о добрососедстве и необходимости уважения друг к другу, с дружеским похлопыванием по плечу – они нам на слово не верят

(и правильно делают), им теперь подавай что-нибудь посуущественней и, чтобы оно при этом, было обязательно документально зафиксировано.

– Да без проблем. Если будет надо, то запустим печатный станок в круглосуточный режим работы. – Бодро заявил пан Паника.

– Эх. Ты опять ничего не понял. – Вздохнул сэр Рейнджер. – Зная их, а я уж их теперь очень хорошо знаю, боюсь, что они даже не попросят, а потребуют много больше, чем просто заплатить. – Сэр Рейнджер сделал глубокую (бывают и такие) паузу. – Они захотят, чтобы на этот раз мы поделились, и это только в самом лучшем случае; если, конечно, уже не поздно. – Ну а прозвучавшая в устах сэра Рейнджера безнадёжность, возмутила пана Паника, и он до нестерпения разозлившись на этого старого хрыча, полный язвительности спросил его:

– И откуда ты так хорошо знаешь, что хочет наш враг?

Но сэр Рейнджер, как будто не замечает всего этого позвучавшего в словах пана Паника сарказма и также спокойно ему отвечает. – Чтобы победить врага нужно не просто хорошо его знать, но при этом необходимо понять ход его мыслей и его жизненную мотивацию. А для этого нет ничего лучше способа, как влезть в его шкуру. – Сэр Рейнджер вдруг оживает, переводит свой взгляд на пана Паника и, прищурившись, каким-то неестественным, с нотками задора голосом, говорит ему:

– Так что, если хочешь есть пельмени со сметаной, то учи матчасть.

И первое, что пришло в голову пана Паника при этом виде сэра Рейнджера и сказанного им, было полное недоумение этой его концовкой речи. «Какие пельмени? Он, вообще, о чём?», – пронеслось в голове слегка обалдевшего от услышанного пана Паника. Но тут вдруг, как от удара током передёрнуло в один момент похолодевшего от своей догадки пана Паника. И эта его догадка была до того невероятна и фантастична, что даже сидя, пана Паника пошатнуло и сковала оторопь. И он только и мог, что только открыв рот, глазеть вытаращенными глазами на улыбающегося ему сэра Рейнджера.

И, наверное, не зря человеческий организм в случае такой непредвиденной для него опасности в виде внезапного изумления, предусмотрел такие автоматические функции, как широкое разевание рта. Что позволяет не задохнуться впавшему в умственный ступор и забывшему, не только как двигаться, но и дышать человеку. А так рот открыт и блуждающие ветра спокойно регулируют поступающие внутрь человека потоки воздуха, и пока он не очухался, вместо него выполняют дыхательные функции (человек ведь тоже, носясь как угорелый, частенько делает работу за место ветра).

Но вот пана Паника слегка отпустило и, что он первое смог выговорить, так это обвинение в сторону сэра Рейнджера, который судя по разлившейся по его лицу радости, уже обо всём давно догадался:

– И ты, Брут!

– Ха-ха. – Уже откровенно и громко развеселился сэр Рейнджер. – Что ж, я должен отдать должное твоей разведке. Она отлично справилась со своей задачей, покопавшись в открытых источниках информации. Но ведь так и должно быть. – Наклонив чуть в сторону голову, с каким-то чуть ли не покровительственным (как с неразумным ребёнком) тоном, заговорил сэр Рейнджер. – Ведь мы же себя позиционируем с великой римской империей. А ей без Цезаря и Брута в ней никак. Неполноценная какая-то империя получается. – Вновь издевательски рассмеялся сэр Рейнджер.

А ведь кинься сейчас сэр Рейнджер отговариваться, юлить и ловчить в своём оправдывающем его ответе, то, пожалуй, пан Паника, посчитав, что он всегда это знал – сэр Рейнджер потенциальный предатель и шпион – сейчас бы чувствовал себя более чем уверенно и даже хорошо, но это его открытое, без всякой боязни и оглядки по сторонам признание сбило с толку и окончательно пошатнуло в пане Паника всякую уверенность в себе и понимание того, что, чёрт возьми, вокруг сейчас здесь и, вообще, происходит.

Но сэр Рейнджер не останавливается на достигнутом и продолжает разориентировать в политическом пространстве пана Паника. – Да и не ты ли всегда говорил, что в наше не спокойное время, на большой шахматной доске делать ставки на одни и те же фигуры неразумно.

– Но я... – попытался было возразить пан Паника, но схваченный за галстук был перебит сэром Рейнджером.

– Без всяких но. Не запяг. – Рычит прямо в притянутое ухо пана Паника сэр Рейнджер. – Ты уже добился своего. Твоё имя стало нарицательным и обозначает именно то, что сейчас творится на всех этажах власти. – Сэр Рейнджер вслед за сказанным ослабевает свою хватку и, улынувшись пану Панику, мягко говорит. – Впрочем, никто не заинтересован в шоковом сценарии. Так что можешь не обращать большого внимания на мои слова, вырванные тобою, из своего, никому не доверяющего и во всём видящим затаённый смысл (а он хоть и есть, но не тот) мысленного контекста, и приступить к тому, к чему тебя обязывают сложившиеся обстоятельства. Тем более, одобрение с самого верху уже получено.

«Что он хочет этим сказать? – уже ничего не понимая, пан Паника попытался понять, что было правдой... Хотя нет, такого слова в его лексиконе не было, а вот то, что из сказанного сэром Рейнджером считалось целесообразным и чему он, в конечном счёте (а так это, всего лишь его декларации о намерениях), будет следовать в своих действиях, то это и волновало пана Паника. – Выходит, что сэр Рейнджер уже в курсе нового проекта, а это значит, что из нашего ведомства идёт утечка и у нас завёлся какой-то... гад!», – представив этого гада, а другими его словами и не назовёшь (заслужил), от отчаяния за то, что он ничего не может поделать, закипел пан Паника.

Но не успевает пан Паника проникнуться злобным огорчением, как сэр Рейнджер своим новым заявлением заставляет пана Панику окончательно потерять веру в бескорыстность и умение держать язык за зубами людей из своего ведомства и ещё, нелюдей, а всего лишь близких к его ведомству конгрессменов.

– Ну что, мистер. – Улынувшись одним глазом, сказал сэр Рейнджер, окончательно отпустив галстук пана Паника. – Вы готовы, как следует, не скупясь, торговаться за ваш новый проект «Несокрушимая решимость».

– Готов. – Улынувшись в ответ, сказал пан Паника, совершенно не понимая, как сэр Рейнджер узнал название этого нового проекта, если его он сам ещё никому не говорил, кроме разве что только самого мало трезвого себя (но он об этом не помнит), и то наедине в своём кабинете (а там жучки).

«Кто же этот гад ползучий?», – хищно, уже про себя улынувшись вне всяческих насчёт себя подозрений пан Паника, перебирая в голове всех сотрудников своего ведомства стратегических планирований, имевших доступ к секретной информации по новому проекту «N».

– Только учти главное. Конгресс на первых порах, готов лишь устно выразить поддержку твоему проекту, а голосовать «кошельком», будет только после того, как только ты найдёшь частных инвесторов. – Сказал сэр Рейнджер, перебив кровожадные мысли пана Паника.

– Но кто на это пойдёт? – растеряно спросил пан Паника. – Да и кто захочет рисковать своим кошельком. – Уже про себя пробубнил пан Паника.

– Я не обязан тебе объяснять элементарные вещи. – Потемнев лицом, зло проговорил сэр Рейнджер. – Сейчас для такого рода проектов одного обоснования необходимости недостаточно и нужны более существенные, так сказать осязаемые вещи. И будет целесообразней, если это будет частная инициатива – кровные волеизъявления равнодушных к бесчинствам тиранов граждан. – Сэр Рейнджер перевёл дух, точь-в-точь, как один из тех предполагаемых им равнодушных граждан, которому даже дышать стало трудно, стоило ему только подумать о жестокости к своему народу, всем известного не легитимного тирана Кассада, а не как он, явно на счёт себя заблуждаясь, называет себя демократично избранным президентом.

И тут даже спорить нечего, раз мировое сообщество так считает, то так оно и есть – разве миллионы людей могут заблуждаться. Ну а то, что истина есть категория качественная, а не количественная, то откуда ты взялся такой умник? Пора бы уже знать, что на земле всё течёт, всё изменяется и то, что вчера было непоколебимой и вечной истиной, сегодня уже не столь бесспорно. Ну а раз истина по своей сути, как правило, существует только для нуждающихся в ней людей – без их существования, она хоть и существовала бы, но ни имела бы того своего общечеловеческого значения для человечества, а это значит, что и истина, в том своём виде, в каком она существует для человека, не может быть постоянной константой и изменяется вместе с человеком. Ну а так как человечество на данный момент пришло к некому консенсусу насчёт своего общего понимания истинности, то она и будет считаться таковой, если на неё так смотрит или за неё проголосовало наибольшее количество, обязательно из передового общечеловеческого сообщества людей.

– Да и вообще, отнесись к своему проекту, как к очередному бизнес проекту. – Передохнув, продолжил сэр Рейнджер. – Разработай бизнес-план. Найди частных инвесторов. Презентуй его заинтересованным людям, и если они окажутся глухи, то мотивированно объясни им, что теперь пришла их очередь оказать помощь государству. А там уж, исходя от обстановки и понимания политической целесообразности, надави, убеди или так уж и быть, примени Челюстную дипломатию. Да и в конце концов, не мне тебя учить как нужно действовать. – Усмехнулся сэр Рейнджер. – Ну а когда все предварительные этапы будут пройдены, то можно будет приступить к реализации проекта.

– Они значит, выразят мнимую, только на словах поддержку, которую в случае неудачного развития событий всегда можно отозвать и вообще заявить, что их неправильно поняли. А все риски получается, неси другим. – Заскрипел зубами пан Паника. – А разве частное, не есть продолжение государственной политики? – пан Паника до того разнервничался, что вновь стал заговариваться, выплёскивая наружу свои (он о них и сам не знал, а только лишь догадывался) самые затаённые мысли, в которых так и читалось его сочувствие, а местами приверженность к идеалам коммунистического пути развития общества. Но сэр Рейнджер не стал ловить пана Паника на его предательском для всякого капиталиста слове, а всего лишь записал его слова на включенный и лежащий в кармане пиджака диктофон (пан Паника в свою очередь не отличался деликатностью и тоже вёл скрытную запись всего разговора; и получается, что они друг друга стоили, да и знали, и поэтому всё делали не зря).

– А к дележу пирога они первые прибегут. Так что ли? – Закончил свою нервную истерику пан Паника.

– А ты разве сомневаешься. Так оно всегда и бывает. – Сэр Рейнджер не перестаёт улыбаться и удивляться наивности или забывчивости пана Паника, который так изумляется тому, чему не раз был свидетелем и участником. – Ведь главное иметь политическую волю. А она у тебя, надеюсь, есть. – Сэр Рейнджер вновь перегнулся через кресло в сторону пана Паника и с хитрым прищуром посмотрел на него, ожидая, что он на это скажет.

– Можешь даже не сомневаться. Есть. – Щёлкнул в ответ челюстью, не сводящий своего взгляда с сэра Рейнджера, пан Паника.

Глава 3

Ловец слов

Когда вы владелиц огромного особняка и кучи охраны, находящейся, как внутри, так и по внешнему периметру этого всего, в один день пешком не обойти частного дворового и лесного пространства, что косвенно говорит о том, что у вас окромя всего этого, публично демонстрируемого богатства имеются отложения на чёрный день (скорее всего, на понедельник), оказываетесь у себя дома после полного забот и тяжелейшего дня для ваших сотрудников дня (вы та ещё придирчивая скотина), а вас там как обычно никто не встречает (вы по понедельникам сверх меры раздражены и родные предпочитают пересиживать грозу в виде вас, в другом таком же особняке по соседству), то вас определённо удивит появление в вашем личном кабинете сидящего на опять же вашем любимом, истёртом только вашей задницей кресле незнакомца.

Правда, вы его не сразу заметите, ведь вы в своих мыслях ещё находитесь у себя на рабочем месте, в том самом офисе, в который так страшатся, но в тоже время неудержимо стремятся попасть независимые на публике, но зависимые от своих страстей и от своих финансовых обязательств, различные политики, бизнесмены и такого же сорта пассионарии. А сегодня как раз понедельник и вы... Но давайте уже называть всё своими именами, в общем, вы, но не вы, а мистер Морган, как и всякий человек, не по любви, а всего лишь по долгу своей генетической памяти, имеющий близкие отношения к финансовым активам, потокам или другими словами, являясь председателем директоров крупнейшего инвестиционного банка, в этот день, как обычно для таких дней, у себя в кабинете на кресле рефлекторно мучился предчувствиями финансового краха или какого другого стремительного падения индекса деловой активности.

Ну а раз так всё сложилось, то он, конечно, не может найти себе места и сам проявляет бурную деловую активность (может это поможет удержать на плаву крах очередного финансового пузыря), время от времени срываясь на всех тех, кому не повезло и пришлось встретиться с ним в коридорах здания банка или в его кабинете, находящемся на самом высоком этаже одного из небоскрёбов (а это уже надо очень постараться).

– Ну что, какие там для нас новости? – пряча своё волнение в прессующих сигару пальцах рук, сквозь маску непроницаемости, искоса глядя на стоящего перед своим столом своего доверенного лица, а по совместительству секретаря, мистера Данкана, хриплым, а значит волнующимся голосом, спросил его мистер Морган. Ну а мистер Данкан уже не первый год работает у всемогущего мистера Моргана и по его тембру голоса или даже по дыханию, всегда может определить степень незаинтересованности или того же волнения мистера Моргана. Да и в принципе мистер Морган по большому счёту всё же умеет держать себя в руках, правда, если не считать того памятливого, а для многих финансовых воротил и биржевиков, уже без памятливого (разве можно что-то вспомнить, воткнувшись головой в мостовую, вылетев в окно с семидесятого этажа) чёрного понедельника, когда он поддался общему стадному чувству, и вслед за многими банкирами, тоже было захотел стать Икаром и сунулся головой в окно (мистер Данкан тогда очень вовремя успокоил мистера Моргана, разбив об его голову бутылку).

Так что для мистера Данкана, раз сегодня понедельник, не новость то, что мистер Морган с опаской ждёт от него новостей; особенно из Гонконга (оттуда взял своё начало чёрный понедельник). И, пожалуй, мистер Данкан, как самое доверенное лицо мистера Моргана, просто обязан заботиться о здоровье своего босса и пока его нервы окончательно не распались и не лопнули, должен поскорее обрадовать хорошими новостями мистера Моргана, переживающего за финансовую стабильность построенной его предками банковской системы. Но мистер Данкан в последнее время не столь расторопен и прежде чем обрадовать мистера Моргана ростом акций и прибылей его банка, делает до глубины души волнующие мистера Моргана

движения – теребит своими ногами пол (а на нём, между прочим, постелен дорогуший персидский ковёр), перебирает в руках бумаги (что заранее не мог подготовиться) и самое страшное, бледнеть лицом.

И, конечно, такие действия мистер Данкана не могут не вызывать заботу и встревоженность за свои капиталы мистера Моргана, от переживаний уже начавшего разламывать пальцами дорогушую, как месячная зарплата мистера Данкана, сигару. А ведь мистер Морган, это вам не мистер Данкан, и при его занятости, у него просто нет времени на все эти психологизмы и понимания намёкливых поступков мистеров Данкана, в общем, мистер Морган, как и всякий обладающий влиянием и властью человек, всегда, как асфальтовый каток упрям и прям в словах, и не обладает терпением ждать, что он и выражает нахмуренностью своего взгляда и своим подгоняющим мистера Данкана словом: «Ну!».

И мистер Данкан, наконец-то, раскрыл рот, после того как в очередной раз вздохнул от возникшего между ними непонимания – мистер Морган, после того как мистер Данкан не дал ему осуществить свой полёт головой вниз, обещал ему век это помнить, но как выяснилось, этого было недостаточно для того чтобы повесить оклад мистера Данкана, о чём он и пытался, таким образом напомнить, а последние годы помучить его.

– Колокол ещё не отзвенел и пока не дан старт началу биржевым торгам, ничего не ясно. – Сказал мистер Данкан и его ответ, судя по невыразительности лица мистера Моргана, не понравился ему.

– Это я и без тебя знаю. И я скажу тебе больше. Я также знаю, что зарплату плачу тебе я, и плачу я её не за такого рода неосведомлённость. – Выбросив разломаченную сигару в контейнер для мусора, стальным слогом отбил слова мистер Морган. И казалось бы, вот удачный момент для мистера Данкана, чтобы напомнить боссу о его обещании не забывать своего спасителя мистера Данкана, но дело в том, что подчинённый человек, как раз через это своё положение и слаб и невнятен, и мистер Данкан под грозным взглядом мистера Моргана, испугавшись потери того что есть, быстро забыл всю свою предвзятость к боссу и доложил ему все внутренние инсайды всех уже проведённых торгов, на всех конкурентных мировых площадках.

После чего мистер Морган, успокоившись за финансовую стабильность планеты и свою в том числе, откидывается на спинку кресла (теперь он может себе это позволить) и, вытянув ноги под столом из дубового дерева, в таком расслабленном положении и настроении, переходит на бытующие в их банкирском кругу частности – вопросы, кто с кем слился, взял в лизинг, девальвировал в глазах банкирского сообщества, насколько ликвиден тот сэр или уже не сэр, кто кого поглотил, и какая у того или иного юридического лица рожа, тьфу, конечно, маржа.

Когда же эти, так сказать светские разговоры были закончены, мистер Данкан внёс поправки в сегодняшнее расписание дел мистера Моргана и, пожалуй, на этом можно было закончить эту утреннюю аудиенцию, если бы мистер Морган слишком расслабившись (в таком настроении, он любил послушать какие-нибудь расслабляющие интеллект истории из жизни плебса) – он вытащил свои ноги из ботинок – ухмыльнувшись от удовлетворения своей жизнью, не спросил мистера Данкана:

– И на этом всё? Неужели, в этом городе все безумцы повывелись и перестали ненавидеть и угрожать нам успешным людям?

И как вдруг прямо сейчас выяснилось, то это, конечно, было не всё (а не спроси мистер Морган, то было бы всё – всё-таки мистер Данкан, зная то, как любит мистер Морган слушать забавные истории из жизни неуклюжего плебса, очень мстительный тип, раз ради прибавки к зарплате, готов пойти на утайку информации) и безумцы в городе ещё не перевелись. И они, эти безумцы, пошли дальше и теперь эволюционируют вместе с успешными людьми города, ради которых они, в общем-то, и живут, и благодаря которым, этот круг безумных людей, всё только прибывает и пребывает. Правда коварный и до чего же строптивый мистер Данкан, вновь не спешит радовать мистера Моргана всеми историями из жизни безумцев и пытается,

завуалировав их под ничтожность и никчёмность для слуха и ума мистера Моргана, скрыть их от него.

– Мистер Морган, да разве стоит придавать значение всем этим безумцам, которые находясь под прессом своего никчёмной ненужности и наружности, вечно хотят, чтобы их с открытым ртом слушали (а мистер Морган тоже этого хочет; и что, значит он безумный человек?). А так как они ничего путного сказать не могут, а быть выслушанным так хочется, то они и прибегают к угрозам и истерике. Придурки одно слово. – Мистер Данкан не сдержался и позволил себе дать характеристику этому роду, сверх меры коммуникабельных людей. На что мистер Морган хоть и улыбается, но всё же приводит мистера Данкана к пониманию того, что он, ни смотря на то, что находится на самом верхнем этаже этого монументального небоскреба, он всего лишь скребок окон, и нечего задирать голову выше головы своего босса.

– Мистер Данкан, в нашем, построенном на демократических принципах государстве, каждый имеет право на высказывания и волен быть или не быть безумцем. И уж позвольте мне решать, кого стоит выслушать, а кого нет. Так что соизвольте вернуться с небес на землю и пока за вас это не сделали другие, доложите мне обо всех поступивших на диспетчерский пункт волеизъявлениях, нашего, имеющего на это полное право граждан. – Стальным голосом сказал мистер Морган, заставив мистера Данкана, побледнев, споткнуться на месте. Что, видимо, смягчило нрав мистера Моргана, и пока мистер Данкан пытался перевести дух, он вновь вернулся в хорошее расположение духа и иронично сказал:

– А насчёт придурков, ты это верно заметил.

Ну а мистер Данкан, слегка приободрённый такой поддержкой своего босса, не мог не улыбнуться в ответ.

– И, поди что из конгресса кто-нибудь да звонил? – улыбаясь, спросил мистер Морган.

– Скорее по забывчивости, чем по незнанию. – Ответил мистер Данкан.

– Придурки по памяти. Так я их назову. Хотя по памяти, всех я их и не назову. – Рассмеялся большой любитель идиом и неустойчивых оборотов смыслов своих, но не чужих выражений и крылатых фраз, мистер Морган.

– Мы всё же не решили полагаться на их память и записали их имена в вашу синюю тетрадь. – Каким-то приглушённым (тайной) голосом сказал мистер Данкан.

– Это правильно. – Согласно кивнул головой мистер Морган. – Но что там с другими придурками или точнее, пока не найденными полицией, не нашедшими себя людьми?

Ну а этот вопрос мистера Моргана, заставляет мистера Данкан начать перебирать в своих руках бумаги, после чего он, вытащив из самого низа стопки своих бумаг весь замятый листок, пробежавшись по нему, можно сказать, зачитал:

– На диспетчерский пункт по взаимодействию с общественностью, поступило несколько странных звонков, которые, судя по всему, все поступили от одного и того же лица (безумие ни с чем не перепутаешь и всегда так похоже). Так некто, желая записаться к вам на приём, на вопрос о цели своей встречи с вами, ответил «личное», ну а когда его попросили представиться, то он заявил, что он, то есть вы сэр («Я понял», – кивнул довольный мистер Морган – рост числа безумцев, косвенно подтверждало, что его влияние растёт), сам всё поймёт. Когда же операционист дал понять звонившему, что так не пойдёт и нужно его полное представление, то звонивший вдруг разозлился и заорал, что вы сэр, не представляете, до чего вы его достали и что он так и быть, лично вам представится.

– И что тут необычного? – Усмехнулся мистер Морган. – Этот человек всего лишь нетерпелив и явно страдает пониженной самооценкой себя, раз боится назвать своё имя. Ну а то, что он выбрал меня, как объект для своей ненависти, то и здесь всё логично – кто, если не я? – искренне, что бывало редко, рассмеялся мистер Морган, решив к своему удовольствию добавить ещё одно удовольствие – раскурить сигару. Что он буквально сейчас и сделал и, пустив дым из сигары в сторону мистера Данкана – мистер Морган не мог проигнорировать мистера

Данкана, и поступить иначе. Ведь мистер Морган всегда проявлял заботу к своим доверенным лицам, и если они не могли себе позволить курить такие дорогие сигары, то дымя в их сторону, он тем самым, через их пассивное курение, делился с ними этой частью своих богатств.

Ну а мистер Данкан, если честно сказать, до того не благодарный тип и сволочь, раз он вместо того чтобы благодарно вдыхать в себя пущенный мистером Морганом в него дым, берёт и отворачивает от него свою скривившуюся физиономию. И не надо тут нагло врать и изворачиваться, оправдываясь тем, что он из-за дороговизны сигар бросает курить. Да просто мистер Данкан, как и все находящиеся по другую сторону от стола мистера Моргана люди, завидует ему чёрной завистью, и желает сидеть на его месте и сам пускать дым из сигары в пристыженное своим новым положением, лицо согнувшегося в книксене мистера Моргана.

Но делать нечего и пока мистер Данкан находится по эту сторону стола (а ведь тогда, в чёрный понедельник, у него была возможность сесть на это место – нужно было всего лишь подтолкнуть мистера Моргана в окно – но он испугался, да и не осилил поднять эту тяжёлую тушу мистера Моргана), то ему ничего не остаётся делать и приходится давиться своими слезами, вызванными едким дымом сигары мистера Моргана, и продолжать свой рассказ.

– Но это был один звонок из череды множества последовавших вслед за этим звонков, где, судя по голосу, всё тот же человек, в качестве цели своей записи к вам на приём, просто словесно видоизменял своё первоначальное словесное заявление. «Ведь мистер Морган, человек слова. Так что передайте ему слово в слово то, что я скажу, и он всё поймёт. Так начинался каждый его ответ». – Читая с того мятого листа бумаги распечатку последнего разговора, мистер Данкан начал свой короткий пересказ того самого состоявшегося между администратором и позвонившим незнакомцем разговора.

– Он мне и многим людям публично дал своё слово. И я хотел бы, наконец-то, обналичить данное им нам слово. – Тщательно выговаривая слова, произнёс в трубку незнакомец.

– Что за слово, сэр. Не могли бы вы объяснить. – Последовал вопрос администратора.

– Мистер Морган знает. И не мне, а ему придётся объясняться. – Жёстким тоном ответил в трубку звонивший.

– Сэр, мы на основании общих слов не можем записать вас на приём. – Не менее жёстко, то есть сухо, последовал ответ администратора.

– Так вам нужны частности. А как же насчёт неприкосновенности частной жизни? – заявил незнакомец, смутив администратора.

– Я вас не понимаю, сэр. Вы говорите загадками. – В растерянности ответила администратор.

– Какими же загадками, если я на ваши требования раскрыть, возможно, конфиденциальную информацию о цели нашей встречи с мистером Морганом, всего лишь хочу оградить и оставить в неприкосновенности свои и права мистера Моргана на свою частную жизнь. А если так, как вы хотите случится, то вполне вероятно, что у мистера Моргана после вашего вмешательства совершенно не останется времени на свою личную жизнь. – С какой-то даже угрозой сказал незнакомец.

– Сэр, вы цепляетесь за слова и, судя по всему, пытаетесь угрожать, а это неприемлемо нами. Я вас отключаю. – Закончила разговор администратор.

Закончив свой пересказ написанного, мистер Данкан посмотрел на мистера Моргана и к своему удивлению, не увидел его окутанного в облако дыма сигары лица.

– Мистер Морган. – Попытался растормошить может быть уже задохнувшегося в дыму мистера Моргана мистер Данкан. Но мистер Морган как будто замер в этой туманности Андромеды – сидит там и не шевелится. И только с третьего раза мистеру Данкану удалось дозваться, или, вернее сказать, докричаться до мистера Моргана.

– Да-да. – Придя в себя, отозвался натужно улыбающийся мистер Морган, рукой разгоняя вокруг себя скопившийся и почему-то не улетающий дым.

– Это всё, мистер Морган. – Ответил почему-то не удивившийся всему случившемуся с мистером Морганом мистер Данкан. «Совість замучила, вот он время от времени и впадает в мысленную прострацию. Грехи, как оказывается, не только разъедают тело и душу, но и сказываются на умственной деятельности грешника, заставляя его хандрить и углубляться в себя, в поисках оправданий для своих прегрешений». – Рассудил про себя мистер Данкан, глядя на виноватую улыбку мистера Моргана, чьи подлости и прегрешения, как не ему принимавшему самое деятельное в них участие, не знать.

– Хорошо, мистер Данкан. Оставьте мне информационный листок и можете идти. – Сказал мистер Морган, туша в пепельнице сигару. После чего он дожидается того, когда мистер Данкан выйдет из кабинета и, взяв в руки положенный на стол информационный лист, с записанным на нём всеми ищущими с ним встречи лицами, начинает пальцами перебирать их имена, а в памяти лица. И, в общем, это для мистера Моргана стандартная процедура – она для него служит своего рода гимнастикой для памяти и ума, а также в зависимости от количества и качества ищущих с ним встречи лиц, служит для него сейсмографом, по которому он может отслеживать колебания мысленастроений людей и значит, контролировать отпускную цену земли.

После своего беглого осмотра, мистер Морган берёт ручку и начинает с помощью неё распределять свои приоритеты и отношение к этим лицам, записанным на листе в виде своих, часто благозвучных, а ещё чаще ничего не значащих имен и фамилий. Где сам процесс по выделению этих, самих себя записавших в этот список людей, состоял из траты на них чернил из ручки. Так кого-то мистер Морган вычёркивал, кого подчёркивал, а кого и вовсе отмечал, ставя напротив имени жирную галочку, с какой-нибудь обозначающей время цифровой заметкой.

Правда и здесь были свои исключения из общих, придуманных самим мистером Морганом каллиграфических правил. Так напротив особо им отмеченных фамилий, он, не стесняясь в выражениях, иногда с весельем в устах, а иногда нервно сжимая ручку, вписывал в историю этого информационного листа звучные прозвища и выражения.

– Ну, мистер Бланк. Вы меня своей наивностью и простотой просто удивляете. – Покачал головой мистер Морган, какой уже раз, в числе записавшихся на приём обнаружив имя этого, до нестерпения любого собеседника, настойчивого конгрессмена. – Ему хоть кол на голове чешу, всё равно ничего не поймёт. Баран, да и только. – Мистер Морган решил особенно выделить мистера Бланка, нарисовав напротив его имени барашка.

– Да я прямо Экзюпери какой-то. – Оставшись довольным своим художественными талантами, которые так преобразили имя этого упорного конгрессмена, болтнул мистер Морган. После чего его взгляд перемещается ниже и, наткнувшись на ненавистное ему имя частного лица, но кого он хочет этим обмануть, а на самом деле представителя представителей бога на земле, падре (так он представился; на счёт чего у мистера Моргана было очень много сомнений) Себастьяно. Ну а эти представители бога на земле, по непонятно по каким причинам (они заявляют, что по его принадлежности к их вероисповеданию) записали его в число своих братьев по вере – если не кривить душой, то они в чём-то были правы и, разделяемая ими с мистером Морганом бесконечная вера в силу денег, давала им право так называться. А раз так, то ему, для которого бог не поскупился и одарил его всем тем, что у него есть, нужно подумать и о других людях, за счёт которых бог, можно и так сказать – одарил его таким богатством.

Ну а так как эти представители бога на земле и в частности самый представительный из них падре Себастьяно, отлично понимали мистера Моргана – он же их брат по вере в презренный металл, то и их напористость в отстаивании прав обделённых мистером Морганом людей (в их число входили и они), была еженедельной и беспрецедентной.

– Ненавижу. – Заскрипел ручкой мистер Морган, с особым рвением листа бумаги, на котором было написано имя падре Себастьяно, ставя на его имени крест. – Решил меня жизни

научить. У меня для вас есть новое слово говорит. – Мистер Морган вдруг закипел и резко сорвался со своего места, принявшись ходить вдоль кабинета. – А у меня для вас есть с десяток, хоть и стареньких, но никогда не теряющих своей актуальности слов. Пошёл ты на ... – Мистер Морган от перенапряжения, и от актуальности, и могущества подступивших к его горлу выразительных слов, от упоминания которых горло говорящего всегда обдаёт внутренним жаром, а слышащего бросает в холодный или горячий пот – всё зависит от того в чьих устах прозвучали эти слова – оступается и со всего маху присаживается на свой стол. Затем переводит дыхание и, выплюнув из себя словесный остаток: «Козёл», – возвращается обратно на своё место.

Там же он прежде всего наливает себе воды, для того чтобы остудить свой внутренний жар, затем садится на стул, смотрит на лежащий на столе лист, на котором чётко выделяется крест на имени злополучного падре Себастьяно, и уже улыбнувшись, с присказкой: «В сердце человека всегда множество мыслей», – берёт этот лист, складывает его пополам и когда уже было собирается убрать его в отдельную папку, где хранится архив с этими записями, вдруг замечает на краю листа сделанную ручкой приписку.

Ну а так как неоспоримое право владеть ручкой и делать ею правки и замечания на этих информационных листах, сколько он себя помнил, было закреплено за мистером Морганом, то появление здесь на его территории ещё одной ручки, было воспринято им как вызов его гегемонии власти. А уж этого, ни один привыкший безраздельно властвовать гегемон, не потерпит. И мистер Морган с нехорошим предчувствием для мистера Данкана, чья неосмотрительность иметь в кармане ручку, теперь может стоить ему всей месячной премии или того больше, пинка под зад с работы, вновь начиная закипать, принимается осторожно (наверное для того, чтобы чернила не сбежали от страха перед своим раскрытием) разворачивать этот лист бумаги. После чего мистер Морган, с той же осторожностью, приглядывая и держа в уме эту чернильную запись, дабы не быть предвзятым и суметь объективно разобраться, что к чему, начинает подходить к этой записи постепенно, с самого начала листа.

Ну а там, с самого начала листа, как уже было раз зачитано мистером Данканом, находилась текстовая распечатка телефонного разговора диспетчера с тем неизвестным типом. Правда, этот разговор закончился не так, как мистер Данкан зачитал. Хотя если читать то, что было пропечатано принтером, то мистер Данкан ни на одно слово не оступился. Но вот, если принимать во внимание вот эту, появившуюся между слов чернильную дописку, то, пожалуй, можно сделать вывод, что мистер Данкан определённо что-то скрывает.

А это не может не тревожить мистера Моргана, не привыкшего работать с людьми, которым он не доверяет. А судя по этому поступку мистера Данкана, то ему не то чтобы нельзя доверять, а теперь срочно придётся пересмотреть все прежние построенные на доверии и как оказывается, плохом знании мистера Данкана контракты. Ведь мистер Данкан, теперь уже совершенно точно ясно, вероломно решил передоверить получаемую информацию из уст мистера Моргана ещё кому-то другому, кто больше платит. А за это ... – Убить мало! – не сдержался и разгорячился вслух мистер Морган.

И, пожалуй, мистер Морган что-нибудь сказал бы, и побольше, и пострашней, если бы его рот не пересох от возмущения за такое непредвиденное (что тоже удар со стороны мистера Данкана, по самомнению мистера Моргана; что даже хуже) им коварство и вероломство мистера Данкана. Что требует от мистера Моргана, пока у него вслед за горлом не пересохли мысли, срочно припасть к стакану с водой. И только после глубокого выдоха, который последовал вслед за выпитым стаканом воды, мистер Морган, наконец-то, смог собраться с мыслями и обратился к написанному на листе, ища там ответы на вопросы, которые так неумело для себя поставил перед мистером Морганом мистер Данкан.

«Сэр, вы цепляетесь за слова и, судя по всему, пытаетесь угрожать, а это ...». – Принялся читать распечатку мистер Морган. Где за этим «это» и было ручкой сделана дописка: «Пере-

дайте мистеру Моргану. Я знаю, что он делал прошлым летом». И первой реакцией на написанное и вслед за этим на прочитанное, было удивление мистера Моргана:

– Да я и сам уже не помню, и не только то, что я делал прошлым летом, а и то, что было вчера. А он, видите ли, всё знает. Какой памятливым нашёлся. – Мистер Морган даже усмехнулся, правда горько, и чему, он так и не понял. После чего мистеру Моргану вдруг памяливо показалось, что эта фраза ему кажется знакомой и, он ещё раз прочитав её, к полной для себя неожиданности, памяливо натолкнулся – прямо в упор на него смотрящее и приторно улыбающееся ему лицо продюсера Валенштейна. И сейчас же мистеру Моргану очень отчётливо вспомнилось то, как этот Валенштейн на одном из приёмов организованной его киностудией, весь вечер усиленно обхаживал его.

Правда, мистер Морган уже привычен к подобного рода обхождению и его не проведёшь на всякого рода уловки, и он всё, что требовалось от него уже сказал, когда ему надоело принимать должное, да и оно уже в него не лезло, а вот обратно, даже очень часто и обильно, и не только на него, а в основном на платья неловких леди, которые вдруг ни с того ни с сего, решили продемонстрировать мистеру Моргану надетые на себя брильянты – а зачем, если мистер Морган о них знает всё (больше, конечно, о брильянтах; оправы для них, как правило, красотой и молодостью не блещет и неинтересна) – где и в каком прокате они были взяты. Так вот, когда ему надоело заливать себя, а затем переработанным собой пол в зале, то мистер Морган, сконцентрировав свой взгляд на подливавшем ему весь вечер, таком приторно улыбочивом лице мистера Валенштейна, вот так прямо ему в лицо и нос к носу, взял и задал ему свой вопрос-утверждение:

– Слушай, а ты не боишься, что меня от твоего притворства прямо сейчас на тебя стошнит!

– До чего же вы мистер Морган бесстрашный и мощный мужик. После того как вы, таким образом, из всех государственных мужей выделили конгрессмена Хоггардса, отметились на платье миссис Коэн и брюках Анны Рейд, то вашими безграничными возможностями организма можно только позавидовать. – Мистер Валенштейн продолжает тошнить своей улыбкой и разглагольствованиями, еле сдерживающего мистера Моргана.

– Они, тля, у меня вот где. – Скрутив конец скатерти (это ничего, что при этом посыпалась посуда со стола) у себя в кулаке, жёстко обозначил свою позицию мистер Морган, придвинув кулак к уже не столь любезной, а пока что только слегка тронутой страхом физиономии Валенштейна. И хотя мистеру Валенштейну несколько обидно слышать в свой адрес такие оскорбительные слова, тем не менее, он как человек на данный момент более разумный, чем мистер Морган, не спешит дёргаться, а выбирает меньшее из зол – обидные слова, нежели кулак мистера Моргана в зубы – и поэтому пропускает мимо ушей эти оскорбления мистера Моргана.

– Они все мне должны! И если я захочу, то они завтра же будут ночевать с бомжами в коробках под мостом, а не у себя на кровати в прекрасных домах. – А вот это, что и говорить, очень жестокое заявление мистера Моргана, нашло своих внимательных слушателей и заставило нескольких чувствительных леди охнуть и потеряться в услужливых руках их слишком молодых спутников, а несколько задумчивых конгрессменов, ещё больше задуматься или забыться за очередной вливаемой в себя порцией горячительного напитка. И хотя впечатлительные леди и даже задумчивые и оттого важные конгрессмены, со временем, кто, где нашлись, всё же они почему-то после всех этих заверений в своём всемогуществе мистера Моргана, не возненавидели его, а вот эту тлю, мистера Валенштейна, даже очень.

Но мистеру Валенштейну пока что не до этих их гневных взглядов, когда мистер Морган находясь на взводе, обращается к нему:

– Давай, не вилай хвостом, Тля. Говори мне прямо. Что, хочешь мне быть должным?

И опять, в хоть и грязных, но всё же устах мистера Моргана, звучит это уже прицепившееся к продюсеру Валенштейну прозвище, но что может поделать (не драться же) мистер Валенштейн, если он тоже зависимое от финансов лицо. «Ну а ради искусства можно и потерпеть!», – на этот раз эту свою присказку, продюсер Валенштейн обратил против себя, а не как в рядовых случаях, против молодых актрис, которым Оскар только снится, а с Максом Валенштейном спится.

И Валенштейн, собрав всю свою волю в ноги, которыми он обхватил ножки стула, для того чтобы не сбежать от агрессивного мистера Моргана, также прямо попытался заявить:

– Я хотел бы, чтобы вы инвестировали... – Но на этом своём полуслове, он большим пальцем руки мистера Моргана был вместе со своим ртом мгновенно заткнут и перебит.

– Начало твоего предложения, что и говорить, а смогло убедить и заставить моё сердце оттаять. – Заговорил мистер Морган. – И я даже на одно мгновение подумал: «В кои веки мне встретился настоящий муж, который не пытается уйти от ответственности, возможных рисков и даже налогов». Но когда ты на этом не поставил точку, а продолжил, и выказал себя очередным подлецом и потцом, то ты окончательно разочаровал меня, тля.

А вот такого оскорбительного отказа мистер Валенштейн точно не потерпит. И он, покраснев от злости, вскакивает со своего места и громко обращает на себя всеобщее внимание:

– Вы мистер пьяны и забываетесь, с кем имеете дело!

Но к большому нежеланию мистера Валенштена, мистер Морган не собирается пристыжено отсиживаться и молчать. И, он, обнаружив в себе силы, не менее резво поднимается на ноги, чтобы с этой высокой позиции ответить тому, кто там впереди него стоит (взор мистера Моргана сильно затуманен алкоголем).

– А мне и гадать не надо, и я с одного раза угадаю, кто ты, тля, есть на самом деле. Ты подлец и негодяй, и к тому же двоеженец. – Рывкнул мистер Морган, и чтобы вот так сразу не упасть от усталости на пол, упёрся об стоящую на столе бутылку шампанского. Ну а это заявление мистера Моргана, изрядно всполошило, да и не могло не всполошить находящуюся в этом банкетном зале ресторана, как оказывается, не настолько хорошо знавшую мистера Валенштейна публику, и особенно его жену Айхель, только совсем недавно ставшую несовершеннолетней и заодно леди Валенштейн.

И если с первым утверждением мистера Моргана, кроме разве что леди Валенштейн (всё из-за её молодости), все здесь находящиеся люди были вполне согласны и даже были готовы привести примеры подобного поведения мистера Валенштейна, то вот насчёт его такой скрытности (любовеообильность мистера Валенштейна к этому не имеет никакого отношения), то это для всех них была та ещё новость. И, конечно, все здесь присутствующие лица, в один момент перевели себя на лицо молоденькой леди Валенштейн, которой хоть и льстит такое всеобщее внимание, но что послужило этому, то было бы не плохо, ей это объяснить.

И леди Валенштейн, зардевшись, бросает взгляд помощи на своего известного супруга, которому между тем не до неё, когда мистер Морган угрожающе для его головы, стоит напротив с бутылкой в руках. И хотя мистеру Валенштейну боязно за свою голову и откровенно страшно при виде пошатывающегося мистера Моргана, тем не менее, ему в затылок уже дышат развернувшиеся взгляды его гостей, и их мнение уже игнорировать совершенно нельзя и для дальнейшей карьерной судьбы драматично. Так что мистеру Валенштейну ничего другого не остаётся делать, как вновь собрать всю свою волю куда-то в себя и попытаться для начала образумить мистера Моргана (а насчёт исковых претензий по поводу его клеветы, то тут можно, если что – если вторая жена не отыщется – договориться).

– Да как вы смеете, у меня в гостях вести себя подобным образом. – Грозным голосом заявил мистер Валенштейн, чья нахрапистая рожа в принципе располагала больше к кулаку, нежели к ответному любовному поведению старлеток.

– Это вопрос или утверждение? Что-то я не понял. – Мистер Морган ожидаемо начал дерзновенно выкручиваться. Ну а с нетрезвым человеком, какой может быть разговор, ведь на него простые, полные благоразумия слова никогда не действуют. Так что мистеру Валенштейну ничего другого не остаётся делать, как пригрозить мистеру Моргану неприятностями, которые ему непременно придётся пережить, если он сейчас же не успокоится и не провалит отсюда по добру, по здоровью.

– Ну, ты в прокате уже провалил всё, что только было можно. – Как ножом по сердцу человека искусства, прошлись слова мистера Моргана по Валенштейну, где он заодно приобщил к ним невероятно противную свою усмешку. – И поэтому, мой окончательный ответ этому двоеженцу. Нет.

И вновь слова мистера Моргана всколыхнули и так растревоженные и не находящие себе места, сердца и души гостей мистера Валенштейна, теперь уже и не знающих, что на всё это думать. «Неужели мистер Валенштейн, с виду такой добропорядочный, не скрывающий налогов и все до единого цента отдающий супруге свои доходы примерный гражданин, не тот за кого его таблоиды выдают. А на самом деле, продюсер Валенштейн не чурается любыми лазейками для ухода от налогов, участвует в сомнительных съёмках ещё до выхода в прокат запрещённых фильмов, любит общества с непристойными предложениями, и как итог всему его поведению – он хочет стать троеженцем!», – затерзали сомнения гостей мистера Валенштейна, теперь и не знающих, уместно ли их присутствие в этом, возможно, порочном кругу.

Ну а мистеру Валенштейну, как никому другому из присутствующих здесь людей, теперь ясно, что ему остаётся ожидать от этого не оправдавшего возложенных на него ожиданий – мистера Моргана – он кровосос, денег не даст. А это значит, что с ним церемониться больше не стоит и, мистер Валенштейн вытянув свою руку в сторону дверей, громко рявкнул на мистера Моргана: Мистер Морган, пойдите вон!

На что мистер Морган, к полному изумлению всех присутствующих, ведёт себя совершенно недостойно трезвого мистера Моргана (в этом есть своя доля здравости), а вот не трезвого, с его неадекватными выходками мистера Моргана, в самый раз. И мистер Морган, заявив во всеуслышание: «А мне плевать на твой интеллектуальный лоббизм!», – точным плевком в самый лоб, смачно приземлил задрожавшего от потрясения мистера Валенштейна на колени сидящей сбоку от него на стуле, уже и забывшей о такой интеллектуальной близости к мужскому роду человечества, миссис Олрайт.

Что не прошло мимо потрясённого нахальством обоих этих мистеров, физического лица по статусу, а по своей сути лоббиста, чрезвычайно упёртого типа и супруга миссис Олрайт мистера Олрайта. Правда, пока лоббист (а он имеет преимущественное право перед супругом миссис Олрайт) мистер Олрайт не разобрался, кто из этих мистеров – мистер Морган или мистер Валенштейн его больше выбесил – так мистер Морган за то, что он так нелицеприятно относится к лоббизму, а мистер Валенштейн за свою пассивность и нежелание противостоять (противосидеть не в счёт) дикому нахрапу этого мистера Моргана – он не может что-либо предпринять.

И, пожалуй, мистер Олрайт (он таки решил) прямо сейчас сказал бы, что он на всё это думает, если бы мистер Валенштейн вовремя не нашёлся и не подскочил, когда почувствовал себя сидящим не на мягкости стула, а на какой-то костлявой и при этом холодной батарее, которой к его изумлению, не неожиданно оказалась миссис Олрайт (вот почему мистера Олрайта постоянно нет дома – он лоббирует интересы энергетических компаний). И видимо мистер Валенштейн испытал шок, раз он, подскочив с ног миссис Олрайт, как ошпаренный холодным паром, в своём безумстве заорал в зал:

– Я это так просто не оставлю!

Ну а так как было весьма затруднительно понять, кому в частности мистер Валенштейн так угрожающе обращался, то многие из присутствующих здесь гостей, обладая чрезмерной

на счёт себя мнительностью, в подкреплении с принятым алкоголем, вполне могли записать это его обращение на свой счёт.

И если миссис Олрайт, имея больше чем кто-либо из здесь присутствующих право заволноваться за свою честь, после этих, что и говорить, а довольно дерзких и намекающих на много чего слов мистера Валенштейна, действительно заволновалась, правда, за мистера Валенштейна – сумеет ли он сдержать данное им прилюдно слово, то мистер Олрайт, был не столь благодушен к мистеру Валенштейну.

А всё потому, что мистер Олрайт увидел в этом заявлении мистера Валенштейна его договороспособность с мистером Морганом, а не с ним. Ведь мистер Валенштейн, ранее на все его предложения о сотрудничестве, давал одни отговорки – надо подумать. А тут он без всякого колебания и раздумья, уже заявляет о своих непростых и возможно в будущем очень тесных отношениях с этим мистером Морганом. – Не потерплю! – злобно проскрипел зубами, безумно выглядящий мистер Олрайт, в одно мгновение заставив от него отступить, испугавшихся за миссис Олрайт и за себя, только что рядом с ним стоявших гостей.

Ну а тем единственным, кто наиболее хладнокровно отнёсся к этим заявлениям мистера Валенштейна, конечно, был мистер Морган, к которому, в общем-то, напрямую и относилось всё сказанное мистером Валенштейном. Так мистер Морган лишь спокойно посмотрел в сторону мистера Валенштейна, сладко улыбнулся и своим очередным заявлением всё-таки поставил жирную точку в своём нахождении на этом вечере:

– А раз так. То мне нечего переживать за себя. Ты меня доставишь до... – На этом многоточии, а не как многие могли подумать, на не хватке сил у мистера Моргана договорить или достоять, он закончил, и тут же всем самым собой эффектно рухнул на самый край стола, чем поднял вверх фейерверк из посуды и заодно невероятную суматоху в публике.

И вот когда мистер Морган после первого на неделе трудового дня пришёл к себе домой, переоделся и вошёл в свой кабинет для того чтобы под стаканчик виски, который был предварительно налит и прихвачен им с собой, полистать газеты, то первое, что пришло ему на ум при виде сидящего на его любимом кресле незнакомца – до чего же ловок адвокат у мистера Валенштейна (уже состряпал и принёс для предъявления иск на него). Ну а как только первый шок с его удивлением, у выронившего из рук стакан с виски, ошеломлённого мистера Моргана прошёл, то на его место пришло любопытство. Ведь мистер Морган, ни смотря на то, что он на своём веку повидал невероятное количество разного рода наглецов и подобного рода интеллектуалов, всё же он ещё ни разу не встречал их вот так, наедине у себя дома, в незваных гостях. И, конечно, мистер Морган до глубины своей души изумлён и потрясён наглостью этого, из-за включенной на столе лампы не видно, что за типа, который не просто без спросу заявился к нему в дом и сел на его, только его кресло, но ещё по хозяйски закинул ногу на ногу, а этого и он себе не позволяет делать.

Ну и в таких напряжённых, в основном только для хозяина случаях, от него, в данном случае от мистера Моргана, с нотками неровности голоса следует обычный для таких необычных случаев вопрос:

– Вы кто такой?

На что само собой, от таких наглецов следует обычный в таких случаях, прозвучавший тихим голосом ответ:

– А разве для вас это столь важно.

И надо отдать должное этому нагловатому незнакомцу, он сумел-таки на время убедить в своих словах мистера Моргана – ему действительно было не важно, кто его будет убивать, а вот знать, кто его послал, почему-то важно.

– И то верно. – Пытается крепиться мистер Морган, вдруг почувствовав, что невероятно сильно хочет жить (а вот с утра у него такого желания совершенно не наблюдалось).

– Вы меня извините, – заговорил незнакомец («Начинается», – побледнел мистер Морган, по своему опыту зная, что всё самое неприятное, начинается с таких вежливых слов), – что я говорю тихо. – Незнакомец всё-таки невероятно коварен, раз не сразу оправдал надежд мистера Моргана на начало для себя неприятностей. – Но я ведь как бы здесь гость, и поэтому не имею права шуметь. – Сказал незнакомец и, хотя его лица не было видно, всё же мистер Морган почувствовал, что тот внимательно вглядывается в него, наблюдая за его реакцией на свои слова.

– Ах, да. – Вдруг оживает незнакомец. Я и совсем забыл. Вы же, кажется, здесь хозяин. Так может быть, мне нужно всего лишь спросить вашего разрешения и вопрос отпадёт сам собою. – По довольно не тихому заявлению незнакомца можно было предположить, что он уже сам для себя, без помощи мистера Моргана, разрешил этот вопрос, и спрашивает мистера Моргана о разрешении только для проформы. И скорее всего мистер Морган всё это понял и возможно даже обиделся на незнакомца за эту его поспешность в принятии решений, раз ничего не ответил и продолжал стоять, и молчать. Но видимо незнакомец тот ещё формалист, и ему хоть и не нужно разрешение для того чтобы влезть в чужой дом, всё же он не любит, когда вот так напротив него стоят и осуждающе глядя на него, молчат. И незнакомец решает срочно выправить ситуацию и найти взаимопонимание между собой и мистером Хозяином.

– Так что ли? – очень внезапно и грозно задавшись, незнакомец своим вопросом подрывает мистера Морган. И, пожалуй, заданный незнакомцем тон разговора, не предусматривает, как возможности отрицательного ответа, так возможности отмолчатся. И потёкшему в своей холодной распаренности от накаляющейся обстановки, пошатнувшемуся от звукового удара мистеру Моргану, ничего не остаётся делать, как дрожащим голосом ответить. – Вроде так.

– Тогда, я вас спрошу. Вы разрешите мне говорить так, чтобы вам было понятно? – придвинувшись к столу, спросил мистера Моргана, всё также ещё остающийся в тени света лампы незнакомец. И хотя мистер Морган почувствовал в словах незнакомца подвох, у него другого выбора не было, и он согласно кивнул.

– Да, я смотрю, вы напряжены и как будто чувствуете себя не в своей тарелке. – Проявил участие незнакомец. – Хотя это странно. Я вроде бы гость, а вы хозяин, и при этом я себя чувствую вольготно и свободно, а вы как будто бы в гостях – неловко. Да ещё при этом и стоите. – Сказал незнакомец, всё также из темноты света смотря на мистера Моргана. – Хотите присесть? – вдруг спросил незнакомец мистера Моргана.

И хотя от непривычки стоять, уже не чувствующему своих ног мистеру Моргану, ничего сейчас так сильно не хотелось, как присесть, он, тем не менее категорически не собирался садиться на предназначенный для гостей стул – а вот хозяйский, на котором так удобно помещался незнакомец, то его, он ему вряд ли уступит – и мистер Морган резко дал свой короткий ответ: Нет. Что, в общем-то, было понято улыбнувшимся незнакомцем.

– Очень отлично понимаю вас. Всю жизнь проводите в кресле (незнакомец специально, чтобы помучить мистера Моргана, поёрзал своим задом в его кресле – этот не передаваемый и завораживающий разум кожаный скрип его кресла, он ни с чем не спутает) и стараетесь при любой возможности быть на ногах. – Явно для того чтобы поиздеваться над непреклонностью мистера Моргана, начал так понимать его этот не уважающий успешных мистеров, видимо совершенно не успешный и завистливый проходimeц. – А я вот не столь свободный, как вы человек, и так сказать, раб своих привычек, которые зааргументировав себя мудростями, типа «в ногах правды нет», сгибают мои ноги при первом же виде кресла. – Усмехнулся незнакомец. – Но что я всё о себе, да о себе. – Изменив направленность разговора и с ним тембр голоса, незнакомец вдруг осёкся, и после новой, достала уже, ухмылки, говорит. – Хотя вам, скорее всего, будет небезынтересно что-нибудь узнать обо мне. Вдруг, пригодится. – Незнакомец подмигнул мистеру Моргану (так, по крайней мере, ему показалось). – Да и, пожалуй,

это поможет вам приблизиться к пониманию того, что сейчас здесь происходит. Не так ли? – задался вопросом незнакомец.

– Так. – Дал ответ мистер Морган.

– А я так и знал. – Радостно заявил незнакомец и, обрадовавшись за свой провидческий дар или может быть, за такую свою осведомлённость насчёт мистера Моргана (впрочем, незаслуженно – в таких случаях все мистеры так предсказуемо себя ведут), к новому потрясению мистера Моргана, вдруг хлопнул рукой по его любимому (у него здесь всё любимое) дубовому столу. – Ну, тогда, чтобы нам друг друга слишком долго не задерживать – вы я знаю, занятой человек – я регламентирую количество ваших вопросов и остановлюсь на цифре три. Так что, можете задать мне три вопроса на любую тему. – И не успел незнакомец сказать, как мистер Морган поспешно и как вскоре выяснилось, не подумавши, выпалил своё первый вопрос:

– Как вы здесь оказались?

– А это разве сейчас важно? – ай-й-й-й покачал головой незнакомец, явно имея об умственных способностях мистера Моргана большего мнения, а не как прямо сейчас выяснилось, заблуждения. И пока мистер Морган окончательно не пал в думающих глазах незнакомца, он спешит привести в сознательность этого, так спешащего и не думающего, чего он спрашивает, мистера Моргана. – Ну, вы меня удивляете, мистер Морган («Откуда он знает моё имя?»), – мистер Морган так разволновался, что начал сам себе задавать такие глупые вопросы – ведь его дом внесён в телефонный справочник, с указанием имени владельца) своей предсказуемостью (незнакомец всё-таки проговорился, чему он был обязан своей радости). – Незнакомец делает мгновенную паузу для словесного перехода и своим резким: «Следующий!», – передаёт право слова мистеру Моргану.

– Что вам от меня надо? – спросил дрожащий мистер Морган.

– А вот это уже ближе к сути. – Сказал незнакомец. – Видите ли, мистер... – Незнакомец намеренно сделал паузу на этом, вызывающем у него сомнение именовании, возможно только на словах мистера Моргана, а на самом деле не мистера, а в самом неліцеприятном для обозначения леди смысле, такой вот леди Морганы. О чём и должна была дать задуматься, пока что мистеру Моргану, эта пауза. Впрочем, пока этот вопрос находится в подвешенном состоянии, а привычка, так называть Моргана, довлеет и тяготит язык незнакомца, он так и быть, пока будет называть его мистером.

– Я оказался одним из тех, кому вы дали своё слово. – В кабинете мистера Моргана, после этого заявления незнакомца повисла глубокая тишина, где только шум работающего вентилятора разделял озабоченность ничего не понимающего мистера Моргана. Что было не трудно прочесть по его удивлённому лицу, и незнакомец, дабы вывести мистера из этого умственного ступора, поспешил это сделать.

– Да-да, вы так и сказали: «Я, как председатель совета директоров нашего банка, даю вам своё слово, что обрушившийся на банковский сектор системный кризис и связанные с ним финансовые потрясения, никоим образом не скажутся на наших клиентах». Так ведь? – участливо спросил незнакомец. На что мистер Морган мог бы вполне обоснованно сослаться на свою короткую память, но то ли создававшаяся обстановка доверия между ними так сказалась, или же возможно всему виной приметливость мистера Моргана, заметившего, что на его столе перед незнакомцем лежала вырезка из газеты, и он, скорей всего, использовал её в качестве шпаргалки, зачитав ему этот текст, в общем, что-то из этого, а может даже из-за природной нехрабрости мистера Моргана, но, так или иначе, но мистер Морган, вот так сразу не смог пойти на попятную (его ноги, как будто одеревенели и выросли в пол) и он вынужденно согласился: Да, наверное.

– Так вот. – Хлопнув в ладоши, расчётливо и прямо-таки по-хозяйски сказал этот вечерний гость и, придвинувшись к столу мистера Моргана (он об этом не перестанет думать и упоминать), наконец, приоткрыл своё лицо для света и вслед за этим для мистера Моргана. И

хотя мистер Морган за время этого своего, по струнке стояния перед незванным гостем, когда было время (между размышлениями над заданными ему каверзными вопросами незнакомца и перебежками мурашек с одной части его тела на другую), пытался представить или догадаться, как выглядит этот злодей, всё же когда он раскрыл себя, мистер Морган не ожидал, что этот, всем сердцем ненавидимый им злодей, будет выглядеть как самый обычный, средних лет человек. Ну а это тоже повод для размышлений (в том числе и для полиции, которую он на этот раз вызовет), правда опять же тогда, когда у него будет на это время, а пока его нет, то нужно слушать то, что скажет этот незванный гость, а иначе, так и не поймёшь, к чему ведётся весь этот разговор.

– Вы, мистер... – опять эта странная пауза, – не сдержали своё слово. А я, как тот, кому всякое слово ценно, и пришёл к вам для того чтобы предъявить это данное вами слово к оплате. – Как приговор прозвучали эти слова гостя, отчего мистеру Моргану, под этим прямым взглядом гостя («Лучше бы он оставался в тени», – промелькнула удивительная мысль в голове мистера Моргана), стало даже невыносимо трудно дышать. Но мистер Морган не был бы мистером Морганом, если бы он так просто взял и сдался, и он, переполнившись возмущением (раз приговор вынесен, то терять уже нечего) на этого, непонятно откуда здесь взявшегося молокососа, который смеет ему предъявлять счета к оплате (мистер Морган из принципа, никогда не оплачивал предъявляемые ему счета), на этот раз не промолчал.

– Да ты кто такой!? – вдруг заорал мистер Морган, в своём таком громком вопросе преследуя цель, не как можно поверхностно подумать – узнать ответ на свой последний третий вопрос, а желая докричаться до охраны. И, скорее всего, ему это частично удалось сделать. Так, хотя, нет, не сразу вот так, а чуть раньше этого кульминационного момента происходящего противостояния, который создал своим криком и на который оказался способен мистер Морган, около его выходящего во внутренний двор окна кабинета, вдруг взял и остановился отвечающий за охрану внешнего периметра зданий, старший смены, мистер Фрейд.

И хотя мистер Фрейд, пойманный в детстве за уши за то, что он в составе группы мальчишек подглядывал в откровенную щель, образовавшуюся по недосмотру рабочих в двери ведущую в женскую раздевалку, после этого случая отлично знал, что заглядывать в чужие окна нехорошо, всё же он не собирался топтаться на одном месте всего лишь охранника – у него были амбициозные и что уж скромничать, грандиозные на счёт себя планы – и решив, что раз из общих правил всегда есть свои исключения, то было бы глупо не воспользоваться этой возможностью, которую предоставляет жизнь – свет в окне мистера Моргана горит, а вокруг как раз кроме него никого нет.

А раз так, то почему бы ради безопасности босса, пока никто не видит, не заглянуть в это самое загадочное из всего комплекса зданий окно. Там днём и ночью горел свет – а зная прижимистость мистера Моргана на счёт оплаты счетов и на свет тоже, то можно только гадать, почему он там никогда не выключал свет. Может мистер Морган тайный алхимик и с помощью самой обычной, но никогда не перегорающей (никто не видел, чтобы её меняли) лампы выращивает алмазы. А уже одно это стоит того, чтобы туда заглянуть и изучить технологию выращивания алмазов – у мистера Фрейда дома тоже есть настольная лампа и он, если что, и сам не дурак, и сможет перенести данные технологии к себе в дом и вырастить алмазы.

В общем, мистер Фрейд, убедив себя в том, что если не сейчас, то никогда – если не ты сам, то кто тебя самого ещё сможет убедить, тем более, не было ни единой причины не поступать так, как мистер Фрейд задумал, да и всё способствовало тому, чтобы он заглянул в окно мистера Моргана – посмотрел по сторонам и ещё раз убедившись, что никого нет, осторожно ступая по траве, начал скрытно приближаться к зданию особняка. Оказавшись же в буквальной близости от здания, мистеру Фрейду можно сказать оставалось лишь рукой до подоконника окна достать – кабинет мистера Моргана находился на первом этаже, чья высота была

чуть выше обычной, что всё равно не было большим препятствием для очень длинной руки мистера Фрейда.

И мистер Фрейд, которому нужно было одновременно действовать быстро и соблюдать меры предосторожности, чтобы его не обнаружила, как охрана, так и мистер Морган, которому вдруг ещё сбредёт в голову посмотреть в окно, наступив ногой на выступ, начал подтягивать себя рукой к окну. Где, подтянувшись, мистер Фрейд планировал потихоньку начать заглядывать в окно – он считал, что таким образом, у него меньше шансов быть обнаруженным. И если бы мистер Фрейд так и поступил, то вполне вероятно, у него всё бы получилось. Но мистер Фрейд, как часто это бывает в таких экстремальных случаях – когда ты без предварительной подготовки и осмотра места своего преступления против частной жизни мистера Моргана, полагаясь только на себя и на удачу, собираешься влезть в чужое окно – не смог всё рассчитать и само собой натолкнулся на не предвиденное (всё верно, он действовал наобум) препятствие в виде самого себя.

В общем, мистер Фрейд, не зная точного расстояния до окна, не рассчитал силу своей хватки и так, чтобы уж наверняка, с запасом прочности – лучше лишнего взять, чем потом жалеть себя из-за того, что не хватило – что есть силы рванул и притянул себя к окну. Ну а когда мистер Фрейд оказался нос к носу с окном, ведущим в кабинет мистера Моргана, то тут-то уж ни о какой скрытности и не могло идти речи – к тому же мистер Фрейд довольно звонко соприкоснулся носом со стеклом окна мистера Моргана. И, конечно, о чём и гадать не надо, всё это произошло (почему так бывает, сложно объяснить, возможно, случай, тоже грешит ленью или другими словами сказать, выбирает для себя самые лёгкие и короткие пути, для чего и прибегает к такой оптимизации своего процесса) именно в тот момент, когда мистер Морган так себя истерично повёл – очень громко поинтересовавшись у незваного гостя о его имеющихся полномочиях посещать без спросу и когда ему вздумается, таких добропорядочных налогоплательщиков, как он.

И надо признаться честно в том, что незваный гость на одно мгновение оторопел от такой звонкой экспрессивности мистера Моргана, который звуком своего голоса даже сумел вызвать дрожание стёкол на окне – сзади до незваного гостя донеслось дребезжание оконного стекла. «У мистера Моргана великолепный голос. Ему не мешало бы попробовать себя в качестве оперного певца», – к оглушённому мистером Морганом незваному гостю, пока он находился в этом звуковом вакууме, в голову пришла хоть и ошеломительная, но всё же вполне справедливая мысль.

Но не успевает при виде прекрасного в гневе мистера Моргана, находящийся в состоянии некой эйфории, этот незваный гость хоть как-то собраться с силами и во избежание потери для оперного искусства этого ещё нераскрытого таланта, заткнув ему рот, тем самым не дать мистеру Моргану сорвать свой голос, как мистер Морган, предвосхищая поступательные движения руки незваного гостя к стакану на столе (скорей всего, он хотел с помощью этого метательного приспособления остановить все попытки мистера Моргана сорвать голос или самому сорваться и убежать), вдруг к его полной неожиданности застывает с открытым ртом на одном месте. При этом мистер Морган, не просто так широко открыл свой рот, а он служит для него некой иллюстрацией к его теперешнему положению, в котором он буквально сейчас оказался, уже несмотря на находящегося перед ним незваного гостя (к нему он уже привык).

А вот что привело мистера Моргана к такому, судя по его внешнему облику, потрясённому и слегка ошарашенному положению, то для того чтобы узнать это, нужно было заглянуть за плечо незваного гостя и посмотреть в выходящее на уже сумеречную улицу окно. Откуда на находящегося в экзальтированном состоянии духа мистера Моргана и воззрилось нечеловеческое лицо одного из посланцев самого дьявола (когда ты находишься в приподнятом своей импульсивностью духе, то ты склонен видеть окружающий мир не такой какой он есть на самом деле), на которого сейчас сильно смахивало вдавленное в стекло лицо мистера Фрейда – когда

так неожиданно для себя втыкаешься носом в окно, то эмоции бьют через край (а это всегда страшно), что и отражается на вашем зверском с пяточком вместо носа лице.

Ну а мистер Морган, хоть и не сомневался в том, что его ждёт, не дожждётся горячий приём у самого дьявола, всё же он не ожидал, что это случится так скоро и поэтому не был слишком готов к такому развитию событий. И, конечно, мистер Морган попытался не поверить в это увиденное им собственными глазами, но разве дьявол позволит тебе усомниться в своём всемогуществе, и он, даже находясь там, за окном, обязательно достанет тебя – и мистер Морган, вдруг почувствовав, что его сердце чуть ли не сковала невидимая рука (ясно чья), а дыхание перехватило, оступился и к изумлению незваного гостя, было решившего, но не успевшего обернуться назад и посмотреть на того, на кого там уставился мистер Морган, без сознания упал на свой дорогой ковёр.

– А вот и кортеж появился. – Пробубнил про себя находящийся на шестом этаже здания книжного склада мистер Морган, который для удобства наблюдения опёрся одной ногой на коробку с книгами, и смотрел через приоткрытое угловое окно здания в оптический прицел винтовки за многолюдной улицей, на которую из-за поворота только что выехал президентский кортеж. – Сейчас президентская охрана на предмет опасности и появление световых бликов, будет просматривать все встречающиеся по ходу движения окна, так что надо пока затаиться и подождать когда кортеж минует здание, и тогда... – мистер Морган вдруг опустил винтовку, непонимающе посмотрел на неё и видимо, так и не разобравшись в том, что делает в его руках это ружьё, решил ещё раз взглянуть в прицел, для того чтобы понять, а что он тут делает и как, вообще, здесь оказался.

Ну а стоило мистеру Моргану взглянуть в прицел винтовки, как к своему изумлению он увидел в неё, до чего же всем и в том числе ему знакомые кадры кинохроники, которые гипнотизируя, притягивали его к себе через прицел винтовки и не отпускали его до тех пор, пока он буквально прямо перед собой не увидел смотрящее именно на него лицо ... Как его там? Мистер Морган попытался вспомнить это всем и им в том числе известное имя того самого убитого президента, но почему-то сейчас этого сделать не мог. И так до тех пор, до тех пор, пока вдруг не увидел себя сейчас со стороны и при этом не мистером Морганом. А как только он увидел, то тут же всё вспомнил и узнал имена всех замешанных в этом деле лиц, и того самого убитого лица.

И как только мистер Морган узнал это лицо, то в его глазах и голове тут же всё потемнело и, он, потерявшись в самом себе и пространстве, только что и смог почувствовать, так это мягкое приземление своей головы обо что-то мягко-ворсистое. Где откуда-то из внешней глубины, до него вначале доносится какое-то звучное эхо, которое после нескольких повторений сопровождающихся потрясыванием его головы и возможно, верхней части тела, сумело-таки осознаться мистером Морганом, услышавшим, как да него пытаются дозваться.

– Мистер Морган. Да вы, как я посмотрю, готовы на многое, чтобы поставить вашего гостя в неловкое положение. – Глядя сверху на открывшего глаза мистера Моргана, улыбаясь, сказал ему склонившийся над ним (неловкие положения тоже разными бывают) его незваный гость. Мистер Морган же ничего не говорит в ответ, а пытается осмотреться по сторонам и понять, где он сейчас находится и что с ним происходит. И если с первым всё более-менее понятно – он лежит у себя в кабинете, на полу – то со вторым, до сих пор всё не то что не ясно, а совершенно непонятно.

– Держите. – Протягивая мистеру Моргану непустой стакан с виски, обратился к нему этот незнакомец. И хотя мистер Морган в своё время дал себе зарок не брать из чужих рук стакан виски, он на этот раз, правда после небольшой паузы, потраченной на своё внимание к незнакомцу и протянутому им стакану, не стал придерживаться этому своему правилу и, перехватив стакан, быстро осушил его. После чего стакан предусмотрительно забирается незванным гостем, который вслед за этим, свободной рукой ухватив мистера Моргана за локоть, помогает

тому встать на ноги. Затем мистер Морган, пока он находится в замешательстве, усаживается на гостевой стул, ну а незваный гость, обойдя стол, садится на привычное для себя место – кресло мистера Моргана. Далее следует необходимая для перехода к новой стадии разговора пауза, после которой, слово берёт незваный гость.

– Значит вы, мистер Морган, хотите знать, кто я такой. Что ж, это ваше право. – Жёстким тоном заговорил незваный гость. – Знаете. Мне, кажется, что вас не устроит, если я вам всего лишь скажу ничего незначущее для вас моё имя. И вам бы, наверное, хотелось, узнать мой род деятельности, который и позволил бы вам, наконец, перестать мучиться догадками на счёт моих настоящих намерений и вашего сложившегося положения. Правильно я говорю, мистер Морган?

– Так. – Побитым голосом ответил мистер Морган.

– Так вот, мистер Морган. Я тот человек, кто всегда держит слово и никогда не разбрасывается ими. – Сказал незнакомец, уставившись на мистера Моргана. И, скорей всего, недвольный вид мистера Моргана не понравился незнакомцу, раз он как-то зло спросил его:

– Я как вижу. Вам мистер Морган, этого опять мало, и возможно, для вас всё мною сказанное непонятно.

– Да, для меня это непонятно. – С горечью в голосе, вынуждено признался, не собиравшийся дразнить незнакомца, а просто и вправду ничего из сказанного не уразумевший для себя, мистер Морган.

– А я почему-то не удивлён такому положению вещей. – Зло и как-то дергано (видимо его это задело) заговорил незваный гость. – Ведь как раз так и выходит, что именно те, кто так спешит раздавать обещания и давать своё слово, почему-то всегда оказываются такими непонятливыми. А меня может быть, это совершенно не волнует. – Незнакомец вдруг вскипел и, ударив по столу кулаком, подскочил с места, затем уперевшись руками об стол, наклонился к мистеру Моргану и спросил его:

– А как вы думаете, мистер, на чём я к вам приехал?

На что испуганный мистер Морган, не раздумывая, да и никакого смысла не было гадать и предполагать, на чём же мог приехать сюда этот странный незнакомец, ответил своё короткое: Не знаю.

– Ха-ха. Я так и знал. – Как-то уж слишком не смешно и страшно рассмеялся этот ночной визитёр. – На «мерседесе». – Сказал незнакомец, принявшись вглядываться в мистера Моргана, пытаясь отыскать на его лице понимание того, какой смысл был вложен в этом его заявлении. Но лицо мистера Моргана, делающего в голове памятливые (для того чтобы сообщить в полицию) на счёт марки этой машины заметки, выражало лишь мучительное недоумение и полное непонимание происходящего. Что, конечно, не может не разозлить любого рассчитывающего на понимание собеседника, и незваный гость, естественно, ещё больше разозлился, правда, не на мистера Моргана, а на кого-то другого.

– А я, может быть, хочу приехать сюда на когда-то мне обещанной «волге», а не на этом лакированном люксе, который есть выразитель моего разочарования в людях. – Выпрямившись, заявил незнакомец. – Но бог свидетель, я достаточно ждал, для того чтобы ...– Незнакомец, потемнев в лице, всё же не смог договорить до чего он дошёл в своём ожидании. – И я больше не потерплю обмана! – Громко вздохнул незнакомец. – А ты мне в этом поможешь. – Садясь в кресло, уже досказал он. После чего незнакомец внимательно смотрит на мистера Моргана и, видимо окончательно успокоившись, уже спокойным тоном говорит:

– Хотя, наверное, они так легко и расстаются со своим словом, потому что они его совершенно не ценят. А с тем, что не ценно, всегда легко расставаться. Так ведь, мистер Морган?

На этот же раз, вновь дёрнувшийся, правда уже от этого вопроса, мистер Морган не спешил отвечать. А всё потому, что его жизненная цепкость усмотрела в словах незнакомца скрытую для него опасность – он хочет что-то обесценить в его глазах, а затем заставить его, мистера

Моргана, расстаться с какой-нибудь пока ещё неизвестной ему, но ещё минуту назад очень ценной вещью для него, а сейчас уже не представляющей никакой для него ценности. А в таких вопросах, как расставаться, мистер Морган предпочитал, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. Правда те обстоятельства, в которых оказался мистер Морган, далеки от обычных, и он не может вот так просто игнорировать их. И мистер Морган, вместо того чтобы – так он обычно делал в таких, с расставанием случаях, как, например, в случае увольнения потерявшего ценность для компании работника – легко подмахнуть своим словом приказ об увольнении, берёт и пытается найти аргументы, для того чтобы прозвучавшее в устах незнакомца обвинение не звучало так однозначно.

– Но я ведь образно говорил. – Смущённо оправдываясь за себя, сказал мистер Морган.

– Всё верно. Ведь слово и есть образное отображение внешнего представления сути вещей. – В один момент последовал ответ от незнакомца. На что мистер Морган сразу и не нашёл, что найти, но его незванный гость и не ждал ответа, а продолжил говорить.

– Даже если ты, давая своё слово, имел что-то другое в виду, это не отменяет самого факта совершения сделки, которая была закреплена моей верой в данное тобою слово. А этот факт моей веры в тебя, как ты понимаешь, дорогого стоит. – Незваному гостю этого можно было не говорить, мистер Морган уже догадался, что это его неожиданное появление у него, ему обязательно будет чего-то стоить. Ну а мистер Морган в вопросах стоимости и ценообразования, как рыба в воде и, он, окунувшись в свою стихию, само собой почувствовал прилив энергии (хотя это может подействовал принятый им виски) и самоуверенности. После чего он, откинувшись на спинку стула, самоуверенно посмотрел на незнакомца, который теперь для него не был столь пугающе непонятен и значит страшен, раз он заговорил о цене.

– Назовите вашу цену. – Несколько самоуверенно заявил мистер Морган, обращаясь к незнакомцу. И хотя незванный гость в ответ улыбнулся, но столько всего поведавшего мистера Моргана, не сбить с мысли этой очередной уловкой ещё одного проходимца, решившего набить себе цену и заодно свои карманы, его, мистера Моргана, деньгами. И, пожалуй, мистер Морган оказался прав в своём видении продажности, обесценившего себя своим же современным ценообразованием человека, раз этот незнакомец вдруг затушевался и, не выдержав прямой взгляд мистера Моргана, перевёл свой взгляд на лежащую перед ним газетную заметку, где он и начинает как-то воодушевляюще для мистера Моргана хмыкать. После чего, эта, по мнению вновь обретшего себя мистера Моргана, дешёвка незнакомец, поднимает голову и говорит. – Правда, как я вижу, то у вас имеются смягчающие вас обстоятельства. Вы это слово давали, как председатель совета директоров.

– И что? – удивлённо задался вопросом мистер Морган, определённо не ожидая от незнакомца подобного рода заявления.

– А то. Что ответ за данное слово должен держать председатель совета директоров, мистер Морган, а не обычный гражданин, мистер Морган. – Как само собой разумеющееся, канцелярским голосом, которым оглашает приговор судья, произнёс этот свой и вправду приговор незванный гость.

– Что это всё значит? – задрожав в губах, спросил вновь потерявшийся и уронивший свою голову мистер Морган.

– А разве вы не поняли, мистер? – Отчеканил в ответ слова незнакомец. И, скорей всего, мистер Морган всё отлично понял, раз он вновь поднял голову и, наклонившись к столу, заскрипел зубами в ответ. – А если я скажу, что не согласен. А? – Но незваного гостя видимо не только не напугала брызжащая изо рта мистера Моргана ядовитая слюна, а он к ней, как оказалось, был готов, что он и продемонстрировал так пугающе для последнего, очень быстро придвинувшись к лицу мистера Моргана. И не успел мистер Морган глазом моргнуть и носом вздохнуть, как его глаз вместе с носом упёрся в щеку незваного гостя, который, не давая

мистеру Моргану перевести дух, уже вкладывает через его уши ему в душу, даже не слова, а зёрна сомнений.

– Это ваше право, мистер. Но, прежде чем реализовать его в жизни, задайтесь самым для себя простым вопросом. А что будет после? Ведь то, что ваша мистер, находящаяся на всех уровнях зданиях многочисленная охрана, привела лишь к одному – к тому, что я сейчас сидя на хозяйском кресле, нахожусь в хозяйском кабинете и задаю этот вопрос самому хозяину всех этих богатств, мистеру Моргану, не даёт иного понимания этого вашего предопределённого мною после. – От горячности заявления незнакомца у мистера Моргана загорелись уши, и ему стало жгуче жарко во всём внутри себя. И мистер Морган от этой повеявшей на него, заключённой в словах незнакомца безнадёжности, вдруг почувствовал себя таким незащищённым и таким маленьким перед этим жестоким миром, где даже три линии охраны не способны защитить и оградить тебя от него, а так хотелось. Отчего мистеру Моргану стало так тоскливо и безнадёжно за себя, что он даже позволил своей голове поникнуть вниз.

– Ну, а если этого аргумента для вас недостаточно, то ведь всегда можно вспомнить, и задаться вопросом – а что вы мистер делали прошлым летом? – а вот этот вопрос, вернувшегося обратно к спинке кресла незнакомца привёл в чувства мистера Моргана и, он подняв голову и, мутным взглядом посмотрев на него, спросил:

– Так это был ты?

– Мне, кажется, мистер, что вы топчитесь на одном и том же месте, задавая мне одни и те же вопросы, разве что только под разными соусами. – Ответил ему незнакомец.

– Пожалуй, что так. – Понуро ответил мистер Морган. После чего он, видимо, что-то про себя обдумал и, блеснув скорее надеждой, нежели как ему хотелось яростью в глазах, сказал. – Только у меня есть условие.

– Я не ослышался, мистер. – Уже с позиции понимания того, что мистер Морган убеждён в безальтернативности своего выбора, дерзко ответил незнакомец.

– Мне нужна ваша помощь. – Перефразировал или поправил себя мистер Морган в ответ, что, в общем, было не важно, когда по жалостливому виду мистера Моргана всё и так читалось. Но незнакомец в своём ответе непреклонен и не склонен проявлять жалости. – А с чего вы взяли, что мы её вам окажем? – удивлённо спрашивает незнакомец мистера Моргана.

– Но они не оставят меня в покое. К тому же они, как и вы, позиционируют себя людьми слова. И не просто слова, а нового слова. – Пролепетал мистер Морган.

– Что ж. Вы меня заинтересовали. – Вновь придвинувшись к столу, сказал незнакомец, давая понять мистеру Моргану, что он готов слушать. И мистер Морган без лишних слов высказал незнакомцу всё то, что у него накопилось. А накопилось, как оказалось столь много, что когда мистер Морган всё рассказал, а по сути, выговорился, то он почувствовал огромное облегчение, тогда как незнакомец, наоборот, выглядел взволнованным и задумчивым. Что заставляет незнакомца подняться на ноги и начать ходить вдоль стола. Когда же он таким образом, образно сделал несколько кругов на стадионе, а вернее один, то он, остановившись, как раз позади спинки стула мистера Моргана, обратился к нему:

– И вы, наверное, заранее позаботились и собрали на этих людей нужную информацию?

– Есть. – Живо ответил мистер Морган, приготовившись по первому знаку встать и достать из запертого ящика стола папку с файлами, на доставших его подонков.

– Вы пользовались услугами частных агентств или...? – многозначительно спросил незнакомец мистера Моргана.

– Частные детективы из бюро ... – Но мистеру Моргану не дали договорить, и незнакомец рукой дал знак, что ему это неинтересно знать. После чего незнакомец обходит стол, подходит к мистеру Моргану и, внимательно посмотрев на него, говорит:

– Хорошо, мистер Морган. Мы вам поможем. Пока же ничего не предпринимайте, а насчёт собранной вами информации, то за ней я пришлю к вам человека. – Сказав это, незна-

комец, не дожидаясь ответа от мистера Моргана, развернулся и двинулся к дверям на выход. Но на этот раз мистер Морган уже не готов, вот так просто расстаться и, он, привстав со стула, бросает вслед незнакомцу вопрос:

– А как я узнаю вашего человека?

– Я думаю, вы не ошибётесь, и как только он у вас здесь на пороге появится, то вы тотчас узнаете его. Но если этого вам будет мало, то он скажет вам, что он от меня. – Не поворачиваясь, на ходу ответил незнакомец.

– Но кто вы? – спросил мистер Морган.

– Ловец слов. – Выходя в дверь, бросил ответ незнакомец.

– Но когда? – мистер Морган попытался через закрытую дверь кабинета докричаться до ловца слов.

– Скоро! – эхом отозвалось в голове мистера Моргана. И не успевает мистер Морган по новому – в новом своём одиночестве – осмыслить всё то, что с ним сейчас произошло, для чего он зачем-то достал из стола ту самую папку с собранным им досье на некоторых тревожащих его покой лиц, как со стороны улицы до него донёсся крик со стрельбой, который что удивительно, на этот раз не вызвал у мистера Моргана глубокой озабоченности насчёт своей безопасности, а наоборот, заставил его странно усмехнуться. Но и это не всё, и стоило только мистеру Моргану под этот уличный шум и суматоху налить себе в стакан приличную порцию виски, как дверь в его кабинет раскрывается и на пороге его кабинета появляется... С яркого и бьющего в глаза света холла вот так сразу и не опознаешь, что за тёмная личность.

Но мистер Морган с некоторых пор стал догадливым, и он не только не пугается, а удивлённо смотрит на вошедшего человека и восклицает:

– Так скоро!

Глава 4

Ловцы людей

– Что ты видишь перед собой? – стоя на разграничительной линии перед перекрёстком, указывая на проезжую часть, спросил Алекса его наставник и брат по вере в новое слово, «капитан» Мирбус.

– Дорогу. – Ответил Алекс.

– Соглашусь. – Сказал «капитан» Мирбус. – А что тебе мешает по ней пройти прямо сейчас? – спросил «капитан».

– М... – хотел было дать ответ Алекс, но был перебит Мирбусом. – Только не спеши с ответом. – Сказал Мирбус.

– Ну, раз не машины, то тогда, скорей всего, правила дорожного движения, требующие от меня, как от участника дорожного движения, соблюдать их и ждать того, когда загорится разрешающий идти свет светофора. – Дал свой ответ Алекс.

– Угадал. – Усмехнулся Мирбус. – И, наверное, появление и последующее существование этих правил оправдано обеспечением нашей безопасностью. Но тебе не кажется, что эти правила, так или иначе, ограничивают наши права на данную нам по праву рождения человеческую свободу перемещения. – Вопросительно сказал Мирбус.

– Но... – попытался было возразить Алекс, но вновь был перебит «капитаном».

– Не спеши оправдывать их существование. Твои доказательные аргументы имеют всего лишь временное правовое значение. Я же не для этого завёл этот свой разговор. Просто на этом простом примере, я хочу показать тебе, как в общем возникают сами правила, которые по своей сути есть правовые ограничения для человека. Где они, эти правила, являются всего лишь следствием, тогда как причина их появления – это тот же транспорт, увеличение количества использования которого человеком и повлекло за собой необходимость регламентации через эти правила уличного движения. И, пожалуй, если, к примеру, убрать эту причину – транспорт, то, скорей всего, и правила дорожного движения, со временем, из-за их ненужности исчезнут. И как следствие, ликвидации, мешающей моему свободному перемещению причины – транспорта. После чего я беспрепятственно смогу пройти этот перекрёсток. – Сказав, Мирбус перевёл дух.

– Так и во всех других жизненных случаях, – а жизнь это череда бесконечного движения, со своими правилами движения, – если убрать со своего пути все эти мешающие твоему свободному ходу заграждения и барьеры в виде причин, то перед тобой откроются любые двери и не только в головах людей. – Мирбус улыбнулся и посмотрел на мигающий сигнал светофора. – И когда ты сумеешь находить и убирать тормозящие твой ход причинные заграждения и барьеры, то тебе уже не нужно будет ждать разрешающего сигнала светофора – ты сам будешь регулировать движение. – И «капитан», возможно, в доказательство того, что он не собирается зависеть от того, что покажет ему этот светофор (а он загорелся зелёным светом), не пошёл вслед за остальными пешеходами, а придержав Алекса, указал ему на молодого человека, так же как и они в своей задумчивости остановившего перед перекрёстком.

– Посмотри на него? – кивнув в сторону этого одинокого чудака, сказал Мирбус.

– И? – посмотрев на указанного «капитаном» человека, вопросительно ответил Алекс.

– Разве ты не видишь? – «капитан» даже удивился тому, до чего же слеп Алекс. – Посмотри внимательно, и ты увидишь этот потерянный, уже частично отстранённый от жизни взгляд в никуда. – И Алекс, подкреплённый знаниями «капитана», по-новому смотрит на этого человека, и действительно на этот раз видит в нём всё то, что увидел в нём, а затем наговорил, а может и внушил Алексу «капитан».

– Теперь вижу. – Не сводя своего взгляда с этого человека, сказал Алекс.

– Он наш человек. – Сказал «капитан», сделав шаг в сторону этого человека. – Ещё одна заблудшая и потерявшаяся в этом мире душа, которая, не зная его правил, нуждается в своём проводнике. – Проговорил «капитан» и направился к затуманенному своими отстранёнными мыслями человеку. И, скорее всего, и тогда «капитан» говорил или думал про себя тоже самое, прежде чем подойти и найти нужное слово для Алекса, чья потерянность в этой жизни, после трагического ухода из жизни всех его самых близких людей, читалась и была прочитана «капитаном» на его окаменевшем от горя лице.

– Я научу тебя как жить дальше. – До Алекса откуда-то из внешнего бытия донёсся вкрадчивый голос.

– Одному? Зачем? – душой ответил изумлённый Алекс, не понимая, как можно ему что-либо предлагать кроме смерти.

– Ты уже не один. – Обволоком и увёл Алекса за собой голос неизвестного. Ну а дальше для каждого увлечённого, в зависимости от его внутренних пожеланий открывается и наступает своя истина, которая и видится ему такой, какой он хочет её увидеть.

Что касается Алекса, то он услышал и увидел то, в чём как раз сейчас нуждалась его изголодавшаяся по мысли душа. И вот когда он вновь себя осознал, то он уже находился не на платформе в метро, где он немигающим взглядом смотрел на железнодорожные пути, а сидел за столом в каком-то кафе и перед ним дымился горячий кофе, который обдав своей теплотой промёрзшего своей внутренней холодностью Алекса, вернул его в сознание.

– Я вижу, ты пришёл в себя. – Вдруг до Алекса доносится смутно знакомый голос, заставляя его оторвать свой взгляд от исходящего от напитка кофейного дымка и посмотреть чуть выше, где, как видится Алексу, напротив него сидит улыбка до ушей, слишком позитивно настроенный, скорее всего, господин Весёлый. Ну а так как Алекс ещё не полностью, а только частично осознал своё нахождение в этом несправедливом и местами промёрзлом мире, то он ничего не ответил, продолжая в ответ лишь глазеть на этого господина Весёлого. Господин Весёлый тем временем, из-за такой мелочи не собирается изменять своему основному жизненному принципу – оптимистическому взгляду на жизнь, и он, дабы подбодрить Алекса, берёт свой стаканчик с таким же дымящимся напитком и, подняв его, со словами: «За ваше здоровье», – делает разжигающий желание Алекса самому сделать глоток.

И Алекс, поддавшись на эти невидимые уговоры, тут же согревает свою руку стаканчиком, а вслед за этим и самого себя. Ну а как только тепло выпитого напитка, растёкшись по его организму, убирает бледность с лица Алекса, он вновь видит перед собой полное оптимизма насчёт всего и в частности Алекса лицо, пока для Алекса господина Весёлого, а как впоследствии им выяснится, «капитана» Мирбуса.

– Прежде всего я хочу вас познакомить с одним человеком. – Обратился к Алексу господин Весёлый, чем вызвал видимую заинтересованность у удивлённо посмотревшего на него Алекса.

– И этот человек вы. – Произнёс «капитан» Мирбус. На что Алекс, даже если бы он и хотел что-либо ответить, то сейчас ему было не до этого.

– Ну а для того чтобы вы смогли во всём разобраться, то я думаю, что нам надо начать в самого начала. – Откинувшись на спинку стула и, положив сложенные руки в замок себе на живот, сказал господин Весёлый. – Как вы думаете?

– Я не способен думать. – Ответил Алекс.

– И то верно. – Усмехнулся господин Весёлый. – Ну, тогда начнём. – Господин Весёлый поправил своё положение на стуле до близкого к совершенному и, углубившись глазами в себя, заговорил свою мантру.

– Предтечей всему была, нет, не закаменевшая в самой себе изначальность, а вся сама в себе исходность, которая, отождествляя себя через имя, решила оспорить себя. Так олицетворение её общности – цифра и частность – имя которому слово, вошли в спор о себе и своём

месте в мире. Для чего, собственно, и был создан человек, на примере которого и была сделана попытка определить, что из чего проистекает – от частного (слова) к общему (цифре) или само частное, не могло бы состояться без общей идеи, которую и несёт в себе общее.

Ну а так как человек был выделен из сути общего в частное, то первое слово взяло само слово (такая божественная тавтология), выступив той материей, в которую и был облачён человек. При этом слово постаралось, и выделенный из общего человек, в единстве своём мог мыслить только отдельными категориями истины – словами, как едиными отражениями сущности бытия. Ну, максимум, двумыслить, тогда как цифра умела обобщать в себя все эти частности. В чём она вскоре так преуспела, что, в конечном счёте, нагнала слово в своём влиянии на человека, который, вновь сам того не понимая, стал перед выбором, не зная, чему отдать своё предпочтение – частному или общему. – Сделал паузу в своём трудном для понимания рассказе, слегка ставший серьёзным Весёлый господин. И, скорее всего, Весёлый господин догадывался о том, что его высказанность трудна для понимания, раз он обратился к Алексу с вопросом: Но ты, надеюсь, понял, что я говорю фигурально.

И хотя Алекс в тот момент, вообще, мало что понимал, и по большому счёту, для него рассказчик служил тем же фоном, что и стоящий шум в кафе, всё же у него, как и любого другого человека, подсознание всегда находится на страже его самости, а вот его, пожалуй, трудно разубедить в том, на чём оно настояно – а настояно оно на охране священных границ умственного здоровья своего носителя. И вот эта часть Алекса, определённо имела своё мнение на всё сказанное Весёлым господином, с чем оно и выступило, заставив в сознании ничего так и не понявшего Алекса, согласно кивнуть в ответ.

Весёлый господин тем временем не очень-то поверил этому с затуманенными глазами Алексу, да и говорил он это всё не для самого Алекса, а как раз для его подсознания. Впрочем, Весёлый господин не собирается на этом останавливаться, и он продолжает своё введение в ряды разумных людей, попытавшего было выйти из их рядов Алекса.

– И человек в очередной раз оказался на своём, а может кем-то задуманном распутье, со своим поиском выбора дальнейшего своего пути, ответом на который, как мне кажется, должно служить понимание им его общечеловеческих задач. Ну а для того чтобы разобраться в этом, ему просто необходимо через понимание частного, достичь понимания общего. А необходимость в этом назрела потому, что в результате недосмотра или же излишнего доверия к умственным способностям человека, данное ему в назидание и использование слово, было неверно им истолковано и привело его на ведущий к гибели человечества путь. – Весёлый или уже Мрачный господин, оставив в прошлом беззаботного себя, придвинувшись к столу, взял свой стаканчик с кофе и согрел им себя. После чего поставил его на стол и продолжил свой рассказ:

– Ведь кто на самом деле человек, как не суть отражения слова, а не как он решил, что слово есть зеркальное отражение его я – что, наверное, объяснимо, ведь так легко запутаться в зеркальных отражениях – слово читается не изнутри (сути), а со стороны человека, а это ещё не значит, что оно есть тоже самое, что он прочитал. Отсюда, скорее всего, и вышла эта самоуверенная на счёт себя мнительность человека, где, по его мнению, окружающий мир есть отражение его воззрений на него, а не он сам есть часть этого мира. И наша задача состоит в том, чтобы привести человечество к правильному пониманию своей исходности – слову.

– И кто это эти вы? – вдруг неожиданно задался вопросом Алекс, смотря в упор на Мрачного господина. На что Мрачный господин в один момент вновь становится Весёлым господином, который всегда готов ответить на любой вопрос, ищущего для себя ответы на свои вопросы человека.

– Вот мы плавно и перешли от частного к общему. – Улыбаясь, заговорил Весёлый господин. – И чтобы ты сразу понял ту идею, на которой построено это общее, я тебе приведу одно высказывание, на примере которого ты всё сразу поймёшь. – Весёлый господин вновь стал

Серьёзным господином и заговорил. – Вот, например, всем известное изречение: «Всё тайное становится явным». Так вот, это самое изречение, по нашему мнению, не до конца осмыслено и содержит в себе ещё один тайный послыл. И содержит оно в себе куда более глубокую мысль, которая, скорее всего, и была той сердцевинкой, на которой в качестве своего прикрытия и была построена эта фраза. «Всё тайно задуманное, становится явью». Вот исходный код этой таинственной фразы, которую на вооружение взяло наше общество нового слова. – Серьёзный господин сделал паузу, для того чтобы Алекс сумел осмыслить сказанное ему. Ну а так как Алекс не выказывал нетерпения, то Серьёзный господин решил, что можно продолжать свой ликбез.

– Думаю, что тебя не напугать моей приобщённостью к некому сообществу. Ведь стремление человека создать или присоединиться к какому-нибудь, а лучше сразу к тайному обществу, как бы это не звучало странно, носит в себе чисто человеческое желание выделить свою индивидуальность. Так человек, через эту свою избранность тем самым укрепляется в осознании собственной значимости. Ну а чем секретнее, тайнее и значит, избранное общество, тем сильнее желание человека войти в него, чем и пользуются создатели псевдо тайных обществ.

Так и наше общество построено на принципах избранности – обретая человечность и овладев грамотой, ты потенциально уже стал членом нашего общества нового слова. Ну а главная задача, которая стоит перед нашим обществом – это не навязывание своей воли человечеству, чем грешат все общества, а наоборот, разоблачать желание тех поработителей человеческой воли, этих подавляющих личность эксплуататоров, использовать в своих корыстных целях слово и, подменяя его эвфемизмом или иной реконструкционной интерпретацией, добиваться подмены смысла слова, как отражения окружающего мира, а через это опять самого мира и вслед за ним самого человека. И в этом как раз обновлённое слово нам и должно помочь. – Серьёзный господин перевёл дух и подытожил всё сказанное.

– Мы должны заново утвердить лингвистическое право человека, которое современным отступничеством – эвфемизмом, всё чаще и явно ставится под сомнение. – Но не успел Серьёзный господин плавно перетечь в Весёлого господина, чему сопутствовало окончание этого его заумного разговора, как вдруг раздавшиеся со стороны барной стойки кафе громкие крики возмущённых неизвестно чем людей, где самым приличным выражением было: «Я просто хую!»», – перевело всё внимание в их сторону, в одно мгновение ставшего Мрачным и, пожалуй, даже Опасным господином, когда-то Весёлого господина.

Ну а там, у стойки, стояли два здоровенных субъекта, которые судя по их внешнему, весьма не формальному мачо-виду – с выпуском голых животов и пуза на всеобщее обозрение (возможно, они просто перепутали и вместо трёх верхних пуговиц рубашки, как это делают все мачо, расстегнули нижние; для запаса четыре) – чувствовали себя везде и здесь, как дома, и скорее всего, они также считали себя джентльменами, раз они не стеснялись своего свойственного всем джентльменам того самого невозмутимого вида, с которым они стоя здесь у кассы, пошатываясь и перегаром дышали прямо в лицо молоденькой кассирше.

При этом их возмущению не было предела, и всего вероятней из-за того, что они и пришли сюда для того чтобы по возмущаться и утвердить своё с большой буквы я. А для этого много и не надо делать, когда природа уже изначально чрезмерно одарила вас физической силой – и им оставалось лишь, как только мерзко облизнуться и с сопровождающим ударом кулака по стойке, своим грязным словом застолбить себя. Что при подходе к кассе и проделал один из двух этих амбалов, наиболее ответственно к себе относящийся, мистер Баламут – он после посещения туалета, да и вообще всегда, специально, во избежание защемления нервов своих пальцев рук, не застёгивал на своих штанах ширинку. Ну а то, что эта пикантная деталь его джинсового интерьера заставляла нервничать случайно встреченных им людей, то они сами виноваты – нечего пялиться туда, куда по этическим соображениям неприлично смотреть. В общем, мистер Баламут очень даже дальновидно поступал, следуя этому своему правилу без-

опасности для его рук – он подтягивал вверх не только взгляды прохожих, но и заодно их сознательность в плане своего поведения.

– Ну и что ты теперь на это скажешь! – рявкнул мистер Баламут на задрожавшую от его слов кассиршу Мэри, чьи пути для отхода, в отличие от попрятавшихся внутри кухни, за кухонными стойками, в основном мужского и влюблённого в Мэри персонала, были отрезаны уже стоящим в буквальной от неё близости мистером Баламутом. Ну а что может сказать Мэри в таком случае, когда её, да и кого другого слова, ничего не значат для плотоядно на неё глядящего мистера Баламута и его кореша мистера Борова, который в качестве доказательства своей упёртости в отстаивании своей точки зрения, запрыгнул на стойку бара и с высоты своего положения начал искать в зале недовольные его поведением лица едоков. Ну а сидящие в этом, не таком уж большом зале кафе едоки, по всей видимости, ещё с детства усвоили золотое правило поведения за столом: «Когда я ем, я глух и нем». Так что мистеру Борову можно было не опасаться того, что кто-нибудь из них, своим косым или не дай бог, взглядом исподлобья, нарушит его покой восседания на стойке бара.

И, пожалуй, едоки своим примерным поведением заслужили от мистера Борова одобрения, но разве в этой жизни есть пределу совершенства, да и мистер Боров не собирался останавливаться на достигнутом, и хотел расти и расти. И поэтому он оказался не готов к такому развитию ситуации, где ему никто не указывает на его должное в помойной яме или среди подонков в тюрьме место, и мистер Боров само собой возмутился, громко обратившись к своему корешу, мистеру Баламуту:

– Мистер Баламут. А не кажется ли вам, что мир измельчал и в нём перевелись все герои. И теперь любой, как вы, мистер Баламут, подонок, может безнаказанно лезть и затрагивать самые интимные места стоящих на кассе красивых леди?

– Я с вами полностью согласен, мистер Боров. И я, быть может, никогда бы себе не позволил вести себя таким постыдным образом, – мистер Баламут потянул свои похотливые и жирные (в плане все в жиру от котлеты, которую он, вытащив рукой из местного бургера, засунул в рот и пережёвывал вместе со словами) руки к потёкшей слезами Мэри, – если бы не был олицетворением этого подлого и жестокого мира, где геройству, кроме разве что только в кино, нет места в жизни.

– Мистер Баламут, вы уж слишком категоричны и строги к этим симпатичным людям, которые только на первый взгляд серы и нелепы, а так повнимательней к ним приглядишься, и среди них вполне вероятно отыщется и найдётся свой герой. – Мистер Боров в подтверждении своих слов принялся внимательно вглядываться в опустившиеся лица и затылки едоков. – Да и быть может мы просто зашли в самый не подходящий для героя момент, и он как раз прямо сейчас набил свой рот едой и пытается её прожевать. И пока герой не разжует и не проглотит откусанное, то вряд ли он что-то может сказать. – Аргументировано, на основе личного опыта, сказал мистер Боров.

С чем, пожалуй, трудно спорить, но мистер Баламут всё же несколько противоречивая личность, и он, поэтому, решает возразить. Да и к тому же пальцы его руки ещё не дошли до фартука Мэри – мистер Баламут решил разнообразить свой подход к девушкам и, дабы слишком быстро не форсировать события, да и кассирша, как раз успеет приготовиться и свыкнуться с неизбежным – мистером Баламутом, применил где-то в кино им увиденный, шаговый проход по столу указательным и средним пальцами его руки.

– Мистер Боров, а мне кажется, что ваши предполагаемые герои, как и подобает в наше время действовать всем благоразумным героям, так и останутся в тени своего молчания и неизвестности, что и позволит им в дальнейшем спокойно жевать, когда как иной вариант развития событий, с громкими заявлениями, не сулит им ничего хорошего. – Сказал мистер Баламут и, уткнувшись средним пальцем руки в фартук Мэри, тут же забыл о мистере Борове, полностью сосредоточившись на таком трогательном виде кассирши.

«Ну а раз она так трогательно выглядит, то разве я, как джентльмен, для которого желание леди закон, могу проигнорировать её и не потрогать», – вооружившись уверенностью в своей правоте понимания жизни, мистер Баламут приступил к завершающему этапу своего следования к цели – Мэри. Правда, не успел мистер Баламут сопроводить свои загребушие действия, широкоформатной, с протеканием слюны из уголков рта липкой ухмылкой, как сильнейший грохот из-за его спины, как раз оттуда, где находился мистер Боров, в один момент затрагивает его мысли и заставляет остановиться. После чего мистер Баламут, пока оставляя всё как есть – свою руку с придавленными пальцами, на стойке бара, леди кассиршу, за кассой – медленно поворачивает свою голову в сторону раздавшегося грохота.

И как сейчас видит мистер Баламут, а видит он не то, что ожидал увидеть – довольную физиономию мистера Борова – то за время его отвлечения на даму, тут произошли кардинальные изменения. И теперь вместо его кореша, мистера Борова, на него смотрит чем-то недовольная и, пожалуй, пугающая своей внутренней энергетикой физиономия какого-то, и не поймёшь, что за типа. Что, конечно, требует своих объяснений и размышлений, и чрезвычайно удивлённый догадливым исчезновением мистера Борова, мистер Баламут, само собой обеспокоился за себя и немедленно потребовал от этого незнакомого типа ответов.

– Что за...? – только и успел задаться многогранным вопросом изумлённый мистер Баламут, как тут же был подловлен и сбит с толку контрвопросом этого незнакомца. – Куда раскрыл свой поганый рот!?

Что и говорить, а растерявшийся мистер Баламут оказался не готов к такой неожиданной постановке вопроса, на который мистер Баламут, честно сказать, и сам не знал ответа – а тогда зачем спрашивается, он сам так часто его задавал заблудившимся в мрачных подворотнях города типам, которые не спешили расставаться с лишней наличностью и пытались слёзно умолять держащего их на мушке пистолета мистера Баламута, оставить им при себе хотя бы шляпу. Впрочем, это всё не волнует этого, как оказывается, отлично знающего все повадки и скороговорки мистера Баламута, что за странного и страшного типа. И, он, не давая мистеру Баламуту возможности перезагрузиться своим новым вопросительным рыком: «Куда, падла, руки тянешь?!», – окончательно разориентировал и лишил мистера Баламута всяческого соображения.

С чем (без понимания своих поступков) мистер Баламут, под давлением слов неизвестного, вдруг решил посмотреть на то, что там не так с его рукой, которая по заявлению этого ко всему придирчивого и недовольного типа, позволяет себе, если не лишнее, то, как минимум то, что не устраивает этого типа. Но видимо психика мистера Баламута после всех этих голословных заявлений действительно находится в расшатанном состоянии, раз не успевает он повернуть свою голову, чтобы убедиться в том, что его рука просто лежит на стойке бара, а не как заявляет тот незнакомец – тянется к чему-то, как наталкивается на такое жестокое к лицам всяких баламутов лицо того неизвестного, и как выясняется, к тому же ещё и яростного типа.

И не успевает мистер Баламут удивиться и спросить этого незнакомца, как у него так быстро и незаметно для него, мистера Баламута, получается перемещаться в пространстве, как этот удивительный тип, своей стальной ручной хваткой обхватывает его лежащую на стойке руку в кулак. После чего мистер Баламут вновь не успевает – теперь уже повести бровью, как созданная этим типом конструкция, состоящая из двух кулаков, поддевает его челюсть снизу и в один сокрушительный удар, вынеся её, выносит и самого мистера Баламута из его сознательного пространства на совершенно без сознательный пол.

Пока же мистер Баламут имеет возможность, успокоившись отдохнуть, то так незаметно исчезнувший с его глаз долой мистер Боров, несмотря на то, что он, можно сказать, первым рванул в сторону такого успокоительного финиша, пока ещё не мог успокоиться и лёжа на полу с другой стороны стойки бара, отбиваясь ногами и руками от нападающих на него со всех сторон, вооружённых, кто сковородками, кто кастрюльками, менеджеров кухонного звена, вёл

себя довольно агрессивно. Как же он там так для себя и для мистера Баламута неожиданно оказался, то после всего произошедшего с мистером Баламутом, уже не так сложно догадаться.

И как мистер Баламут провидчески для себя и для мистера Борова заявлял, то вскоре нашедшийся местный герой, кто всё это время их разговора оставался в тени своего молчания, вскоре, как из под земли вдруг возник перед онемевшим от такой внезапности мистером Боровом, и, не дав ему возможности выплеснуть из себя переполнившие его эмоции, со словом: «Всё, хватит», – хлестким боковым ударом отправил его в глубину той стороны бара.

Ну а мистер Боров, из-за могучей конституции своего тела, да и по причине не большой любви к падению, не умеет тихо падать. Так что то, что перелёт мистера Борова через барную стойку закончился шумным грохотом, который так всполошил мистера Баламута, то это был факт неизбежности, а не как можно было по нервному лицу мистера Борова подумать – его мстительной зловредности. И хотя мистер Боров в своём незапланированном им полёте, не мог, да и не успевал о чём либо подумать, всё же когда он так жёстко и больно приземлился своей головой об стальной стеллаж кухни, с которого на него посыпались различные питательные и пряные заготовки, то в его голове тут же возникла одна мстительная мысль: «Я вам, падлы, сейчас всем покажу!».

Ну а такие мысли у сбитых с ног и приземленных, пока что только свою голову типов, очень читаемы по их зверским выражениям лица, и уже не могут быть проигнорированы присутствующими здесь повсюду, загнанными в самый последний кухонный угол, работниками кухонного труда. И они, как будто все вместе одновременно стоворившись, схватили всё, что им только попало под руку и уже со своим безумным взглядом, за которым скрывалась истерика, бросились в свой самый первый и возможно последний бой с мистером Боровом.

Что и говорить, а мистер Боров вновь оказался не готов к такому повороту событий, где на него со всех сторон посыпались удары сковородками, кастрюльками и даже горячей картошкой фри, схваченной голыми руками прыщавых юнцов, которые в порыве своей истерики и ненависти к своей трусости и слабости, и не заметили того, что берут в свои руки.

И вот это горячее, при одном ударе об физиономию мистера Борова рассыпающееся оружие – картофель фри, оказалось куда эффективнее всего того железного и тefалевого лома, который обрушился на мистера Борова. Который поначалу ещё демонстрировал настойчивость в отстаивании себя – пинаясь и лягаясь ногами, но как только его лицо закипело от ударов по нему раскалённой картошкой, то тут мистер Боров, увидев в этом обрушившуюся на него кару небес, дрогнул и пал жертвой своей избранности. Где на него с самого верхнего этажа стеллажа, после его удара по нему рукой, рухнула оказавшаяся вначале на краю, а за тем на лице мистера Борова допотопная и очень тяжеленная мясорубка. Чьё точное попадание на голову мистера Борова и вернуло незаслуженно забытое название этому убранному прогрессом на дальние и забытые стеллажи кухни, ещё совсем недавно незаменимому на кухне предмету.

– Вот это мясорубка! – выглянувший из-за барной стойки незнакомец, своим заявлением оглушил рассеявшихся на полу вокруг лежащего в середине мистера Борова, кухонных сотрудников, и так находящихся в шоке от всего произошедшего и того ими увиденного на потёкшем кровью лице мистера Борова. И некоторых из этих, минуту назад буйных, а сейчас отвернувшихся от мистера Борова сотрудников, можно понять, их теперь бесконечно мучила своя собственная, исходящая от их обожжённых рук боль, на которую они теперь и смотрели сквозь свои растекающиеся по щекам слёзы.

– Вот значит как в реальности выглядит выражение, по горло наесться свободой. – Сказал «капитан» Мирбус, который и был тем затыкающим рты этим разговорчивым мистерам незнакомцем и, бросив напоследок косой взгляд на набитый картофелем фри рот мистера Борова, направился обратно к дальнему столику, за которым ожидающе его сидел Алекс.

«Или заткнуть свободой свободу волеизъявления», – размышлял про себя «капитан» Мирбус, следуя к своему столику. Когда же он подошёл к столу, то, не дожидаясь, когда Алекс

его спросит обычное и, пожалуй, необходимое в таких случаях: «А что это сейчас было?», – улыбнувшись, своим заявлением предотвратил этот вопрос.

– Они простых слов не понимают. – Сказал «капитан» Мирбус и, сняв со спинки стула повешенный им пиджак, таким образом показал Алексу, что им пора идти.

«Они простых слов не понимают. – Алекс, вдруг задумался над этим столько раз им слышанным заявлением, которое почему-то всегда заканчивается чем-то подобным. – А усиленные действием слова, получается, что есть не простые? Или же здесь существует иная отгадка? А ведь это, хоть и упрощённый, но своего рода ключ к пониманию человека, где для одного и простого ключика – слова, достаточно для того чтобы раскрыть его, а другому нужно нечто иное и многогранное».

– Ну что? Ты хочешь найти ответы на мучающие тебя вопросы? – вывел из своей задумчивости Алекса «капитан». Но Алекс не спешит отвечать, а осмысляя сказанное, внимательно смотрит на «капитана».

– Я тебе дам то самое, нужное тебе слово. – Не сводя своего взгляда с Алекса, сказал «капитан». – Ну что. Ты, с нами? – Протягивая руку Алексу, после небольшой паузы сказал «капитан» Мирбус. Алекс же посмотрел на смотревшего на него «капитана», вспомнил всё, что он ему так неубедительно и запутанно говорил для того... Да хотя бы для того, чтобы он обрёл для себя новый смысл жизни, затем вспомнил, что «капитан» для этого сделал, уже с этими мистерами и, сказав: «Я с вами», – для начала пошёл за «капитаном» на выход из кафе.

Но как давно это всё было, и где сейчас «капитан», и где тот подобранный «капитаном» и принятый в братство, когда-то уставший от жизни или вернее от себя самого и своего безделья в ней, ставший для Алекса другом, Сулла. Ну а необычность своего имени, а может, наоборот, самое обычное в этих инсталляционных под римскую империю краях, под другим именем неизвестный для Алекса и для всех кого он знал, Сулла, объяснял самым обычным для всех, а может только для него образом.

– Ну а что я мог тогда в младенчестве поделать, кроме как только надрывно орать, когда мои родители при выборе для меня имени, с которым мне, а не им всю жизнь жить и влюбляться, совершенно не прислушивались к моему мнению и как мне тогда показалось – не собирались его учитывать никак. – От такого своего озарения, сидящий напротив Алекса за столиком уличного кафе Сулла, даже поперхнулся глотком чая из чашки.

Правда Алекс ни единому движению Суллы не поверил, потому что был не дурак и как тот же Сулла ещё привлекательно молод, и он, благодаря этим своим природным возможностям, конечно, не мог пропустить и не заметить мимо себя ни одной проходящей юбки. Ну а как только в их боковое глазное поле показалась «рыжеволосая стерва» – так они между собой называли тот женский типаж, так неизменно и верно сводящий их с устойчивого орбитального курса сердца – то в тот же момент Сулла, и решил так насчёт себя и своего имени, громко начать откровенничать (явно с умыслом, для того чтобы донести своё имя до той шикарно идущей и так же выглядящей незнакомки).

И конечно Алекс, не может вот так просто взять и сдаться, и он с невозмутимым видом откидывается на спинку своего летнего стульчика и, небрежно закинув ногу на ногу, бросает зевающий взгляд по сторонам, где само собой и натывается на улыбающееся и прямо на него смотрящее лицо, остановившейся совсем недалеко от них (для чего пока непонятно), этой рыжей бестии (так их Алекс, в тайне от всех называл). И что первое делает Алекс, оказавшись в таком, просто обзавидуешься положении – да за одну только улыбку этой рыжей бестии и полцарства не жалко, особенно тем, у кого его нет – он к своему потрясению, от смущения краснеет. И хотя такого рода лицевые изменения, как правило, лучше всего заметны со стороны и без зеркала трудно обнаружить – и тогда спрашивается, для чего они нужны для самого человека, если он их зрительно обнаружить не может, а они ведь касаются только его самого

– они эти изменения, тем не менее, подспудно обнаруживаются Алексом, и заодно, правда только зрительно, рыжей бестией.

Что вызывает у рыжей бестии прямо-таки приступ улыбочивости, а у Алекса в свою очередь новый прилив красочности. Ну а это уже не может остаться незамеченным Суллой, который в самом начале было хотел подшутить над Алексом, но когда дело приняло такой взаимопоследовательный оборот, то Сулла можно сказать и позавидовал умению Алекса, при его-то не располагающем к такой откровенности возрасте, так завораживающе рыжих бестий краснеть.

Алексу же тем временем не до Суллы, да и ни до кого нет дела, когда на него смотрит эта рыжая бестия, которая, как Суллой и Алексом всегда на закрытых между собой под кружку пива совещаниях предполагалось, оказалась ненасытной в своих убийственных устремлениях на весь мужской род человечества, который она через свой улыбочивый взгляд, так и хочет в грехе погубить. И Алекс вынужден самому себе признать, что он ещё не готов для рая, а вот для того чтобы на веки пасть во грехе с рыжей бестией, то скорей всего готов.

И о боже, (вот же богохульник – в данном грешном случае нужно обращаться за советом или воздыханием к дьяволу, а не к богу), кажется, рыжая бестия, а они все априори ведьмы, сумела прочитать эти его, только (из ни откуда они не появляются, а значит, давно в нём зрели и для своего выхода ждали подходящего момента) что возникшие грешные мысли и прямоиком направилась к их столу, для того чтобы обрести себя во грехе с Алексом (это уже сам Алекс, ничего другого не придумав, судорожно, с тайным желанием домыслил). Отчего у Алекса всё похолодело внутри и, он вцепившись руками в подлокотники стула, только так и смог их удержать от тряски, тогда как его ноги, после того как его закинутая нога от страха сползла вниз на землю, продолжали дрожать.

– Нет, этого быть не может, потому что быть не может. – Яростно колотилось сердце внутри Алекса, который боясь, как бы сердце не выпрыгнуло из него через рот, и не прокричало что-нибудь типа: «Помогите!», – сжал, что есть зубы, продолжая сквозь пелену натёкшего на глаза пота, смотреть на с каждым шагом всё приближающуюся и приближающуюся рыжую бестию.

«Цок, цок». – Уже и не зная, что делать, Алекс от неизбежности этой встречи, продолжая как замороженный смотреть на приближающуюся рыжую бестию, тем временем сконцентрировал свой взгляд на её, конечно же красных туфлях, к такому же платью, и принялся за свой числовой счёт. Но разве рыжую бестию, по которой воздыхает сам дьявол, можно вот так, на простой человеческий счёт сбить со своей непоколебимости сделать то, что она задумала, да никогда. И рыжая бестия, видимо, для того чтобы у Алекса совершенно не осталось никакого сомнения на её и на свой счёт, решила на первом же попавшемся на её пути человеке (им оказался сидящий к ней чуть боком Сулла) продемонстрировать Алексу то, что бывает с теми, кто смеет ставить перед ней барьеры или как в случае с Суллой, повернуться к ней спиной.

И не успевает Алекс предупредить друга о том какая опасность нависла над ним (хотя Сулла что-то подобное уже подозревал и даже попытался обернуться, но не успел), как эта рыжая бестия своими руками обвивает шею Суллы и к изумлению Алекса, взяв его в оборот, коварнейшим способом – через поцелуй, начинает вытягивать из него все глупые мысли о земном бытии, заменяя их на эгоистические мысли только о себе, и через всё это пробуя полностью подчинить себе Суллу. При этом Алекс ничего не может поделать и сидит как замороженный, (скорей всего, он оказался в поле энергетического воздействия рыжей бестии на мужской элемент бытия), где ему хоть и хочется спасти Суллу, и вырвать его из крепких рук рыжей бестии, но лишь только с одной целью – для того чтобы оказаться на его месте.

Но вот Сулла полностью подчинён и переформатирован под себя этой рыжей бестией, и он по одному только её взгляду уже готов для неё на всё, что он и демонстрирует, в один момент уступив ей свой, так удобно находящийся в теньке стул, а сам пересаживается на менее удобное место рядом, которое со всех сторон обдувается ветром и открыто для любых солнеч-

ных взглядов. Но Сулла заморожен и очарован взглядом рыжей бестии и ничего не может с собой поделать – он счастлив уже от одного её присутствия здесь. При этом рыжая бестия не собирается останавливаться на достигнутом, и она вдруг подмигивает Алексу, тут же чуть не упавшему со стула от этого её подмигивания и, как бы взяв его в сообщники, обращается к Сулле.

– Ну и скажи нам, как тебя на самом деле зовут? – спросила рыжая бестия Суллу. И Сулла, что удивительно, не стал требовать от этой рыжей бестии первой представиться, а принялся сладко ей улыбаясь, рассказывать ту свою историю, которую он не до рассказал Алексу.

– Нет, конечно, мои родители пытались придать объективизма процессу моего именования. Для чего они, после того как переставали по-детски – обнимаясь и целуясь, радоваться друг за друга, приняв серьёзное выражение лица, но кого они пытаются обмануть, подходили к кровати со мной и, заглянув вовнутрь, начинали угадывать на кого же я похож. И что интересно, так это то, что здесь много вариантов для выбора не было, и они без каких-либо споров, сразу же пришли к итоговому выводу – всё что сверху от пупа, безраздельно неотлично от мамы, а вот что снизу, в этом несомненно есть успехи папы.

Правда папа всё же решил проявить принципиальность и, заметив мою чрезмерную лопухость, которая не была замечена за ним и за кем-либо из их родственников, а вот у частого их гостя, соседа Смита, до чего же лопухие уши, попытался ослабить позиции мамы в выборе для меня имени. Но надо знать маму, её на лопухие уши соседа Смита вот так просто не собьёшь с толку, и у неё есть похлеще контраргументы в виде присутствия на работе у папы некой незнакомой мне, но отлично знакомой для папы, откровенно постыдно одевающейся и постоянно притягивающей взгляды папы мисс Анжелы.

Что и говорить, а против мисс Анжелы у папы словесных контраргументов не нашлось и ему пришлось срочно прибегнуть к силовым методам убеждения, которые и склонили маму в сторону другой комнаты, для того чтобы там сделать небольшой перерыв, в таком сложном деле, как выбор для меня имени. – Сулла замолчал, для того чтобы дать побольше времени родителям подумать. А пока они, как-то уж больно необычно шумно думают, Сулла, обнаружив, что рыжая бестия нуждается в такой же как у него чашке чая и плюс к нему вкусному пирожному, делает этот, как оказывается, не такой уж бескорыстный заказ. За который его тут же поцелуем в щёку одаривает рыжая бестия, которая этим не ограничивается, и проговаривается:

– Ты меня специально так балуешь, любимый.

И вот тут-то, умеющий не только слушать, но и делать аналитические выводы Алекс, наконец-то, понял, что здесь не всё так просто, как выглядит на первый взгляд, и Сулла, пожалуй, тот ещё коварный и скрытный тип. Так он, используя свои обширные связи и знания в мире кулинарии, с помощью близости к кулинариям и пирожным, и добывается покладаистости рыжих бестий, которые при всём их могуществе и умению повелевать мужскими умами, имеют одну, невозможно устоять, слабость – страсть к пирожным. Чем и пользуется этот, как оказывается, не такой уж беззащитный тюфяк Сулла.

– Это ты о чём? – сделав откровенно ничего непонимающий вид («Тьфу, что за дилетантская игра», – Алекс, в таких обзавидуешься случаях, всегда объективен к их участникам), Сулла полез к рыжей бестии щипаться. На что рыжая бестия в ответ принялась не менее притворно отбиваться и смешливо шуметь. А такое поведение за столом, не только неприлично, но и небезопасно для стоящих на столе чашек с чаем. О чём им Сулле и рыжей бестии, а не чашкам, предупредительно сказал бы схвативший свою чашку Алекс, если бы они не были так воодушевлённо заняты друг другом. И, наверное, не пояись у стола официант с заказом, то эти неугомонные Сулла и рыжая бестия, окончательно бы вывели из-за стола самих себя – они уже до того защищались, что им захотелось срочно о чём-то переговорить друг с другом наедине.

Но вот к большому сожалению Суллы, принесённый заказ отвлекает на себя рыжую бестию, и он разочарованный таким обстоятельством дел («Так тебе и надо», – на этот раз Алекс должен признать, что Сулле удалось передать искренность своих чувств), возвращается к своей чашке с чаем. Ну а как только за столом воцарилась своя спокойная, с прихлёбыванием из чашек атмосфера, где каждый из сидящих за столом, не только заглядывает в свои мысли и чашки, но и поверх их поглядывает на сидящих напротив чаёвников, которые в тоже самое время занимаются тем же и одаривают ответным взглядом. И если это всё происходит в полной тишине и занятости наблюдением друг за другом, то это всегда способствует появлению улыбок на этих лицах, так погруженных в свои чашки людей.

Ну а ответная улыбка, как первый шаг к взаимопониманию, которое можно сказать уже достигнуто взаимной симпатией и общим делом – чаепитием, за которым следует отставка чашки на стол, и рыжая бестия, не просто внимательно, а как-то запоминающее для обоих, смотрит на Алекса и широко улыбнувшись, обращается к нему:

– А для меня твой друг не придумал особой истории и зовёт меня просто Рыжик. – Но не успевает Алекс хоть как-то отреагировать на это представление себя теперь Рыжиком, как в их разговор со своей недовольной физиономией влезает Сулла. – Я вынужден вмешаться и указать на недопустимую неточность, которую допустил при своём представлении Рыжик, чего я в свою очередь не намерен допускать и потворствовать. – Сулла сделал паузу и пристально посмотрев на Рыжика, которая в свою очередь, под его взглядом замерла в ожидании, так сказал это своё: «Мой Рыжик», – что этого, как только сейчас выяснилось, морозонеустойчивого Алекса, даже пробил озноб.

И сейчас, после того как дверь автомобиля, в котором на заднем сидении помещался Алекс открылась, то вовнутрь салона очень спешно закрался забодревший вечерний воздух улицы, заставивший Алекса поёжиться от этой иногда пробирающий до костей бодрости. И было окунувшийся в свои тёплые воспоминания Алекс, в которые его погрузила мягкость сидений и теплота салона автомобиля, и желание узнать, куда же пропали из его жизни эти, явно не зря встретившиеся на его пути люди (с «капитаном» всё ясно, он так высоко поднялся, что до него не дотянешься, но куда подевался Сулла и Рыжик, которых он уже не меньше месяца не видел, то это такой вопрос, даже несмотря на то, что он почему-то только сейчас к нему пришёл в голову, что не мог не взволновать его), после того как на пассажирское место села мисс Ми – третий составной участник их группы прямых действий, вновь вернулся в настоящую реальность.

А эта реальность на данный излагаемый памятью информационный момент, который надо понимать, что существует в единственном числе и в каждом другом отрезке времени и месте, будет, как минимум понимаем иначе (это в Алексе его внутренний одитор, тот, кто вечно задаётся вопросами и критически смотрит на мир, говорит), была такова: Он, Алекс, благодаря встречи и участию в его жизни «капитана», где немаловажную роль сыграли его со временем развитые до совершенства способности убирать барьеры, открывать двери и находить пути в человеческие сердца и души, занял одно из ведущих мест – главы одиторского отдела в той организации или сообщества нового слова, которое и представлял вскоре ставший её главой «капитан» Мирбус.

Сулла же, несмотря на свой более поздний приход под крыло общества нового слова, проявил себя очень способным организатором, и опять же не без содействия (оно было обоюдным и набранные или как говорил «капитан», созданные им «новички», позволили ему сместить прежнее дискредитировавшее себя руководство во главе с отступниками и интерпретаторами слова, и стать во главе общества нового слова) «капитана», добился впечатляющих успехов в продвижении к высотам карьерной лестницы организации, став заместителем начальника секретного отдела общества. Куда надо признать, вслед за Суллой всегда хотел попасть и Алекс. И вот когда ему представилась такая возможность, доказать свои способности и быть приня-

тым в одно из элитных подразделений «особого отдела», то всё последнее время погружённый в свою работу Алекс, вдруг и обнаружил, что совершенно забылся и уже не помнит, когда в последний раз видел своих друзей.

Ну а друзья, скорей всего, устав ждать того момента, когда он им позвонит и договорится о встрече, для того чтобы он впредь их не забывал, мстительно решили проучить его и все разом сменили номера своих телефонов – а как ещё объяснить тот факт, что он не может до них дозвониться, и в ответ только и слышит, до чего же противный голос, со своей ненавистной фразой: «Абонент находится вне...», – ну а дальше никогда недослушивается.

И, пожалуй, Алекс, услышав по телефону в ответ в сотый раз такое, имел полное право закинуть свой телефон в окно, а затем забыв о лифте сбежать с пятидесятого этажа здания, для того чтобы сесть в автомобиль, и на нём сорваться с места и помчаться домой к Сулле, чтобы на повышенных тонах непременно выяснить, чему он обязан такому к себе неуважительному отношению, но опять эта занятость и, вызов к себе в офис особых дел, её руководителем мисс Ми, не позволили ему быть эмоциональным – а это недопустимо в этих стенах.

Ну а сама мисс Ми стояла того, чтобы, замерев в прострации, обратить на неё своё внимание. Ведь от её леденящего душу и заставляющего стыть кровь в жилах, до степени нетерпения пронзительного взгляда, где одновременно с этим сердце смотрящего на неё человека, начинает изматываясь себя бешено колотиться – оно не может должно прокачать, по выходу из него сразу застывающую кровь – и человек, обмерев на месте, начинает задыхаться и каменеть в лице – такой эффект Медузы, за который мисс Минтанель, конечно, только за глаза, сокращённо и прозвали мисс Ми.

Платиновая, лишённая той солнечной красоты, которую несут в мир дары солнца блондинки, до безумия красивая мисс Ми, своими острыми чертами лица олицетворяла резкое неприятие этого развращённого безволием мира и его частности человека, и вся была наполнена не только сталью, но и как все самые несдержанные и ненавидящие её леди, в самой глубине себя предполагали, ртутью вместо крови. А как ещё объяснить тот факт, что при приближении мисс Ми к людям, им становилось дурно и у них начинала кружиться голова – а все знают, что именно вдыхаемые пары ртути опасны для человека.

Здесь же в кабинете офиса особых дел, подотдела прямых действий, обозначенного литерой А-1, уже находился ещё один человек и само собой верзила – если в группе состоит больше одного человека, то в этом случае, ты или кто-то другой, обязательно будет верзилой. Ну а так как Алекс не чувствовал себя им и по большому счёту не был им, то представленный ему, как ещё один составной участник группы, мистер Ворон, мог вполне им быть и, судя по его не вмещающуюся в никакие здравые мысли физическую комплекцию и был таким.

– Что ж, приступим. – Сказала мисс Ми, как только Алекс занял своё место рядом с верзилой мистером Вороном, напротив стола, за которым стояла мисс Ми. После чего она, из лежащей тут же на столе папки достаёт два идентичных конверта и кладёт их на стол рядом друг с другом. Затем обводит своим взглядом стоящих напротив неё мистера Ворона и Алекса и, живописно улынувшись, говорит:

– Ну, раз мистер Ворон проявил большую сознательность и явился чуть раньше, то и право выбора конверта предоставляется ему. – При этом мисс Ми почему-то смотрела на Алекса, а не на мистера Ворона. Ну а сам Алекс ничего не имеет против такого грубого основания для выбора выборщика (бывают и похуже), что он и выказывает через пожатие своих плеч. Что же касается мистера Ворона, то он скорей всего, и не сомневался в том, что так и должно быть. И как только мисс Ми произнесла это, как мистер Ворон своей огромной рукой уже потянулся к близлежащему конверту. А вот это, почему-то не слишком, да и вообще, не нравится мисс Ми, которая вдруг, в один момент стала ещё более платиновой и какой-то серебристой.

И будь мистер Ворон более осмотнительней и повнимательней к мисс Ми, то он бы не задумываясь, в общем, как он обычно поступал, тут же передумал тянуть свои руки к конверту

и одёрнул их. Но так как мистер Ворон всегда был неповоротлив во взгляде на окружающих, то мисс Ми была вынуждена, пробирающим душу, стальным голосом резко заметить ему о недопустимости его такого поведения.

– Мистер Ворон! – в одно своё полное металла и стружки слово, мисс Ми заставила мистера Ворона застыть на месте. – Вы мне что, не доверяете? – а вот вопрос доверия в стенах общества нового слова, а тем более в офисе особого отдела, приобретает особый смысл и значение, и его игнорировать никто не имеет право.

– Нет, да... Да, нет же... – Одёрнув руку, умеющий как оказывается показывать лицевую светомузыку, мистер Ворон вновь поспешил и начал драматично для себя путаться в своём ответе перед не сводящей с него своего взгляда мисс Ми. – Я вам доверяю. – Наконец-то, нашёл правильный ответ мистер Ворон, на глазах ставший каким-то ничтожным и совсем маленьким верзилой.

– Мистер Ворон. Я рада это слышать. – Отчеканила свой ответ мисс Ми. – Тогда, если вы не против... – Мисс Ми сделала паузу, для того чтобы из-под своих бровей посмотреть на то, как мистер Ворон будет против. Ну а мистер Ворон даже и помыслить себе не может такого, да и, пожалуй, любого в бараний рог скрутит, если он будет против. Что ж, раз так, то мисс Ми может быть спокойна за мистера Ворона и может продолжать.

– Я сама открою выбранный вами конверт. – Завершила недосказанное мисс Ми и своими изящными пальцами рук, заставляя на них засмотреться Алекса и мистера Ворона, берёт выбранный им конверт, поднимает его на высоту чуть ниже своей груди, затем отрывает его и вытаскивает оттуда карточку. Ну а так как со стороны Алекса и мистера Ворона не видно, что содержится и вписано на это карточке – им видна лишь внешняя, полностью белая сторона карточки, то мисс Ми берёт на себя ответственность зачитать то, что записано на ней.

– Мистер Руби. – Зачитывает то, что написано на карточке мисс Ми, затем смотрит на ничего не понимающего мистера Ворона (Алекс, впрочем, недалеко от него ушёл в понимании того, что всё и в частности это имя, значит) и спрашивает его. – Вы запомнили это имя?

– Да, мэм. – Поспешил ответить мистер Ворон, который, скорей всего, после того как его спросили, то из-за волнения тут же и забыл зачитанное, и даже своё имя. Но мисс Ми на этот раз проявляет снисходительность к тянущемуся за знаниями и проявляющему усердие мистеру Ворону, и повторяет ему это имя. – Мистер Руби. Запомните это имя, мистер Ворон.

– Да, мэм. – Мистера Ворона, как будто заклинило на одном и том же, хотя возможно, он, повторяясь, таким образом, пробует, пока что только запомнить (а вот понять, то это другой, пока ещё не заданный ему вопрос), озвученное ему ещё раз имя. И, пожалуй, это ему удалось, раз мистер Ворон позволил себе улыбнуться.

Между тем мисс Ми переводит свой взгляд на Алекса и, жёстким взглядом убедив его в том, что теперь настала его очередь, отложив первый конверт, берёт второй. После чего следует прежняя последовательность действий, после окончания которых, мисс Ми зачитывает Алексу предназначенное для него имя: Ли Харви Освальд. И хотя Алекс может себя поздравить с тем, что предназначенное для него имя куда длиннее, нежели озвученное имя мистеру Ворону, всё же Алекс знает, кто и как из этих озвученных им лиц кончил, и это заставляет его внутренне напрячься и насторожиться. И, пожалуй, Алекс, мог бы пойти и дальше, и много чего себе надумать, но мисс Ми не любит мучить недомолвками (она отдаёт предпочтение другим, более живописным и скоростным способам мучений) и она разъясняет, что для них будут значить эти имена.

– Это кодовые имена тех ваших клиентов, с кем вам предстоит работать. – Говорит мисс Ми, после чего выжидающе смотрит на мистера Ворона и Алекса и, убедившись в том, что от поспешности мистера Ворона не осталось и следа, предлагает им задать вдруг возникшие вопросы. И если для мистера Ворона и так всё понятно, а раз так, то зачем осложнять себе

жизнь новыми загадками, то Алекс, для того чтобы его не сочли немым, решает задать вопрос и заодно услышать, как его голос звучит в присутствии мисс Ми.

– Меня на данном информационном этапе интересует лишь вопрос наличия реальной, а не исторической связи между этими двумя именами. – Сказал Алекс.

– Ваш вопрос, как раз подводит к итогу нашей встречи. Перед нами поставлена задача – навести созревший необходимостью мост между этими, возможно пока ещё неподозревающими о существовании друг друга скрытыми под этими именами личностями. И эти озвученные мною имена как раз помогут нам установить связь между ними. – Мисс Ми сделала паузу и, выдохнув сказала: «А теперь за дело».

На что мистер Ворон и Алекс, наверное, потому что они были такие разные, один из них был верзила, а другой не обладал такими выдающимися качествами, повели себя по разному, и если мистер Ворон вновь проявил рецидив – поспешил и дёрнулся было к выходу, то Алекс, наоборот, не спешил и ждал, что будет дальше. На что тут же следует гневный окрик мисс Ми: «Мистер Ворон!». И резко остановившийся мистер Ворон, в очередной раз потрясён и пристыжено вдавлен в свои ботинки сорок пятого размера. Ну а мисс Ми тем временем достаёт из ящика стола две сразу бросающиеся своими разными размерами папки – одна из них кажется совершенно пустой, тогда как её соседка раздулась от своего содержимого и важности – и поступает с ними также как и ранее поступила с конвертами, положив их рядом друг с другом на стол.

Ну а такое положение дел на стол, пожалуй, не вызывает сомнений только у мистера Ворона и, конечно, ему предназначена та, что потолще и попухлее папка, раз и он и сам, по верзилестее, нежели Алекс. Что мистер Ворон и демонстрирует, не сводя своего взгляда с пухлой папки – а вот тянуться руками, он без команды мисс Ми не смеет. Между тем мисс Ми обнаружив у мистера Ворона такое стремление приобщить себя к делу, обращается к нему.

– Мистер Ворон. Я вижу у вас ассоциативный ум. – Говорит мисс Ми и, не сводя своего наблюдательного взгляда с мистера Ворона, ждёт от него, какую же реакцию вызовет у него это её резюмирование его личности. Что же касается мистера Ворона, то эта высказанная мисс Ми итоговость по отношению к нему, привела его к полной растерянности – он не понимал, что под ассоциативным умом понимала мисс Ми, а это его не могло не беспокоить и даже физически напрягать (у мистера Ворона была очень тяжёлая голова, которая очень на него давила, если её и не только физически затронуть).

Но мисс Ми не собирается словесно объяснять мистеру Ворону то, что она считает, а это и так ясно, а выбрав тонкую папку, поднимает её и не спеша раскрывать, обращается к мистеру Ворону. – Первое предстоящее нам дело требует прямых действий и будет проводиться в один этап. Где мы должны продемонстрировать мистеру Руби, что все его попытки противостоять неизбежности, будут пресечены, и по сути, тщетны. И раз мы его попросили оказать нам содействие, то наши просьбы не стоит игнорировать и на них всегда нужно откликаться. Так вот мистер Ворон, ваша задача состоит в том, чтобы провести предварительную беседу с мистером Руби на предмет его понимания необходимости слушать и следовать тому, что мы ему говорим. В общем, заставьте дела идти правильно. – Сказав это, мисс Ми открывает папку, из которой на свет появляется информационный файл, на котором указано все личные данные, которыми не всегда может гордиться простой человек, но только не их обозначенный как мистер Руби носитель, так презиравший весь мир и вас в том числе, смотрящий на вас с этой прикреплённой на этом файле фотографии.

Мисс Ми передаёт эту папку мистеру Ворону и берётся за вторую, своей пухлотой отличной от первой папку, которая, судя по всему, и предназначена для Алекса. Что так и есть, но прежде чем её вручить Алексу, мисс Ми не может, да и не имеет права проигнорировать ритуал посвящения в новые знания, ставшего одним из них нового сотрудника, который берёт не просто папку, а вложенное в неё оказанное ему доверие общества нового слова.

– Вы надеюсь, знаете, что большие знания убирают препятствующие вашему пути барьеры и открывают перед вами любые двери и новые дороги. – Произнесла мисс Ми, теперь уже не сводя своего взгляда с Алекса. Ну а Алексу повторять это не надо, он это очень хорошо запомнил ещё тогда, в разговоре с «капитаном», и уже не раз претворял эти и другие знания в жизнь, умеючи открывая любые замки и, преодолевая любые выставленные человеческим сознанием и подсознанием барьеры, для того чтобы проникнуть в самые глубины души потерявшегося в себе человека, который часто без посторонней помощи и не может отыскать в себе то, что он в себе потерял и без этого дальше жить не может.

– И я надеюсь. – Ответил Алекс. И хотя в ответе Алекса проскальзывала этическая неправильность, мисс Ми не стала акцентировать на ней своё внимание и без дополнительных замечаний протянула папку Алексу. Алекс же, получив в руки папку, посмотрел на мисс Ми, которая, по всей видимости, ожидала от него дальнейших действий с папкой. И Алекс отреагировал, положив папку на стол и раскрыв её. И если там, в самом начале находился уже подспудно ожидаемый Алексом информационный файл, с указанием всех подробностей из жизни закреплённого за ним лица под кодовым именем Ли Харви Освальд, то при дальнейшем пролистывании этой папки с документами, к этому файлу добавилось множество подобных первому информационным листов, уже с другими, пока что неизвестными для Алекса лицами, скорее всего, чем то общим (и не только этой папкой) связанных с главным персонажем, Ли Харви Освальдом. Ну и плюс ко всему этому, здесь прилагались различные фотографии и схемы некоего, судя по предоставленным информационным материалам, целого комплекса зданий, а не просто особняка.

Алекс закрыл папку и молча посмотрел на мисс Ми, ожидая от неё комментариев к его просмотру. И они ожидаемо поступили.

– Без достаточных знаний, наши будущие пути иногда становятся не просто труднопреодолимыми, но иногда и непроходимыми. Вы, согласны со мной? – спросила мисс Ми Алекса.

– Согласен. – Ответил Алекс.

Глава 5

На пути к мистеру Ли Харви Освальду

– Объект настоящий Аббери, со всеми признаками подавляющей личности. А это вы знаете, требует подобранного специального подхода к нему. К тому же он совершенно не идёт на контакт. И в тот единственный раз, когда он всё-таки меня принял у себя, мне удалось лишь определить якорные точки в его личности. – Сидя за одним из столиков уличного кафе, которые всегда наполнены людьми в такие тёплые солнечные дни, подводил итог своей деятельности, работающий под прикрытием падре, отвечающий за информационную безопасность дома нового слова офицер Сальваторе.

– Мы этого ожидали. И раз напрямую не получается воздействовать на наш объект, то какие у вас есть соображения по поводу косвенного внедрения? – прикрывая свой рот чашкой с чаем, тихо спросила мисс Ми.

– Мисс Минтанель. Можно я буду вас называть по имени, Алисой? – задался вопросом слишком самоуверенный в своей неотразимости широко улыбающийся падре Сальваторе. И если бы мисс Ми не была несказанно удивлена подобным, до чего же наглым заявлением этого падре Сальваторе, то этому падре сейчас бы лежать на мостовой и задаваться актуальным для его разбитой головы вопросом: «За что?». Но так как мисс Ми рассчитывает на содействие падре Сальваторе, то она по этическим соображениям (мисс Ми в недалёком прошлом была отвечающим за внутреннюю этику дома этик-офицером) не делает этого, а даёт своё согласие воспарившему от осознания своей высокой значимости падре Сальваторе.

– Так вот Алиса. Наш объект, как и всякий страдающий одиночеством и непониманием ВОГ, который не открыл для себя знания нового слова и которому недоступен одитинг, ищет его заменитель в стенах психоаналитика. – Прищутив глаз, проговорил падре Сальваторе. – Ну а это открывает нам пути к его сердцу. – Сладко улыбнувшись мисс Ми, или для него Алисе, самоуверенный в себе падре Сальваторе откинулся на спинку стула.

– Информация готова к использованию? – совершенно без эмоционально спросила его мисс Ми. Что видимо не понравилось, при его-то внешних весь мир обаять данных, рассчитывающему на большое взаимопонимание и кофе в постель, падре Сальваторе (просто падре Сальваторе по большей части работал вне стен дома нового слова, и поэтому, отстав от полной этического содержания жизни в доме, развратился пагубностью внешнего мира). И падре Сальваторе ничего другого не остаётся делать, как передумать насчёт своих и Алисы планов на вечер (пусть потом кусает свои, а не его локти, которых ей больше не видать, даже если попросит), и достать из внутреннего кармана пиджака небольшую рекламную брошюру, и протянуть её этой не замечающей своего счастья Алисе.

– Положите на стол. – Только так реагирует мисс Ми на протянутую к ней падре Сальваторе руку с брошюрой. На что падре Сальваторе, явно рассчитывающий с помощью брошюры весело перетянуть на свою сторону такую холодную Алису, ещё больше разозлился на неё за такую свою неуступчивость его взглядам на неё, и со злостью кладёт брошюру на стол – падре Сальваторе даже применил против неё экстрасенсорное давление, пытаясь через заданные им ей установки, навести к ней ментальные мосты, но у мисс Ми стояла мощная защита и у него ничего не получилось.

– Это вам. Ознакомьтесь и представьте нам свои предложения. – Лёгким поворотом головы в сторону рядом с ней сидящему Алексу, обратилась мисс Ми к нему. Ну а всё это время молча сидевший, и ещё не привыкший и в некотором роде испытывающий дискомфорт к применяемому в их обществе нового слова специализированному нагруженному языку Алекс, без лишних слов берёт лежащую на столе брошюру и принимается за её изучение. Пока же он отвлечён на изучение информации, предоставленной ему, конечно, не брошюрой, а тем,

что вложено в неё (информационный файл), занявшие непримиримую друг к другу позицию мисс Ми и падре Сальваторе, после взаимного изучения друг друга, решают отдохнуть от этого изучения и, не забывая друг друга, посмотреть по сторонам.

И если мисс Ми испытывает интерес к окружающему миру лишь в плане изучения его на несомые им испытания, то падре Сальваторе, скорее всего, не столь агрессивно к нему настроен и готов с удовольствием на него посмотреть. Ну а так как падре Сальваторе, при этом слишком сердит на мисс Ми, которая в стенах дома нового слова, забыв о своём природном предназначении, стала слишком сильно придерживаться данному ей на миллиард лет слову верности этому дому, то он готов подвергнуть эту строптивую Алису такому испытанию, к которому она пусть будет лучше не готова.

– Мисс Минтанель, или простите, Алиса. Когда я, в отличие от вас действующей личности, оперирующая личность, уже за много времени до вашего прихода сюда (от этих слов падре Сальваторе по лицу мисс Ми, через уголки её вытянувшихся губ перекатилось несколько ртутных шариков) был зачислен в офис особых дел, то между мной и до сих пор здравствующим начальником ОСЫ, для меня просто Майкла, возникло волнительное недопонимание насчёт степени верности слову женской части мира. – Вернувшись к мисс Ми, заговорил падре Сальваторе.

«Тем личностям, которые без конца болтают и совершенно не умеют держать рот на замке, разве можно доверить молчание?», – слово в слово задал мне тогда этот вопрос Майкл. – Падре Сальваторе мельком посмотрел на окаменевшую в одном положении мисс Ми. И такая её реакция, с такой волнующей степенью заинтересованности его рассказом, вполне удовлетворяла падре Сальваторе, что он выразил через покусывание своих усиков.

– Но я-то хорошо знаю Майкла. – Продолжил свой откровенно хвастливый рассказ падре Сальваторе. А ведь при этом сама мисс Ми тоже много с кем из высших директоров общества была знакома и могла бы много чего порассказать о них, но она хоть и придаёт большое значение этому своему знакомству, но всё же так открыто не спешит хвастаться этим.

«И кто после этого болтун. – Было усмехнулась мисс Ми, как вдруг её настигла страшная догадка. – А может он специально это всё именно мне рассказывает, – затерзалась сомнениями мисс Ми, – для того чтобы меня проверить на предмет моей болтливости. – Мисс Ми крайне быстро, чтобы этот Сальваторе не сумел отследить, бросила взгляд на увлечённого изучением брошюры Алекса. – Нет. Это ещё ничего не значит. А вот то, что он всё слышит и это записывает в своей памяти, то это, несомненно. – Мисс Ми вдруг почувствовав себя в окружении врагов, решила пока молчать и не поддаваться на провокации (а это, несомненно, провокация и была) этого провокационного падре Сальваторе».

– И этот Майкл, – продолжал рассказывать падре Сальваторе, – тот ещё Майкл. – Демонстративно и прямо-таки издевательски, с долей загадочности улыбнулся Сальваторе, чья намёквивая значимость положения и голословное знание им неких тайн, без приведения примеров, начала уже нервировать мисс Ми. Но мисс Ми теперь знает (после того как она убедилась), что этот Сальваторе специально так действует – он хочет вывести её из себя и тем самым добиться от неё словесного срыва, чтобы потом иметь прямые доказательства, подтверждающие все эти заявления незнакомого ей с такой ненавистной стороны, всё же красавчика Майкла.

– Ведь Майкл, что уж греха зря таить, личность по большому счёту, всегда интересующаяся и поддающаяся эмоциям. – Говорит Сальваторе, от чьих слов мисс Ми становится не по себе. «У тебя всё равно не получится вызвать у меня эмоции!». – Прикусив изнутри свои губы, полными ненависти глазами смотрит на этого подстрекателя мисс Ми. При этом мисс Ми вынуждена была сдерживать себя – она слышала о новой программе проверки этичности, с элементами старой под названием «травля быка», где через провоцирование на публице, ищут свои реакционные «кнопки», то есть добиваются негативной реакции у испытуемого. Правда,

сдерживала она себя не из-за того, что ей сейчас пришлось услышать от этого Сальваторе (хотя, из-за этого тоже), а в большей степени из-за того, что к ней как действующей личности применили это упражнение воздействия – а это говорило не о той степени доверия к ней со стороны руководства, на которую она рассчитывала.

«А это значит, что Майклу кто-то сильно досадил или скорее всего кто-то там чего-то разболтал». – Делаю вывод я, косо поглядывая на не находящего себе места Майкла. – Рассказывает Сальваторе. – Ну а Майкл между тем, без конца ходит из одного угла комнаты в другой, где посередине делает небольшую остановку напротив зеркала, смотрится в него и дальше продолжает свой круговой ход. А это его загляденье на себя заметно примечается мною, и я начинаю из всего этого делать выводы – если Майкл сегодня придаёт такое огромное значение своей внешности (зря он что ли так часто заглядывает в зеркало), то значит, ответ на этот его словесный демарш, нужно искать в том, что связано с его внешностью. – Падре Сальваторе демонстративно поправил свои усики, как бы показывая мисс Ми, что и он не обойдён природой в плане красоты.

– И, хотя направление поиска мною найдено, всё же наличия одного направления поиска недостаточно для того чтобы найти должный ответ на этот возникший вопрос. – Глубоко вздохнув, падре Сальваторе показал, как ему сложно давался весь тот аналитический анализ столь таинственных поступков Майкла. – Но тут я вдруг вспомнил о том, как совсем недавно Майкл восхищался той, совсем недавно прибывшей к нам в отдел, ещё такой молодой, но уже показывающей столь впечатляющие результаты тестирования девушки. Как же её звали? – не скрывая своего притворства, падре Сальваторе взявшись рукой за лоб, принялся натужно думать.

Что же касается мисс Ми, то эти слова Сальваторе чрезвычайно взволновали её – ведь как она по крайней мере знала, то в особый отдел в столь молодом возрасте была зачислена только она, ну и та ещё стерва Сью. «А это значит ... – от таких своих мыслей мисс Ми даже на мгновение потерялась, но быстро собралась и решила пока остановиться на этих трёх точках и послушать, что же ещё скажет этот провокатор Сальваторе».

Падре Сальваторе тем временем додумался до своего, и с удручающим видом вернувшись взглядом к мисс Ми, вынуждено признался в отсутствии у себя полной памяти. – Когда это было! – начал с оправдания себя падре Сальваторе. «Два года назад!», – ответила про себя на этот вопрос мисс Ми.

– Сейчас уже и не вспомнишь. – Сальваторе через признание факта случившегося, как ничтожного, таким изуверским способом продолжает издеваться над хорошей и всё помнящей памятью мисс Ми. – Единственное, что я помню о ней, так это то, что она была брюнеткой. – Падре Сальваторе скорее всего намеренно сделал акцент на этой цветовой части внешности девушки, для того чтобы окончательно выбесить мисс Ми.

Но мисс Ми хоть и выбешена выказанным Сальваторе цветовым предпочтением, но она то знает, что этот падре Сальваторе не только провокатор, но и подлый лжец – Сью, как бы она не была ей противна, но тоже была блондинкой. А это значит, что Сальваторе добивался от неё эмоционального опровержения, говорящего о том, что она эмоционально не воздержана и заинтересована во всём им сказанном.

«Не дождётесь, падре Провокатор! – разрешила воздух своей вложенной во взгляд высказанностью мисс Ми». В свою очередь недовольный падре Сальваторе, видимо рассчитывал на иное поведение мисс Ми, которая своей невозмутимостью вдруг спутала все его планы. Ну а раз так, то он начинает свой заход с другой стороны – падре Сальваторе на ходу переобувается и вдруг вспомнив, заявляет. – Ан, нет. Она, как я сейчас вспомнил, была блондинкой. – Но мисс Ми в ответ молчит, и падре Сальваторе продолжает. – Так вот. Делаю я для себя такой вывод. Раз сам хладнокровный Майкл – сколько я его знаю, то он никогда не проявлял сочувствия и эмоционального участия в чужой судьбе – вдруг взял и проявил заинтересованность, то это всё неспроста и ... – Сальваторе оборвав себя на недосказанности, тем самым пытается

расшатать нервы мисс Ми. Но мисс Ми, также как и Майкл хладнокровна, и также как и он, как скала не сдвигаема.

– Ну а это всё уже наводит на свои логические воспоминания, которые, в конечном счёте, памятно и приводят меня, вначале о мельком сказанном им слове о проведении с новенькой собеседования, а затем повергнувшему меня в шок, ни разу до этого мною не слышанному в стенах нашего общего дома смеха. И не просто смеха, а направленного против Майкла, громкого, демонстративного смеха, который себе позволила группа молодых вновь прибывших практиканток – о чём я, несмотря на всю нашу большую близость, так и не посмел с ним заговорить. А я ведь ещё тогда заметил, как лицо всегда невозмутимого Майкла, вдруг перекосилось от стыдливой эмоции (если бы Сальваторе, вообще и в частности к мисс Ми, был повнимательней, то он бы заметил, как уголки её губ скривились в восторженной усмешке).

– Но я тогда не придавал большого значения этому происшествию, и не потому, что не посчитал нужным, а лишь потому, что и сам находился в растерянности после такого происшествия – это действительно было неслыханная дерзость, ведь в стенах нашего, всегда пребывающего в думающей тишине дома, главенствовало правило «молчание – золото», а тут такое! И если бы не это ошеломляющее сознание, с невозможностью объяснить всё это происходящее простыми словами происшествие, и присутствие в нас сомнения – а может это новое жёсткое упражнение, которое для идентификации статей наших личностей, придумало руководство – то каждый из тех, кто услышал тогда этот смех, не прошёл бы мимо этих тревожащих личностей людей, а указал бы им на этическую недопустимость такого своего поведения. И только сейчас (тогда), меня как током поразила догадка, о глубокой связи между этим событием и нервным заявлением Майкла. – Падре Сальваторе, для того чтобы перевести дух, взял чашку чая и сделал пару глотков. После чего отставил чашку и, посмотрев на мисс Ми, приступил к дальнейшему рассказу.

– Я ещё ничего толком не знал о том, что произошло с Майклом на той встрече, но догадываясь, что именно она повлияла на его ставшее нервным и придиричивым ко всему настроению, решил, что будет разумным, заручившись дополнительным доверием (для этого надо выказать общность мыслей), через косвенные вопросы попытаться узнать у Майкла, что же случилось на той, теперь понятно, что знаковой встрече. И я, для того чтобы показать Майклу, что я разделяю все его мысли (об этом я уже признался на сеансе откровения), сказал ему: «Майкл. Хочешь, верь, а хочешь, не верь, но я всегда относился настороженно к этой части человечества. И я даже скажу больше – я ни одному сказанному женщиной слову не верю!». – Сказав это, падре Сальваторе очередной раз внимательно посмотрел на мисс Ми, и попытался прочитать по ней, какую реакцию вызвали эти его слова. И к его удивлению, на этот раз мисс Ми не промолчала, а дала свою оценку его словам.

– Я с вами полностью согласна в этом, падре. И в свою очередь, даже скажу больше – некоторые представители противоположной женской части человечества, ведут себя так, как та часть человечества, которую я представляю. – Отбила слова мисс Ми, вызвав недоумение на лице падре Сальваторе, которому вторая часть ею сказанного, определённо не понравилась. Но Сальваторе уже не может на этом закончить свой рассказ – тогда он признает, что мисс Ми сумела его перебить – и он продолжает свой рассказ:

– Я всегда знал, что тебе можно доверять. – Подойдя ко мне, пылко сказал Майкл. Ну а я, видя то, что Майклу нужны ещё слова поддержки, говорю ему. – В таком сложном вопросе, как вера в сказанное женщиной, я проявляю стоический прагматизм, которым прославил себя Фома неверующий – пока не увижу, не поверю.

– Это всё верно. – Согласился со мной, вновь поникнув головой Майкл. После чего он собирается с мыслями и задаётся вопросом. – Но как быть, если ты, находясь в состоянии аффекта, в мысленном затмении, где на первый план вышли чувства, наговорил лишнего? – не смог сдержаться Майкл и высказал мне то, что его всё это время волновало.

– Всё отрицать и ни в чём не признаваться. – Жёстко говорю я ему. – И при этом главное, всё отрицать самому себе. А как только в этом убедишь самого себя, то какое тебе будет дело до других. – Но только падре Сальваторе успевает поставить в этом предложении точку, как мисс Ми слишком усердно и оттого звонко ставит свою чашку на блюдечко и тем самым сбивает с мысли падре Сальваторе, несказанно удивлённого такой реакцией мисс Ми на свои слова. Но мисс Ми не обращает никакого внимания на падре Сальваторе, а повернувшись к Алексу, заинтересованно задаёт ему вопрос:

– Ну, что вы нам скажите? У вас есть предложения? – На что Алекс откладывает брошюру на стол и, посмотрев на мисс Ми, говорит:

– Только самые простые.

– Тогда зачем такие сложности? – нетерпеливо спрашивает мисс Ми.

– У меня есть дополнительные вопросы. – Ответил Алекс.

– Слушаю. – Сказала мисс Ми.

– Общее понимание объекта имеется. И, пожалуй, путь к его разуму будет не трудно найти. Но для этого мне нужна та информация, которую я должен вложить в голову нашего объекта. – Сказал Алекс.

– Ты её получишь. – Бросив косой взгляд на падре Сальваторе, сказала мисс Ми. Ну а мисс Ми в таких вещах, если это зависит от неё, всегда обязательна и пунктуальна. И когда в назначенный (пунктуальна) день, за Алексом заехала машина, в которой кроме сидящего за рулём мистера Ворона (предсказуема), находилась мисс Ми (обязательна), а также сидящий на заднем сидении не броского вида человек с мутными глазами (непредсказуема, что создаёт баланс), который что-то постоянно мял в руке, то Алекс был уже настроен на то, что ему сейчас вручат тот ключик от дверей разума мистера Объекта под именем Ли Харви Освальда.

После же того как Алекс занял своё место на заднем сиденье автомобиля, рядом с этим, одновременно мутным и проницаемым типом, то мисс Ми, посмотрев на Алекса в зеркало заднего вида, и убедившись в том, что все в полном сборе и на своих местах, открывает лежащий на своих коленях средних размеров кейс и засовывает туда руку, чтобы достать оттуда... Нет, не то, что хотела, а только что зазвонивший телефон. И хотя телефон зазвонил прямо-таки под руку мисс Ми, всё же, если судить по её лицу, то она не просто этого не ожидала, а как-то прямо-таки была удивлена.

И, наверное, мисс Ми в другой раз отключила бы этот свой, сейчас мешающий ей телефон, но стоило ей из необходимости – для того чтобы справиться со своим любопытством – посмотреть на его экран, то она изменила свою позицию и, открыв дверь автомобиля, вышла на улицу, чтобы там без присутствия лишних ушей ответить на этот внезапный звонок. Ну а оставшимся в салоне автомобиля таким разным между собой людям остаётся лишь одно – попытаться не задерживать друг на друге мысли, а глядя в окно на жестикулирующую при разговоре по телефону мисс Ми, таким образом попытаться отвлечься друг от друга.

Что им частично и удаётся сделать – такое поведение мисс Ми не может не вызвать вопросы у людей склонных задавать и искать вопросы. При этом мистер Ворон, чьё местоположение впереди давало ему одновременно преимущество перед сзади сидящими – он не видел эти их ничем не привлекательные для него их лица (если ему по какой-то надобности – чтобы плюнуть, нужно было взглянуть на них, то он мог бы посмотреть в зеркало или повернуться), и недостаток – он постоянно находился на виду у этих, не ясно о чём думающих, не привлекательных для него лиц (и здесь уже всё зависело от них – захотят они не смотреть на него, то закроют глаза или вообще, понуро повесят голову), решил задуматься над этим, и поэтому не смог отвлечься на демонстрационные виды мисс Ми.

Что же касается Алекса и этого рядом с ним сидящего мутного типа, то их случайное, а может и нет соседство, из-за этой своей неизвестной близости, не давало им покоя и мучало их насчёт друг друга одинаковыми вопросами – и что это за хмырь, так совершенно рядом, что

даже чувствуется исходящее от его ноги тепло, сидит рядом? Хотя, наверное, этот вопрос не прозвучал так откровенно. А вот с элементами благопристойности и под прикрытием какого есть культурного кода или воспитания, он мог примерно прозвучать так – интересно, и как долго я буду разделять это неприятное мне общество с этим, поджилками чувствую, невозможным господином?

«Это, скорее всего кейс-супервайзер, в исполнительном своём варианте, – Алекс знал, о чём думал, он часто видел такие одухотворённые фанатизмом лица в обществе нового слова, и встреча с ними, как правило, не предвещала ничего хорошего. – Тогда для чего он здесь? – А вот этот вопрос, так в нервном своём исполнении вопрос».

Но этим разделённым своим вынужденным соседством господам, так и не удалось, прямо сейчас выяснить не достоинства друг друга, о которых они предсказуемо уже догадывались про себя (что ж и так бывает, что ничего о друг друге незнающие люди, при первой встрече испытывают обоюдную неприязнь – это был один из таких случаев), так как дверь автомобиля открылась и в салон залезла чем-то – может быть уличным ветром – взволнованная мисс Ми. Ну а появление мисс Ми, вновь отвлекает все думы и головы от себя внутри автомобиля сидящих людей, и переводит их на неё. И теперь все сидящие в салоне автомобиля люди, внимательно, со всех своих сторон смотрят на мисс Ми и ждут от неё слов или каких-нибудь действий.

Мисс Ми же, видимо сидела не просто так, а обдумывая всё то, что ей сообщили по телефону. Когда же мисс Ми успокоившись, пришла в себя – её волнение было следствием, конечно же, сильного ветра, а ничего другого – то она поворачивается к Алексу, внимательно на него смотрит и после этой, так ей необходимой внимательной паузы говорит ему:

– Планы меняются. Необходимо срочное внедрение. – Сказала мисс Ми и после небольшой паузы спросила. – Ты готов, убрав причины, создать следствия и проделать путь?

– Когда? – спросил Алекс.

– Всегда. – Пространно ответила мисс Ми.

– Готов. – Ответил Алекс.

– Тогда поехали. – Повернувшись к мистеру Ворону, сказала мисс Ми. После чего мистер Ворон нажимает на педаль акселератора, и автомобиль несколько сдержанно дёргается в свой путь. Что, видимо, не нравится мисс Ми и она, сурово посмотрев на этого неспешного водителя, говорит ему:

– Мистер Ворон, время не ждёт. – Ну а раз это чистая правда и даже частично истина, то кто такой мистер Ворон, чтобы игнорировать её. И мистер Ворон пока его время не истекло, сильнее придавливает педаль акселератора и, автомобиль, зарывав, начинает не просто набирать скорость, а даже начинает казаться, что он рванул наперегонки со временем. Ну а если вдруг у кого-то получится со стороны посмотреть на этот несущийся автомобиль, то создаётся такое впечатление, что он избрал для себя дорогу в одну сторону – он несётся на безумной скорости, сметая на своём пути всех бабочек, букашек и главное ветер – ну а его взлёты и падения на неровности поверхности автостреды, в особо завораживающие полётные моменты, в той же полётной степени вызывают завышенные мысли о себе и окружающем мире. А уж с такими неразборчивыми на высказывания мыслями трудно кому-либо из подлетающих к самому потолку пассажиров справиться, разве что только тем, у кого их нет и никогда не было в голове (такая вот головная защита).

И первая, что даже более чем неожиданно выглядит, с собой не справилась мисс Ми – возможно, это объясняется тем, что она в своей внутренней лёгкой сущности была ближе к ветру – и при проезде мимо огромного особняка (странно то, что она заметила именно этот самый обычный, ничем не отличающихся от других находящихся в этой части города особняков) сделала насчёт него мимолётное замечание, чем приблизила внимание и мысль Алекса к этому зданию.

– А мистер Сальери пусть пока подождёт. – Мысля вслух, явно забыв о том, что она не одна, произнесла мисс Ми и была запомнена, как Алексом, так и его соседом, мутным типом (мистер Ворон был слишком занят дорогой и скорее всего, не принял большого значения сказанному). Ну а всякая неводержанность со стороны мисс Ми всегда волнующе действует и заставляет о многом задуматься тех, кто хоть немного знает её и по роду своих обязательств вынужден иметь с ней дело. Так что когда мисс Ми так непозволительно для себя сболтнула лишнее, то сидящим на заднем сиденье машины людям, было о чём задуматься. Правда ненадолго, а всё потому, что автомобиль начал сбавлять скорость (любое изменение движения – направления или его скорости, изменяет ход мысли) и все сидящие в автомобиле люди перевели свой взгляд в окна машины и принялись делать оценочные выводы тому, что они увидели в этом конечном пункте их путешествия.

Ну а конечный пункт определённо заслуживает особого внимания, хотя бы только из-за того, что мистер Ворон остановил свой или служебный автомобиль чуть поодаль от одного из шикарных поместий, и не просто в тени деревьев, а так в них заехал, что автомобиль оказался совсем не виден со стороны проезжающих мимо автомобилей и самого особняка.

– Ну что, – повернувшись к Алексу, пространно заговорила мисс Ми, – вам предоставляется отличная возможность на практике проверить себя, и то, на что вы способны. – Мисс Ми своим немигающим взглядом продолжая смотреть на Алекса, видимо пыталась прочесть по нему степень его готовности к заданию. Ну а так как Алекс никак не проявлял себя и продолжал также безмолвно и непроницаемо смотреть на неё в ответ, то она решила разбавить молчание вопросом:

– Сумеете убрать причины и барьеры и дойти до цели?

– Наличие сомнения уже есть одна из тех причин, которые становятся помехой на любом пути. А его у меня нет, а это значит, что я готов. – Сказал Алекс.

– Вот и отлично. – Ответила мисс Ми. – А теперь слушайте то, что я вам скажу. Вы проникаете в дом, находите наш объект и забираете у него папку с документами.

– Какую папку? – спросил Алекс.

– Ту, какую он отдаст. – Достаточно для понимания того, что этого достаточно знать, сказала мисс Ми. Алекс же пошёл дальше в понимании сказанного мисс Ми, и ничего больше не говоря, открывает дверь автомобиля и выходит из него. Оказавшись же на улице и на ногах, Алекс для начала размял затёкшие от сидения в машине ноги, посмотрел по сторонам, после чего перевёл свой взгляд на цель своего прибытия сюда – огромный особняк, состоящий из комплекса зданий, который лишь только с первого взгляда своими размерами внушал беспорядок в голове. Впрочем, когда ты, а именно Алекс, досконально изучил подробный план внутреннего расположения всех ходов и выходов, а также переходов, спален и комнат, то ты не только не заблудишься в этих лабиринтах комнат, но и всегда сумеешь найти для себя самый оптимальный путь прохода внутрь, а если экстренно надо будет, то и выхода.

«А охрана? – размеренным шагом направляясь по направлению главного хода (запасные и все другие, лучше применимы для выхода), как и прежде при подготовке к этому заданию, задался вопросом Алекс. На что, как и прежде, дал свой ответ. – Они всего лишь люди, чья причина нахождения здесь, это прежде всего обязанность перед собой, а не перед нанявшим их хозяином, которого они бывает, что и ненавидят (а их, судя по собранной на них информации и составленным психологическим портретам, не мало). Ну а частности, то это всегда частности, для которых всегда найдётся свой такой же индивидуальный подход. А вот найти его, и есть главная задача, стоящая передо мной. – Подходя к ключевому пункту, парадному входу, подвёл итог своему размышлению Алекс».

«Нужен зрительный контакт», – наскоро, чтобы не вызвать подозрения, осмотрев массивную дверь на воротах, открывающих вход во внутренние пределы особняка, Алекс, сосредоточившись на том, что требует от него эта мысль, а также на камере наблюдения, нажал на

кнопку вызова. И ожидаемо Алексом, ответ не заставил себя ждать, и из встроенного динамика до него донёлся вопрос:

– Представьтесь, сэр.

«До чего же глупое требование. – Не удержавшись от улыбки, подумал Алекс. – Да и разве воспитанный человек в здравом уме позволит себе такие откровения на людях. Ведь я себя, может быть, каким-нибудь супергероем представляю». – Усмехнулся Алекс, представив то, как после его такого представления, вытянется лицо у сидящего в пункте наблюдения за мониторами, совершенно непонимающего шуток мистера Сандоро – Алекс, знакомый с внутренним сменным распорядком, имел много оснований делать такие выводы. Правда, пока мистер Сандоро слишком не заволновался и не перенервничал, а это при его недавнем нахождении на этой должности вполне может случиться, нельзя ему давать время для возможности, не просто так подумать, но и рефлексировать.

– Посмотрите сюда, мистер Сандоро. – Вытащив из кармана пиджака портмоне, при раскрытии которого на свет появился прикрепленный к одной из его стенок, похожий на полицейский, жетон, где сбоку от него помещалась идентификационная карта с фотографией Алекса на ней, Алекс ткнул его по направлению камеры. – Да. Вы не ошиблись. Это тот самый жетон, который открывает все двери. И он пришёл по вашу душу, мистер Сандоро.

Ну а сидящий за центральным охранным пультом, как и угадал Алекс мистер Сандоро, как ещё раз угадал или предугадал Алекс, как раз испытывал своего рода волнение, которое всегда присутствует у новичков, которым совсем недавно доверен столь ответственный пост. И этот мистер Сандоро, как и всякий новичок, именно в свою смену определённо ожидая какого-нибудь подвоха со стороны обстоятельств своей жизни, частенько не испытывающих к нему расположения или по-простому, происшествия, тем не менее, совершенно не был готов к тому, чтобы вот так прямо сейчас, что-то подобное, раз и опять случилось.

А тут ещё очередные (когда ваши домашние склонны к безделью и готовы на всё, ради того чтобы продлевать как можно дольше это своё любимое развлечение, то от них чего угодно ожидать можно – например, как у них в семье, постоянно рожать) выходки миссис Сандоро, которая, так прямо-таки выходит из себя, когда что-то случается не по неё – а это случается с регулярным постоянством и не только в день его, по её мнению, мизерной зарплаты (что поделать, раз миссис Сандоро по натуре нервная, склочная и с огромными запросами особа – такую даже зарплата с шестью нулями не устроит и ей будет всё мало). И спрашивается, как мистер Сандоро, находясь всё это время дома под физическим, а здесь на работе, под жёстким мысленным прессом миссис Сандоро, мог сосредоточиться хоть на чём-то.

Так что придавленный со всех сторон – с одной стороны огромной ответственностью, которую определяла его место работы, а с другой, ещё большей ответственностью перед миссис Сандоро, которая грозила ему отрезать кое-что, если он попытается проявить безответственность по отношению к ней – мистер Сандоро определённо был застан врасплох вновь прозвучавшим сигналом звонка в двери (Всё верно, за сегодняшнюю его смену это был не первый визит к мистеру Моргану со стороны уличных проходимцев – а второй. Так к первому неожиданному визиту, мистер Сандоро всё же внутренне был готов – он предполагал, что его каким-нибудь – таким способом, захотят проверить, как он справляется с возложенными на него обязанностями, и на появление подозрительного типа у дверей ожидающе, с улыбкой отреагировал. Где после проверки его документов, он, не забыв подмигнуть проверяющему, сопроводил этого, догадливо понятно, что за типа – проверяющего, в кабинет мистера Моргана. А вот этот второй визит действительно был из ряда вон выходящим для мистера Сандоро, не предполагавшего, что его будут так часто проверять). Отчего мистер Сандоро нервно дёрнулся и, задев рукой, стоявший на столе стаканчик с горячим кофе, разлил его, и не просто на стол, а что главное – на лежащую в буквальной близости от стаканчика клавиатуру.

– Вот чёрт! Я так и знал! – нервно и испуганно задёргался обладающий столь провидческим даром мистер Сандоро (а все пророки, как в своё время Кассандра, страдают от непонимания себя своими соотечественниками, миссис Сандоро и тем, что они всегда бессильны и не могут предотвратить это своё пророчество), потрясывая своей обожжённой рукой. Но не рука, хоть и своя, сейчас волновало мистера Сандоро, а вот то, что случилось с видео картинками на экране монитора, где часть из них принялась моргать, а другая и вовсе залипла на одном остановившемся кадре, и всё как следствие пролития кофе на клавиатуру, то это, до мокроты в подмышках и на лбу, чрезвычайно взволновало его. При этом у мистера Сандоро совершенно не было времени для того чтобы как-то технически разобраться во всём этом, когда на него через моргающий экран монитора, прямо-таки взирал взгляд незнакомца. И находящемуся в растерянности мистеру Сандоро, ничего не остаётся делать, как на автомате задаться вопросом:

– Представьтесь, сэр.

На что тут же, не давая ему передыха, следует ввергнувший его в прострацию, ответ откуда непонятно, но знающего его имя незнакомца:

– Посмотрите сюда, мистер Сандоро.

И заворожённому этими знаниями его незнакомцем и его приказным властным тоном, мистеру Сандоро опять ничего другого не остаётся делать, кроме того, как слушаться и, прильнув к экрану монитора, сквозь все эти блики и моргания, пытаться разобраться, что ему показывает этот властный незнакомец. И хотя мистер Сандоро ничего толком разглядеть не может, тем не менее, он из всего увиденного, – жетона и его носителя, – обладателя властного голоса, сумел для себя сделать не очень-то желательные выводы – либо в лучшем случае, что-то случилось с миссис Сандоро (опять её братец негодяй и бездельник, во что-то её втянул), либо в худшем, на него из его прошлой жизни что-нибудь накопили (раз в этой жизни мистер Сандоро не чувствовал за собой грехов, то такой вывод сам собой напрашивается).

– Я жду, мистер Сандоро. – Незнакомец, убрав жетон себе в карман, не сводя с него своего пронзительного взгляда, не даёт мистеру Сандоро собраться с мыслями и, мистер Сандоро, действуя на автомате, нажимает кнопку открытия дверей. Но только стоило ему это сделать, как вдруг на улице раздался не просто шум от топота бегущих людей, но что страшнее, взволнованные крики охраны: «Вон он! А ну, стой!».

И взятый в оборот всем этим шумом и кавардаком мистер Сандоро, даже забыв, как он всегда это делал, мысленно подумать: «Всё к одному», – выскочил на улицу, для того чтобы хотя бы оглядеться по сторонам и понять, что здесь происходит. Но не успевает он оглядеться вокруг и опомниться, как вдруг набежавшие и чуть не сбившие его с ног несущиеся непонятно куда и зачем сотрудники службы безопасности, своей энергичной устремлённостью, неожиданно для него, взяли и захватили его вместе с собой. И мистер Сандоро сам того не заметил, как уже оказался среди участников погони, за только что выявленным, не санкционированно проникшим на территорию поместья злоумышленником.

– Вон он! – истерично орёт мистер Сандоро, наводя свой пистолет в сторону движущейся вдоль находящегося в глубине окружающих деревьев забора тени. Но принадлежащая этому злоумышленнику тень, несмотря на то, что её обнаружили, даже и не собирается останавливаться, а как видится преследующими его охранниками, начинает собираться на забор, с явным намерением таким образом умыкнуть от них. И, конечно, преследующих этого незнакомца людей, такой вариант дальнейшего развития ситуации не устраивает и они, достав оружие, начинают вести беспорядочную стрельбу в сторону этого, чего ещё надумал злоумышленника. Но они ничего поделать не могут, ведь на стороне этого злоумышленника находится природа в виде зарослей деревьев, вечернее время суток – его трудно различить в темноте, и сбивчивые от бега прицелы пистолетов охраны, которая так и не попав по этому, однозначно одному из людей-Х, а иначе как объяснить, что они в него не попали. И как результат всему этому – к огромному огорчению преследователей, он умело уходит от них.

– Ушёл, гад! – согнувшись в спине, пытаясь отдышаться, подытожил результат стрельбы и погони мистер Сандоро, как тут же вдруг потрясённо вспоминает о том, что он оставил пульт без своего личного надзора. Но даже не это озарение заставило мистера Сандоро нервно обмереть – а вот то, что он впустил на внутреннюю территорию поместья незнакомца, то вот это было не просто недопустимо, а ... Но несущийся как угорелый обратно к себе на пульт охраны мистер Сандоро, постукивая зубами от нервной тряски, даже не смел сформулировать то, чем ему может грозить такое его отступление от правил службы.

– Ушёл, гад! – всё также согнувшись в три погибели, пытаясь отдышаться, подытожил результат осмотра своего рабочего места и такого же пустынного места, там, с другой стороны забора, разделяющего внутренний мир поместья с тем внешним миром. – А может быть, я просто задремал и мне всё это приснилось. – Попытался успокоить себя мистер Сандоро. Но залитая клавиатура и мерцающий экран монитора, имея свою мстительную точку зрения на случившееся, явно были не согласны с мистером Сандоро и требовали от него каких-нибудь действий. И мистер Сандоро, безнадежно посмотрев на всё произошедшее, решив, что, пожалуй, ему грозят большие неприятности, уже было хотел сдаться, но вспомнив какой на улице произошёл переполох, – а это, несомненно ЧП, – решил немедленно действовать и, забыв о рации, бросился искать начальника смены, мистера Фрейда.

Что же касается вошедшего в открытую мистером Сандоро дверь Алекса, то он определённо имел свой, регулировочный движение, план продвижения внутрь здания особняка. Но так как резко поднявшийся шум и беготня, своей неожиданностью появления, изменили эти его планы, то Алекс был вынужден по ходу движения вносить в него правки. Так в самом начале своего пути, Алекс, не обнаружив на нём, покинувшего свой пост вместе с другими охранниками мистера Сандоро – Алекс в принципе был не против такого подарка судьбы – решил не дожидаться этого растеряно себя ведущего мистера Сандоро, и без всякого сожаления, целеустремлённо направил свой шаг к входным дверям.

«Охрана внутреннего периметра больше прилизана и размягчена своим тёплым положением внутри здания, ну а их близость к хозяйскому взгляду, прибавляет им самоуверенности и гордыни, делая их слепыми к человеческим отношениям. Наверное, эти, так стремящиеся попасть во внутренний периметр охраны охранники из внешнего периметра, как раз за это их пренебрежение к ним и ненавидят их», – за своими размышлениями Алекс проявил оплошность и не заметил, как наткнулся на неожиданно выскочившего из-за угла запыхавшегося, и не только физически, потерявшего по неизвестной причине лицо, начальника смены, мистера Фрейда.

И хотя Алекс оплошал, вовремя не заметив этого наскочившего на него неизвестного лица, он, тем не менее, первым нашёлся и, сурово отодвинув от себя мистера Фрейда высокомерным взглядом, презрительно посмотрел на него с тех самых недоступных для такого ничтожества как мистер Фрейд небес, где он частенько пускает дым из сигары вместе с президентами и даже иногда, и с самим богом. Ну а после этого своего приветственного напутствия, раздражается возмущением:

– Да ты кто такой?! Да как это всё понимать?!

Ну а мистер Фрейд, что и говорить, а и так находился в состоянии крайнего перевозбуждения, после своего срыва и неудачного падения с выступа, на который он забрался для того, чтобы заглянуть в окно мистера Моргана. Ведь когда он так неудачно для себя туда заглянул, то к своему потрясению и частичному изумлению, как раз и был застан на этом месте своего преступления против личной жизни мистера Моргана самим мистером Морганом. И оказавшись лицом к лицу с мистером Морганом, мистер Фрейд даже не успел сообразить, как тут же был пригвождён к своей мелкой сущности, своевременным и принципиальным вопросом мистера Моргана, который не стал ходить вокруг да около и напрямую спросил с него: Кто ты есть такой?

Ну а потрясённый прямокой мистера Моргана мистер Фрейд, не выдержал потрясения, сорвался с окна и покатился вниз по склону, где и наткнулся на остановившее его дерево. После чего он, ничего не соображая, находясь не в себе и, мучаясь над заданным мистером Морганом вопросом, бросился бежать, и так до тех пор, пока и не наткнулся на этого неизвестного типа, от которого вновь услышал тот самый вопрос, который у него пока он бежал подальше от окна мистера Моргана, так и не выходил из головы. И, конечно, мистер Фрейд не выдержал своей душевной муки и, остолбенев на месте, впал в умственный ступор.

Алекс же, этот, по мнению мистера Фрейда, поднебесный житель, лучший друг мистера Моргана и заодно всех рукопожатных президентов, без чьего совета они не смеют выдвигать друг другу требования, тем временем не унимается, и всё больше волнуется, и нервничает, изумлённо глядя на свои испачканные мистером Фрейдом туфли. И хотя туфли этого всемогущего друга мистера Моргана были так себе и у мистера Фрейда даже промелькнула кощунственная мысль – мои то будут получше – всё же кто такой этот мистер Фрейд, чтобы судить о предпочтениях столь высоких господ – он, может быть, был йог или быть может, находился в предвыборной гонке на пост президента всех президентов и поэтому вынужден проявлять свою близость к народу.

Но вот лицо всемогущего друга мистера Моргана смирят снисходительность к этому ничтожному червю мистеру Фрейду и он так уж и быть, готов его простить, если он во избежание подобных эксцессов – кто знает насколько нерасторопна охрана внутреннего периметра дома, и не отдавят они ему ноги, как он – проведёт его до страдающего от нетерпения, уже заждавшегося его мистера Моргана. Ну а мистер Фрейд, конечно же готов искупить свою вину перед этим всемогущим мистером (и мистером Морганом), который быть может, замолвит за него словечко мистеру Моргану. И мистер Фрейд, наполнившись важностью и ненавистью к мягкотелой и теплолюбивой охране внутреннего периметра здания, выдвинувшись вперёд, игнорируя вытянувшиеся в недоумении лица сотрудников внутренней охраны, ведёт всемогущего мистера прямо до дверей кабинета мистера Моргана (мистер Фрейд почему-то уверен, что мистер Морган сейчас находится именно там).

– Дальше я сам. – Остановившись у дверей кабинета мистера Моргана, всемогущий мистер благожелательно, как бальзамом на душу, посмотрел на мистера Фрейда и отпустил его этим своим заявлением. Когда же мистер Фрейд, окрылённый проявленным к нему доверием всемогущего мистера, скрылся из виду Алекса, то Алекс поворачивается к двери мистера Моргана и без лишнего для всемогущего друга мистера Моргана стука, широко открывает дверь. После чего делает шаг и к полной своей неожиданности, натывается на удивительно вопросительное заявление мистера Моргана:

– Так скоро!

«Я бы мог к этому добавить – удивительно легко и быстро», – только подумал, но не добавил Алекс, изучающее глядя на мистера Моргана, в чьих руках как раз, что опять удивительно, находилась папка. Мистер Морган в свою очередь замечает этот обращённый на папку взгляд незнакомца, и ни слова не говоря, протягивает её ему. Незнакомец же не решается взять папку и скорее всего, ожидая какого-то подвоха, поочередно смотрит, то на папку, то на мистера Моргана.

– Берите. – Решает нарушить молчание мистер Морган, ещё ближе к Алексу протягивая папку. – Вы же за ней пришли. Не так ли? – Ну а такая осведомлённость и заодно такое благорасположение мистера Моргана, не может не насторожить Алекса – ведь он, как ни крути, а явился сюда без приглашения и без предварительного предупреждения. Да и вообще, всё это как-то странно выглядит – с какой это стати этому мистеру Моргану, который не только на порог не пускал Сальваторе, но и от всего мира отгородился охраной и своим самомнением, вести себя так открыто и отлично от того, как он вёл себя прежде?

И не успевает Алекс как следует поразмыслить над этой загадкой, как он затылком чувствует – в него ударил ворвавшийся через открывшуюся дверь ветер, а вслед за этим, до него доносится шум приближающихся шагов. И хотя всё это требует от Алекса каких-то действий – ну того же поворота головы, чтобы посмотреть назад – Алекс продолжает стоять на своём и тупо смотреть на мистера Моргана.

Между тем, судя по взглянувшему за спину Алекса мистери Моргану, то тот, кто так спешно шёл сюда, оказался в зоне видимости мистера Моргана. Правда, стоило только шедшим увидеть самого мистера Моргана и стоящего к ним спиной неизвестного гостя мистера Моргана, то они тут же остановились на месте. И скорей всего, на этот раз увереннее и лучше всех из всех здесь находящихся себя чувствует мистер Морган, раз он, улыбнувшись, вкладывает папку в руки Алекса и, подойдя к нему, говорит.

– Знаете, что я сейчас сделаю? – взяв Алекса за локоть и повернув его в сторону выхода, где, замерев в удивлении, стояли сотрудники службы безопасности, скорее риторически спросил его мистер Морган. И промолчавший в ответ Алекс, чьё внимание было поделено между охраной и мистером Морганом, выказал полное понимание риторики своего собеседника. – Чтобы не возникло ненужных недоразумений, я провожу вас на выход. – И опять на всё сказанное мистером Морганом, ведомый им на выход Алекс, ничего не говорит, а лишь внимательно смотрит на разгорячённые лица охраны, которые не так уж незнакомы для него – он их в отличие от них, всех знает наперсчёт.

«А вам бы мистер Сандоро, всё же не следовало оставлять пульт охраны и бежать сюда вслед за всеми в поисках оправданий», – незаметно для узнавшего его и ещё больше удивлённого от своего узнавания мистера Сандоро, наставительно ему качнул головой Алекс. И вдруг, правда не зная почему, Алекс взял и вслед за этим своим покачиванием головой, подмигнул ничего непонимающему и перетрухнувшему мистери Сандоро.

И вот кажется, что все препятствия, в том числе входные двери на пути на выход преодолены, и Алексу, пока мистер Морган не передумал или не обратил всё это в злую для Алекса шутку, остаётся только, как побыстрее расстаться с ним, как вдруг, к их обоюдной неожиданности, главные въездные ворота открываются и во двор въезжает представительского класса автомобиль – другие в этих краях не водятся. И, пожалуй, для Алекса любая задержка здесь ни к чему, да и кто знает, что или кого внутри себя такой автомобиль везёт. И Алекс, не желая этого знать, начинает потихоньку двигаться в сторону выхода. Что же касается мистера Моргана, то его вниманием полностью завладел подъезжающий автомобиль и он, забыв о своём госте, замерев на месте, не сводит своего взгляда с автомобиля.

Но вот автомобиль останавливается и как слышит уже находящийся спиной к автомобилю и мистери Моргану Алекс, из открывшейся двери раздаётся, что за волнительный, удивительного тембра женский голос. И хотя у прежде не страдающего от любопытства Алекса, совершенно не было времени, если не на любопытство, то на ту же любознательность, он вместо того чтобы ускорить свой шаг к выходу, не понятно по каким своим мотивирующим его на это действие причинам, взял и оглянулся назад, для того... Ну ладно, так и быть признается – чтобы соизмерить с реальностью, уже (теперь понятно почему, возникло это мотивирующее почему) им представленный образ обладательницы этого голоса.

И трудно сказать, что в данном случае было бы лучше – разочарование, когда действительность в отличие от ваших желаний, как всегда имеет свой взгляд на отображающую звуки реальность – совершенной красоты голос, как крик души совершенной не красоты называемой уродством, или же то, что на этот раз вашим мечтам суждено было сбыться – ваш толстый слух на этот раз не подвёл вас и ваше самое нескромное воображение, в точности предстало перед вами в виде красавицы в брючном костюме. И если в первом случае, вас или вернее удручённого такой несправедливостью Алекса (до чего же эгоистичен – одним значит всё, и красоту и голос, а другим, прокуренный, хриплый голос и уродство в придачу), ожидало душевное тер-

знание, с его брошенными обвинениями в адрес небес, то во втором случае – сердечная сдавленность, которая возникнув при виде этой девушки, поспособствовал заплетанию его ног и, споткнув Алекса за самого себя, тут же уронила его в траву.

– С тобой ничего не случилось? Ты цел? Что тут произошло? Мне сообщили, что здесь творится что-то непонятное. Я как услышала, то сразу примчалась к тебе. – Ворох слов и вопросов обрушилось на мистера Моргана, со стороны выскочившей из машины и бросившейся к нему, раскрасневшейся от множества сопутствующих покраснению причин, молодой девушки. И, пожалуй, если суметь заглянуть сквозь непроницаемое лицо мистера Моргана глубоко в него вовнутрь, то можно было заметить, что мистеру Моргану было приятно слышать и видеть такое проявление заботы о нём со стороны его дочери Марии. И всегда такой непроницаемый на людях мистер Морган, пока никто не видит (охрана не в счёт), позволяет себе пустить, но только в глаза слезу, и одной рукой приобнять Марию.

– Да ничего страшного не произошло. – Говорит мистер Морган. – Просто охрана стала слишком пуглива и спешит палить в воздух при первой же залётной вороне. – Усмехнулся мистер Морган, ведя Марию в дом. Но Мария всегда отличалась приметливостью, и она пока её не увели в дом, оборачивает голову туда назад, где она по приезду видела подозрительного типа. Но сейчас она там никого не видит, что возвращает её обратно к отцу, которого она и спрашивает:

– А кто это был сейчас с тобой?

– Не знаю. – Засмеялся, в кои веки позволивший себе сказать правду, мистер Морган.

Глава 6

Простота

– Вот это новость! – за этот полный на события вечер, Алексу, несмотря, а может быть как раз из-за насыщенности своего вечернего времяпровождения, и пришлось таким незамысловатым словесным способом не раз повторяться. Так в первый раз он это удивлённо сказал, когда, возвратившись к тому месту, где его должна была ожидать машина с мисс Ми, там никого не обнаружил. – И как это всё понимать? – посмотрев по сторонам и даже зачем-то на вдавленные на земле следы от колёс машины, задался вопросом Алекс. – И ведь даже телефона нет, чтобы позвонить. – А вот такого откровения от себя, Алекс совершенно не ожидал – он только сейчас по прошествии стольких лет осознал, как мир изменился, благодаря появлению мобильных телефонов.

Но делать нечего и стоять здесь без знания того, сколько это может дальше продлиться, как минимум прохладно. И Алекс неліцеприятно пройдясь своим, что и говорить, а справедливым мнением по всем находящимся с мисс Ми в машине лицам, которые так предательски бросили его – это говорит о многом и главное о их сомнении в его успехе – решил больше здесь не оставаться и, приподняв воротник и сам пиджак, выдвинулся вниз по улице.

Сколько он так шёл трудно сказать, но как только Алекс увидел первую всю в ярких огнях вывеску, которая намекала на возможность сделать остановку, то он, не задумываясь, направил свой ход в её сторону.

– «Скотный двор». – Прочитав название этого завлекающего к себе внутрь заведения, Алекс мог бы и удивиться такой, до степени откровенности креативности владельцев этой забегаловки, но не стал, а быстро юркнув внутрь, оставил все свои домыслы за входной дверью. И, пожалуй, Алекс был прав, что не стал себя подвергать умствованию, стоя на сырой и ветреной улице – если уж владельцы этой забегаловки через это своё креативное мышление, которое во всех их смыслах отразилось на названии их заведения, решили подвергнуть мимо идущего проходимца такому умственному испытанию, то разве они остановятся на этом. Вот то тоже. И стоило только тем прохожим, в том числе и Алексу, кто посчитал, что владельцы этого заведения те ещё умники, войти внутрь и подойти к барной стойке, то они тут же – на висящем на стене за барной стойкой плакате с местными правилами – наталкивались на выплеск мудрости всё тех же владельцев заведения.

«Если ты читаешь эти строки, то ты стоишь напротив, за стойкой бара». – Вынужден признать наличие провидческого дара у написавшего на плакате эти первые строки человека, читающий их Алекс.

«Если ты стоишь за стойкой бара, значит, у тебя есть свой взгляд на этот мир». – И с этим изречением полностью согласен Алекс, постепенно наполняющийся уважением к человеку, написавшему эти, до чего верные замечания.

«Если у тебя есть свой взгляд на этот мир, и ты стоишь за стойкой бара, то значит, ты недоволен этим миром». – Ну а с этим, скорее спорным утверждением, слишком пессимистично настроенного писателя, но, впрочем, тоже имеющим право на своё существование, на этот раз не полностью согласился Алекс.

«Раз ты недоволен этим миром и стоишь за стойкой бара, то ты решил изменить его, начав с себя». – Ну а здесь автор уже слишком оптимистично смотрит на полного решимости посетителя, что опять же не отменяет возможности присутствия недовольства и желания посетителя изменить этот мир – Алекс опять не столь категоричен.

«А раз так, и ты готов на кардинальные изменения, то нечего стесняться и бояться открыться для всего мира. Так что решайся и побудь хотя бы сегодня самим собой – оторвись по полной программе. Брось вызов этому погрязшему в ханжестве миру, и на зло ему назо-

вись... Да хоть тем же придурком и тогда каждая третья рюмка за счёт заведения». – Прочитав это, видимо для веселья повешенное объявление, часто сталкивающийся с недобросовестной рекламой Алекс, решил пока не торопиться клевать на этот бесплатный сыр, выставя себя придурком.

И когда очень вовремя появившийся бармен – он как будто ждал того, когда Алекс ознакомится с этими правилами заведения – пространно спросил о его намерениях присоединиться к местному придурковатому обществу, то Алекс не проявил проницательности и, сказав: «Мне это не надо», – к удивлению бармена, заказал себе всего лишь один бокал пива. После чего бармен выполняет его заказ, ну а Алекс, спустя готовность получив его на руки, отправляется в один из свободных углов заведения, для того чтобы там передохнуть с дороги и собраться с мыслями.

Но не успевает Алекс присесть за свободный столик и потянуться, как к его полной неожиданности, к нему за стол садится, сразу видно, что хамоватый тип, который без всякого «привет», тут же делает глоток из принесённого с собой бокала (а не будь его у него, то кто знает, не глотнул бы он из бокала Алекса) и, уставившись на Алекса, непонятно на каких, таких основаниях (хотя в такого рода заброшенных местах, сами эти места являются достаточными для этого основаниями) бесцеремонно задаёт ему провокационный вопрос-утверждение:

– Я смотрю, ты насчёт себя придирчивый тип.

И хотя с одной стороны Алексу вполне понятно это самоутверждающее поведение этого, скорее всего, местного задевалы (Алекс, так чтобы этот наезжающий тип не заметил, краем глаза посмотрел по сторонам в поиске попутчиков по жизни этого задевалы) – он как человек страдающий повышенной коммуникабельностью, не может усидеть на одном месте и при виде одинокого, а значит, потенциального собеседника, его прямо-таки тянет к нему поговорить и обсудить его дальнейшие планы на жизнь. То, с другой стороны, этот тип начал свой разговор не с того, чего Алексу обидно понятно, а это не ведёт к взаимопониманию, а значит, разговор, скорее всего, будет краток, а вот последствия, в зависимости от того с кем нынче сюда пришёл этот тип, будут травматично долги для всех них.

Но вдруг этот дерзкий тип начинает удивлять Алекса, выказывая ему свою заметливость. – Можешь не шнырять глазами по сторонам. Я всегда себя представляю сам.

– Вот как? – Алекс в ответ позволил себе не поверить и показать своё пренебрежение к этому типу, откинувшись на спинку стула.

– Что, непривычно? – усмехнулся дерзкий тип. – И, наверное, даже странно слышать, раз в этом построенном на глобальных принципах анонимности и безответственности мире, и не встретишь самодостаточного и ответственного лица, которое может ответить за самого себя и свои слова – а как он может это сделать, ведь он сам себя не может представлять, и за ним всегда кто-то стоит. И уже складывается такое впечатление, что не найти концов в этой бесконечной цепочке подставных лиц, где всегда кто-то за кем-то стоит. – Зло сказал незнакомец и с этой же злостью выпил половину того, что было в его бокале. Ну а такие мудрствования больше грозят самому говорящему (изжогой), нежели тому, кто попал под его каток злословия (опухнут уши и всё). И Алекс, окончательно расслабившись, в ответ сам сделал пару небольших глотков из бокала. После чего посмотрел на ожидающего от него хоть какого-то слова, этого нуждающегося в словесной поддержке типа, и поддержал его:

– Ну а вы, как я понял из ваших слов, ответственное и представляющее только самого себя лицо.

На что сидящий напротив Алекса тип, почему-то не обрадовался в ответ, а нахмурившись, высказал, почему он не обрадовался. – В первой части своего предположения, вы попали в точку, а вот во второй, наполовину. – Вдохнул незнакомец, и уж совсем неожиданно, вдруг показал себя противоречивой натурой – он мгновенно изменил к себе пессимистическое отношение и, улыбнувшись, наконец, представился:

– Друзья меня зовут Простота. – «Теперь понятно», – подумал про себя Алекс. – Ну, а враги... Да ты уже и сам, наверное, догадался, об их умении делать свои акценты и ударения в словах и именах. Но я, в общем, не в обиде на их далёкость или недалёкость – а здесь уж пусть они сами выберут для себя то, что им подходит. Я тот, кто стоит за спинами триумфаторов и напоминает им о том, что они всего лишь люди, а я нет. Ведь я политтехнолог. – Зажигательно рассмеялся Простота, заставив порадоваться за него Алекса и обратить внимание унылых посетителей с соседних столов, чья радость общения с рюмкой, почему-то приводит к обратному невесёлому итогу. Простота же, отсмеявшись, переводит свой взгляд с небес (так и должно быть при проявлении искреннего чувства, туда он и закатил свои глаза при смехе) на Алекса и прямо-таки сражает его в неудобство, своим прямым вопросом:

– Ну а ты-то кто? За что я должен тебя уважать или уважить?

И хотя Алекс не помнит того, когда он давал разрешение Простоте на такое близкое к себе обращение, всё же он догадлив, и имеет что-то общее с друзьями этого, так ими названного Простоты, и поэтому громко не возникает с требованиями напомнить ему, когда они с ним пили на брудершафт, а только лишь недоумённо спрашивает. – Я не совсем понял вопроса.

– Да ты, я смотрю, крут, и сразу пытаешься выказать себя прямее, чем я, чего по определению быть не может. – Ответное, совершенно непонятное для Алекса заявление Простоты, да ещё с его хитрым взглядом, вызывает лишь ответное молчание ничего непонимающего Алекса. Простота же не унимается и спрашивает:

– Ладно. Я буду точнее. За что я тебя должен терпеть или не терпеть?

– Что-что? – продолжая недоумевать, спросил его Алекс.

– Ах ты, хитрец. – Усмехнулся Простота. – Играешь в непонимание. Как будто не знаешь, что подчёркнутое разделение людей на группы, по их и к ним интересам, есть тот базис, на котором формируется современный глобальный мир. Где самое главное – мы должны терпимо относиться, а по мне так, просто терпеть исключительность отдельной ото всех группы, по своим исключительным интересам людей. Ведь их также, как и любое меньшинство, тоже меньшинство, а это предполагает защиту их прав. Ну а всем в качестве компенсации за это терпение, даётся не осуждающее право быть по мере своих возможностей грешным и так уж и быть, возможность терпеть друг друга. – Простота перевёл дух и спросил Алекса:

– Ну, так кто ты? Какая у тебя насчёт себя заморочка?

– Я не терплю пошлости. – Почему-то сказал Алекс, которому в этом месте, только это отрицание и пришло в голову.

– Да, это нынче проблемно. – Задумавшись, сказал Простота. Затем взял свой бокал, допил и, посмотрев на Алекса, сказал. – А знаешь. Я, пожалуй, тебя поддержу и запишусь в твою группу людей, отрицающих... Нет, без права на апелляцию, преследующих всякую пошлость. – Крепким ударом об стол пустого бокала, Простота таким изящным способом, закрепил своё резкое выступление и вступление в эту, только что ими созданную, и возможно претендующую на эксклюзивность группу людей. После чего Простота бросает свой взгляд в сторону бара и с проблеском улыбки, кивнув в сторону бара, спрашивает Алекса:

– Видел объявление на стойке бара?

– Видел. – Ответил Алекс, увидев в поведении Простоты нечто большее.

– Моя работа. – Расплылся в улыбке, явно гордящийся своей работой Простота. Ну а этот вывод не сложно сделать, хотя бы на основании того, что Простота так поспешил, что даже не удосужился поинтересоваться у Алекса его мнением насчёт этой работы – а ведь Алекс по большому счёту, проигнорировал это объявление. Простота же тем временем, продолжает гордиться. – А ведь ты, наверное, не заметил другого, рядом висящего объявления с продолжением.

– А что, это ещё не всё? – слегка притворно спросил Алекс, уже догадавшись, что так и должно быть.

– Это только первая ступенька в технологии оскотинивания человека. – Сказал Простота и спросил Алекса. – И знаешь, куда ведёт эта логическая цепочка?

– Не буду гадать, лучше спрошу. Куда? – ответно спросил Алекс.

– А ты посмотри вокруг. – Кивнув в сторону зала, сказал Простота. И Алексу ничего другого не остаётся делать, как посмотреть на такую, не вечно твёрдо сидящую на своих ногах и даже на чужих, испитую публику. И, пожалуй, из всего увиденного напрашивался свой вывод, но Алекс всегда давал шанс миру и его частности – маленькому человеку, на своё исправление и поэтому не спешит подводить итоги. Так что Алекс вместо резюмирующего увиденное ответа, задаётся вопросом. – И что я должен был увидеть?

На что уловивший хитрость Алекса Простота, смеётся в ответ, затем умолкает и с серьёзным лицом говорит. – То, что с логикой не поспоришь и трудно устоять на ногах. – После чего Простота делает сконцентрированный вид, и начинает на память зачитывать то, что в его логической цепочке предлагалось на второй ступени по пути человека к своим доисторическим предкам:

«Если ты не собираешься оставаться придурком и тем более полным, и готов идти до конца, то назовись свиньёй и получи каждую вторую рюмку за счёт заведения». – Зачитав это объявление, Простота посмотрел на Алекса и спросил:

– Ну как?

– Я даже боюсь спрашивать, что нужно сказать или сделать для того чтобы вся предоставляемая выпивка была бесплатной. – Сказал Алекс. Но Простота не стал посвящать Алекса в дальнейшие секреты своей технологии по оскотиниванию человека, а вдруг сделавшись целеустремлённо серьёзным, спрашивает:

– Ну а теперь давай к делу. Ты принёс то, что тебе отдали?

– Что принёс? – физически почувствовав сложенную внутри кармана пиджака, скрученную в рулон папку с документами, всё же удивился постановке такого вопроса именно от Простоты, Алекс.

– Ещё раз повторяю. То, что тебе передал мистер Морган. – Не сводя своего взгляда с Алекса, проговорил Простота. А вот такая детализация разговора, даёт пищу для размышлений, для которых, тем не менее, времени нет, и Алекс вынужден сказать своё: Да.

– Тогда давай. – Сказал Простота и Алекс, глядя на него, достал папку с документами и передал ему. Простота же в свою очередь берёт папку с документами и, положив её на стол перед собой, начинает наскоро изучать их. Пролистав же папку, Простота вытаскивает из неё один файл и кладёт его перед Алексом.

– Знаком? – наблюдательно взглянув на Алекса, спросил Простота. И, конечно, смотрящий с фотографии на Алекса падре Сальваторе, ему хоть и поверхностно, но знаком (о чём уже очень хочется задуматься Алексу, удивлённому тому, что в папке находится именно такая информация – а что находится и на кого содержится информация в других файлах, то об этом и спрашивать не хочется). Чего он и не собирает скрывать, коротко отвечая: Знаком.

– Это внутренние интерпретаторы, ведущие свою игру. – Сказал Простота.

– Что ж, это довольно интересная информация, которую, как я понимаю, я должен принять на веру? – спросил Алекс.

– Я бы тоже не поверил, если бы мне это сказали, но именно вера утверждает истину и её материальное отображение – слово. Но это опять же дело веры. – Совсем не просто сказал Простота. – Но в данном случае, право выбора за тобой. Я лишь могу дать тебе дополнительную информацию для размышления – твоей, или, вернее сказать, для тех, кто тебя послал в дом мистера Моргана, главной целью была не эта папка. А ты сам, Алекс. – А вот такая осведомлённость Простоты, где он знал имя Алекса, несказанно удивило его – правда, то, что Простота знал, что у Алекса находятся документы мистера Моргана, уже предполагало эту его осведомлённость, что, впрочем, не отменяло факта его удивления.

Простота же, видя или догадываясь о замешательстве Алекса, тем временем не сбавляет обороты и говорит. – Как я уже сказал – право выбора за тобой. Я не буду требовать от тебя принятия немедленного решения, но когда ты в следующий раз встретишь меня, то если ты меня не узнаешь, то это будет значить, что ты принял верное решение.

– Стоп-стоп. – Вдруг перебил Простоту Алекс. – А с чего ты взял (Алекс решил перейти на язык своего оппонента), что я выберу вашу сторону? Да и ваше условие по принятию моего выбора, не столь уж просто, как оно видится на первый взгляд.

– ??? – не сводя своего взгляда с Алекса, вопросительно смотрел на него, чувствующий за собой не позволительный, кроме разве крайних случаев скрытый контекст, Простота. Ну а Алекс, уловив его вопросительность, разъясняет:

– А то, что вы оказываете мне доверие и тем самым подсаживаете меня на доверительный, с нравственной дилеммой крючок.

– А вы (Простота, чувствуя на себе вину, за отступление своих принципов, в свою очередь переходит на язык оппонента) действительно умеете уловить суть. – Ответил Простота.

– Не заговаривайте мне уши. – Перебил его Алекс.

– Да, это крючок. – Виновато расплывшись в улыбке, подтвердил Простота.

И Алекс согласился подцепить себя на крючок, когда на следующий день, в духовном центре нового слова встретив Простоту или как ему его представили, своего парня, мистера Простой, в составе команды одной известной только в ограниченных кругах серой личности, не узнал его.

Но давайте всё по порядку, ведь до самого крючка пришлось проделать столько, в прямом и фигуральном смысле шагов – добраться до дому на вызванном Простотой такси, провести полную размышлений над дополнительно полученной информацией от Простоты бессонную ночь и как финишная прямая, направиться пешком до духовного центра нового слова. Правда самый последний этап – пешая прогулка, несмотря на большое расстояние от дома, где квартировал Алекс, до духовного центра нового слова, приносила больше удовольствия, нежели какого другого неудобства для Алекса. Да и к тому же он любил эти свои пешие прогулки – где ещё встретишь столько интересного и занимательного. Ведь как бы окружающий мир, со всеми его красотами не был увлекательно красив, для человека сам по себе человек остаётся наиболее интересным объектом для наблюдения.

Ну а когда захочется отдохнуть от такой резкой смены встречных на пути лиц, то всегда можно подойти к первой же попавшейся закусочной на углу и, прикупив какую-нибудь незамысловатую сухомятку, которая так объединяет и сплавливает своей вредностью, до чего же различные по своему имущественному и умственному положению (опять вопрос первопричины – что же определяет следствие, бытие или сознание?) слои населения, с полным ртом кетчупа, майонеза и того, что положили внутрь этого состава, присоединиться к зевакам взирающим на подвешенный на один из небоскрёбов огромный экран телетранслятора.

И ведь до чего же новости нынче стали увлекательно интересными – прямо-таки завораживают собой и не дают едоку прожевать всё то, чем он набил свой рот, откусив так мощно – следуя верному рецепту, показанному в рекламе, под завязку – что даже не продохнуть. И, пожалуй, этой жертве своего голодного состояния или может рекламы Алексу, прежде всего, хотя бы в целях своей безопасности не мешало бы для начала прожевать то, что он откусил, а не удивлённо пялиться на экран, где к его удивлению, показывали пункт его сегодняшнего назначения – духовный центр нового слова. Но Алекс в очередной раз наступил на глотку своему определяющему сознание бытию – голодному желудку и, попридержав во рту пищевые поступления, переметнулся в стан тех, для кого сознание определяло их бытиё.

Ну а что мог поделать Алекс, когда прямо сейчас на всю эту площадь и на множество других мест показывают знакомые ему всё виды, до которых вдруг дело стало, и не только ему и какому другому обычному и часто необычному человеку, но и как только что, телекоммен-

таторами одного из ведущих телеканалов рассказывается и показывается – отдельным представителям политической элиты страны.

– Вот он сейчас им там шороху наведёт! – Слишком весело вёл свой репортаж с места событий, известный своей язвительностью и одновременно равнодушием комментатор Грей Акерман. И Грей не ошибся, и выскочивший из дверей духовного центра чем-то возмущённый и чуть-чуть взбешённый сенатор Маккейн, так громко захлопнул за собой дверь (когда ты со всего маху хлопаешь дверьми, то это предсказуемый результат), что будь на стенах этого дома штукатурка, то она бы вся осыпалась, и этот дом нуждался бы в ремонте.

– Конгрессмен Маккейн! Только один вопрос! – Пробиваясь по головам и ногам своих коллег по телевизионному цеху, специально для привлечения к себе внимания, спутав ранг сенатора Маккейна, Грей своим, всем зрителям страны известным баритональным дискантом, попытался докричаться до чем-то всполошенного сенатора Маккейна. – Вы чем-то огорчены?

Ну а такие провокационные вопросы, а, по мнению сенатора Маккейна вызовы, ни смотря на то, что он спешит оказаться внутри своего ожидающего его лимузина с красивыми номерами, он, будучи натурой с приступами самомнения, не может игнорировать. И сенатор Маккейн делает резкий разворот и, в один шаг приблизившись к оторопевшему от такого признания себя сенатором Грею, выхватывает из его рук микрофон и на время своего ответа, лишает Грея его работы.

– Я призываю всех тех, кто всё это видит сейчас, не верить своим глазам! – нервно, с долей истерики заголосил сенатор Маккейн. – Всё что вы сейчас видите, не имеет ничего общего с настоящей действительностью.

– А что же это тогда? И чему тогда верить? – удивился рядом с Алексом стоящий, скорее всего уже прожевавший свой откусанный кусок жирной сухомятки, до самого не хочу, потасканного вида тип, которому и так уже с утра, одного на себя взгляда хватило, для того чтобы засомневаться в своём зрении. Ну а этому хотя бы было объяснение – этот тип под давлением своей беспокойной натуры, с цикловым постоянством позволял себе уходить в безвременье – в запой. Но вот что имел в виду сенатор Маккейн, чья, возможно имеющая место запойная собою жизнь, была скрыта от общественности, и только для самых проницательных людей была догадлива известна, то это пока было не ясно – потасканный собою и жизнью, волнующийся вопросами тип, что-то подобное подозревал, но сейчас, будучи не в состоянии конструктивно мыслить, не спешил делать выводы.

– А я всегда говорил, что наш мир не такой, как он нам видится. – Вставил своё слово, худосочный длинномер на роликах, отчего он на них казался столь пугающе высоким, что никто из рядом стоящих людей не смел в ответ, так высоко задирать голову, чтобы не закружиться в этой высоте. Правда, тут же стоящая, обделённая природной красотой, которая само собой компенсировалась повышенным количеством краски на лице, невыносимо на неё смотреть, без возрастная дама, явно предвзято выразила своё согласие с этим длинномерным типом.

– Вот видите. И уже даже там осознали, что грядёт конец света. – Огласил площадь своим громогласным заверением, застолбивший здесь место собой и своей проповедью, местный площадной проповедник. – Человечество когда-то на первом своём этапе развития, прошло через испытание верой, когда оно вело религиозные войны, затем наступило время для испытания кровью, когда предтеча антихриста ради чистоты нации, погрузил мир в мировую войну, пролив море крови. Сейчас же настало время для самого страшного испытания – испытания безверьем – войны за истину.

– Меня обманном путём заманили сюда. – После безуспешных попыток вырвать из рук Маккейна микрофон, возмущившимся за такое штрейкбрехерство Маккейна, всего в кредитах корреспондентом Греем, вновь заголосил сенатор Маккейн, и заново привлёк к себе внимание случайных зрителей, часть из которых после этих слов Маккейна в очередной раз разочарова-

лась в политиках, – опять действительность не оправдала их ожидания, – и двинулась дальше по своим делам. И только самые заинтересованные, в чьих рядах оказался Алекс и, сидящие за чуть припущенными тонированными стёклами остановившегося на парковке автомобиля, только у себя дома и в таких автомобилях старающиеся быть приметными, всегда на людях малозаметные господа, продолжили следить за происходящим на экране. Правда сидящие в автомобиле господа, по сравнению с Алексом, были не столь внимательны к служащему всего лишь фоном для их разговора экрану телетранслятора, и больше вели между собой разговор, нежели смотрели туда на экран.

– Мы сделали то, что вы просили, и теперь все заинтересованные люди поймут, что вам оказана политическая поддержка. – Откинувшись на спинку сиденья, обратился к своему собеседнику «капитану» Мирбусу, пан Паника.

– Но сенатор Маккейн слишком одиозная и неоднозначная личность. Да и повёл он себя непредсказуемо. – Сказал Мирбус.

– Главное то, что он знаковая фигура. А то, что он себя так ведёт, то это дело второстепенное. – Парировал ответ Мирбуса пан Паника. – Капитан. – Приблизившись к Мирбусу, вдруг жёстко сказал Паника. – Надеюсь, у вас неплохая память и вы не забыли то, какую мы оказали вам поддержку в деле подавления подавляющих вас личностей в вашей организации, где вы в последствии и стали во главе неё.

– Я всё помню. – Неуверенно ответил Мирбус, прижатый коленом, напротив него так теперь близко сидящего Паники.

– И я опять же надеюсь на то, что вы не хотите выказать себя неблагодарным человеком. – Пан Паника продолжил коленом и словом давить на «капитана» Мирбуса.

– Я всегда плачу по своим обязательствам. – Ответил вспотевший Мирбус.

– Ну, я не буду вам напоминать о вашем желании уйти от налогов, зарегистрировав своё общество слова, на вашем лайнере в нейтральных водах. Это я так сказал, к слову. – Усмехнулся Паника от прозвучавшего в его словах намёка на род деятельности продавца новых слов, «капитана» Мирбуса. – Так что капитан, теперь пришло ваше время оказать нам посильную помощь. – Пристально посмотрев на Мирбуса, сказал Паника.

– Но в чём, в конце концов, должна выражена моя помощь? – неожиданно вдруг вспылал Мирбус и к полной для себя неожиданности, оттолкнул от себя пана Панику. И, наверное, униженный проявленным неуважением Мирбуса пан Паника, должен был в ответ, как минимум, застрелить этого дерзнувшего задаваться вопросами и толкаться «капитана», но видимо «капитан» слишком нужен пану Панике и, он проглотив обиду и злобу, которые из-за последних мировых тенденций, где ему приходится ими постоянно питаться, стали не такими солёными, всего лишь тихо говорит в ответ.

– У вас, с помощью нас создана неподконтрольная никому, автономная секретная служба, со своими, не хуже, чем у агентства национальной безопасности отрядами самообороны. – Перевёл дух пан Паника. – А сейчас время такое, что никому полностью нельзя доверять. Вы меня понимаете? – прищутив глаз, спросил пан Паника.

– Частично. – Тихо ответил Мирбус.

– Ваша организация на данный момент одна из тех организаций, чья сплочённость вокруг объединяющей вас идеи не подверглась переосмыслению, а безоговорочная сплочённость и верность общей идее и вам ваших последователей, ставит вас и вашу организацию в исключительное положение. Так вот, к чему это я говорю. – Вновь придвинувшись к Мирбусу, проговорил Паника. – У вас появился шанс перейти от территориального уровня в глобальный и облачить в своё новое слово весь этот катящийся в тартарары мир.

– Я слушаю. – Последовал ответ «капитана». После чего следует изложение паном Паникой его предложения. На что «капитан» после небольшого размышления, даёт свой ответ:

– Кроме дополнительной информации на ключевые лица воздействия потребуется полное внедрение. – Сказал Мирбус и внимательно посмотрел на пана Паника.

– Полное, но только подконтрольное нами внедрение. – Прищутив глаза, уточнил пан Паника.

– А как же. – Улыбнулся «капитан» Мирбус.

Глава 7

Пути неисповедимости

Когда Алекс переступил пока что только внешний порог духовного центра нового слова, то есть ограду, за которой находилась красивая и вся в цветах лужайка, то он, конечно, уже не увидел всю ту, ранее показанную по телевидению огромную массу журналистов, которые пока они находились в прицеле телевизионных камер, то всё это время своими вопросами не давали покоя сенатору Маккейну. Ну а сенатор Маккейн, хоть и тёртый калач, всё же куда ему против этой агрессивной, желающей всё знать и домысливать за вас ответы, такой напористой массы задавал-журналистов, готовых на всё и в том числе на то, чтобы не щадить локтей своих коллег по цеху – и всё ради того, чтобы первому воткнуть свой микрофон в рот тому же сенатору Маккейну. И только тогда, когда охрана сенатора смогла к нему с трудом пробиться, только тогда этот репортаж с места событий, можно сказать и был закончен.

Правда, наиболее пробивные журналисты, в чьём числе был и корреспондент канала «Фэй Ньюс» Грей Акерман, пока есть время – в микроавтобус загружается аппаратура – попытались достучаться до правды – они принялись молотить кулаками, ногами и штативами от камер по дверям этого таинственного духовного центра нового слова. И хотя Грею и такому же как и он настырному, весь в кредитах и неподкупному когда дело касалось правды, журналисту Эрину с конкурентного его канала канала «Свобода», не привыкать иметь дело с тем, что до этой правды всегда трудно достучаться в закрытую дверь. Но, тем не менее, им всегда очень обидно и больно рукам видеть то, как это в очередной раз происходит.

– А ну, сволочи, открывай! – стуча ногами по дверям, орал, когда дело касается работы, всегда такой неводержанный и готовый пойти на любые провокации мистер Эрин. И хотя цель у мистера Эрина и Грея на данном этапе была одна, всё же Грей никогда не забывал о том, что они конкуренты, и поэтому когда мистер Эрин так лихо продемонстрировал этот свой журналистский приём под названием привлечь внимание потенциального интервьюера, то он немного позавидовал силе духа и голоса мистера Эрина, готового ради интервью даже сорвать этот свой нахрапистый и хриплый голос. Что он к внутреннему удовольствию мистера Грея и сделал, после того как вслед за «сволочами», прокричал массу других нескромных эпитетов в сторону этих не любителей свободного слова.

– А ещё называют себя обществом нового слова. – Прохрипел мистер Эрин, закуривая очередную сигарету – так он восстанавливал свой голос, потерянный в борьбе с невежеством спрятавшихся за дверьми хозяев дома. – Разве новое слово может появиться без своего свободного обращения? – Мистер Эрин в своих размышлениях ходит из стороны в сторону по лужайке и, поглядывая, то на дом, то под ноги, как кажется Грею, что-то там ищет. А вот что он ищет – новое свободное слово или камень, как выразитель его возмущения, то Грей об этом даже боится подумать – ведь получается, что он не такой хороший журналист, как Эрин, который ради своей профессии, готов пойти не только на любое преступление закона, но и закинуть камень в окно.

Правда этот, только с виду такой выдающийся журналист, бесконечный номинант на Плутовскую премию (так её Эрин называл за свою субъективность), которой награждают журналистов за наиболее резонансные репортажи, Эрин Бракович (да-да, всё так и многие слыша эту почти что идиому, состоящую из этих рядом стоящих до забывчивости знакомых имён, делают для себя неправильные ассоциативные выводы), себя совершенно таким не считал и при пристальном рассмотрении себя, вечно сомневался в своём выборе этой публичной профессии.

Да, пока не забыл, надо рассказать, что сам Эрин думал насчёт той несправедливости, которую проявляла по отношению к нему принимающая решение о вручении этой премии судейская коллегия. Конечно, она (комиссия) по мере своих возможностей стремилась прояв-

лять объективность и поэтому никогда не принимала в расчёт бедственное финансовое положение мистера Эрина, который время от времени, до последней нитки из своих штанов, баловался азартными играми (всё равно, дай не дай ему премию, а он её либо пропьёт, либо спустит в рулетку), что видимо и задевало всегда тонко чувствующую всякую несправедливость натуру мистера Эрина.

Ну а в свою очередь сам мистер Эрин, когда дело касалось важных вещей – самого себя, естественно не может промолчать и не ответить, для чего собственно вначале берётся за большую голову, затем за клавиатуру (чуть было не написал печатную машинку – она у него давно уже заложена в ломбард) и начинает своё журналистское расследование о тайне Плутковского дома и в частности о его долгожителях – судебной коллегии, которая дальше своего субъективизма ничего не видит, и видит бог, они за всё это ответят. Впрочем, этот крик его души дальше корзины на рабочем столе не шёл и, мистер Эрин тяжело вздохнув, под влиянием своего физико-математического прошлого подводил итог:

– Резонанс, это частноизбирательный отклик колеблющейся системы на периодическое внешнее воздействие. Он проявляется в резком увеличении амплитуды стационарных колебаний при совпадении частоты внешнего воздействия с определёнными значениями, характерными для данной системы. И пока я не в системе, то мне не получить этого, кем-то там избирательного отклика. Но при этом ведь, всегда есть исключения из общих системных правил. – Хитро посмотрев на себя в зеркало, Эрин Бракович на этот раз решил идти до конца и, невзирая на чины и властные лица, добиться для себя эту до сих пор недостижимую для него Плутковскую премию.

Ну а раз мистер Эрин так настроен и по дороге сюда не раз мотивирован содержимым своей, всегда с собой фляжки, то если это всё знать, а не как Грей иначе классифицировать, то не сложно понять, почему мистер Эрин так требовательно настроен по отношению к этим запершимся за дверьми противникам всяческой свободы. А ведь между тем Эрин, честно сказать, был до трагизма скромен и не обладал тем, как он считал, самым главным необходимым для каждого журналиста качеством – умением влезть под кожу репортируемого или депортируемого (это слово из журналистского лексикона Эрина) объекта или более простыми словами – нахрапистостью, и поэтому черпал своё журналистское вдохновение там же, где и все – в том самом, всем знакомом месте – на дне бутылки. Что, впрочем, весьма содействовало его работе, ведь он вёл свои журналистские расследования и репортажи всё с того же дна.

– А может они сквозняка боятся? Вот и закрывают дверь на задвижку. – Дабы отвлечь мистера Эрина от своих поисков, Грей попытался его отвлечь вопросом. Но мистера Эрина, когда он целеустремлённо идёт к своей цели, трудно чем отвлечь, и он в ответ, как от надоевшей мухи (и от мухи тоже), лишь отмахивается рукой от Грея. После чего смотрит по сторонам и очень странно говорит. – А у них здесь довольно чисто и ухожено. Поди что не купятся на садовниках и других наёмных рабочих... – Недоговорив, Эрин, углубившись в свои думы, вдруг таинственно замолчал.

Что ещё больше пугает Грея – вдруг этот мистер Эрин сейчас выкинет какой-нибудь, никем и им в том числе неизвестный журналистский фокус-приём, ну, например, что есть силы свиснет и при этом не ртом, а это может окончательно вывести из себя спрятавшихся за дверьми поборников несвободы, и они в лучшем случае вызовут полицию, а в худшем ... Но Грею не удаётся домыслить до этого худшего варианта, который, как заметил прямо сейчас Грей, в виде двух крупноразмерных людей в униформе направлялся к ним со стороны главных въездных ворот.

Но Грей был не один такой приметливый, и к новому приступу испуга Грея, мистер Эрин тоже проявил наблюдательность, громко заметив приближение этих людей в униформе.

– Сейчас непременно потребуют нашего ухода, аргументируя его нашим нахождением на территории частной собственности. – Поначалу спокойно сказал Эрин, но тут вдруг в него как

будто вселяется озлобленный несправедливостью мира журналист, и вслед за этим вселением, он к ужасу Грея, принимается не просто топтаться на месте, а подпрыгивая на нём, жёстко мять лужайку. И при этом всё это сопровождая этими, невыносимо слышать для ушей Грея и для всякого собственника, кощунственными высказываниями:

– А я топтать хотел, и буду, эту всю вашу частную, отрезанную от общего человеческого мира собственность. Да я плевать хотел, и ...– Но вовремя подошедшие сотрудники службы территориального контроля, своим заявлением: «Сэр», – остановили и не дали материализоваться заложенному в последних словах Эрина кощунству.

– Я слушаю. – Застыв на месте как вкопанный, спросил их мистер Эрин Бракович (он сейчас так одухотворённо и возвышенно выглядел, что называть его просто Эрином, рука в написании не поворачивалась – а сотрудники службы безопасности, по той же причине не спешили ему заламывать затоптавшие лужайку ноги).

– Время вашего пребывания на территории частного владения подошло к концу. И владелец собственности уважительно вас просит покинуть территорию своего владения. – Ровным голосом, без всякой интонации, как по заученному проговорил более широкий в плечах и приземистый охранник.

– Я так и знал. – Воодушевлённо хлопнув себя по лбу, своим громким ответным заявлением, Эрин Бракович заставляет напрячься суровых охранников, явно не ожидающих от него таких резких движений. Но взволнованному мистеру Эрину, как будто не до этих, всего лишь исполнителей чужой воли или как их называл Эрин, инструментов для продвижения своей частнособственнической политики их владельца (ещё одно запатентованное Эрином журналистское выражение) и, он повернувшись к бледному Грею, как-то заговорщицки, но при этом громко, говорит ему:

– А я тебе, что говорил.

Ну, а судя по виду Грея, то ему совершенно знать не хочется и не только то, что там ему говорил Эрин (он как человек свободный, не обязан, если и не слышать, то, по крайней мере, запоминать всё это), но и самого этого подстрекателя Эрина, который судя по уставившимся на Грея не сдвигаемых с заложенной в них первой мысли лицам охранников, спокойно его доведёт до больничной постели. И как видится по этим злобным лицам охранников подогнувшимся в коленях Грею, то они мучаясь в догадках над тем, что же имел в виду этот Эрин, почему-то пришли к единодушному насчёт него мнению – этот слизняк, если на него как следует надавить, то расскажет им не только это, но и пин-код от своей кредитной карты. И что спрашивается делать Грею, если он свой пин-код от карты забыл, а эти мордовороты, как уже говорилось выше, не сдвигаемы с той мысли, которая им в голову придёт, и готовы давить на него до тех пор, пока он пин-код не вспомнит – а он ведь не вспомнит!

Но на этот раз не промолчавший Эрин, выручает Грея и своим дерзким обращением: «Я хотел бы знать имя этого подлеца и подонка, который пряча себя за именем владельца этой территории, хочет спровадить меня отсюда!», – отводит от Грея эту нависшую над ним угрозу.

Что и говорить, а провокационное заявление мистера Эрина повергло в глубокие мысли этих сотрудников службы территориального контроля (туда, где они очень редко бывали), которым по роду их деятельности не доплачивали за такие разумения, а это значит, что Эрин подверг их принуждению.

– Вижу, что моё заявление нашло отклик и согласие в ваших сердцах и душах, раз вы так крепко задумались над подобным, честно сказать, несправедливым положением вещей. – Эрин Бракович специально спешит делать за них (охрану) и за их хозяина – собственника, нелицеприятные выводы. Но на этот раз, всё тот же приземистый охранник находится и пытается опровергнуть, понятно, что только голословные и бездоказательные заявления этого, в первый раз вижу, что за наглого типа.

– Вы это. Не туда. И не так всё поняли. – Красноречиво возразил приземистый охранник, сопроводив свой ответ игрой мышц под рубахой.

– А мы это сейчас как раз все вместе и решим – так ли я не прав в своём утверждении. – Сделав один шаг в сторону охранников, сказал Эрин и, протянув приземистому охраннику руку, сказал. – Покажи-ка мне свои аккредитационные документы. – И, хотя даже Грей понял, что Эрин на своём журналистском профессионализме смазлся – какие ещё аккредитационные документы – это почему-то так не кажется охранникам. А они всё поняв по своему, достают или вернее сказать, приземистый охранник достаёт, и протягивает Эрину своё охранное удостоверение личности. Мистер Эрин в свою очередь берёт протянутое удостоверение, быстро фиксирует все его данные себе в фотографическую память и возвращает удостоверение обратно в руки приземистому охраннику.

– У меня к вам больше нет вопросов. – Говорит мистер Эрин и, обойдя охрану, быстро направляется на выход отсюда. Куда вслед ему, тут же спешит и Грей.

Когда же он и, присоединившийся к нему Грей, под внимательными взглядами охранников покинули пределы этого чьего-то владения, то приземистый охранник как-то тошно посмотрел на своего напарника и, смачно сказав: «Придурок», – введя в очередное заблуждение своего напарника на предмет адресата своего заявления, неспешным шагом отправляется обратно на пункт пропускного контроля.

Ну а чуть ранее проследовавшие на выход через этот пункт пропуска Эрин Бракович и Грей Акерман, выйдя на свободную от всяких частностей общую пешеходную дорожку, вздохнув свободно, вдруг ощутили, какая всё же существует разница в свободе дыхания здесь, на общей и там, на частнособственнической территории, и почувствовав это, ещё раз дополнительно глубоко вздохнули.

– Смотри, не переусердствуй. – Заметив, что Грей, как и он глубоко вздохнул, усмехнулся Эрин.

– А то что? – улыбнулся в ответ Эрин.

– У владельца этой частной собственности вызовешь кислородное голодание. – Сказал в ответ Эрин.

– Он того заслужил. – Ответил Грей.

– И я так же думаю. – Приблизившись к Грею, заговорщицки сказал глядя на него Эрин. После чего пристально на него посмотрел и тихо спросил. – А ты не хочешь принять участие в одном, много чего сулящем журналистском расследовании?

– Не знаю на чём основано такое доверие ко мне, но в любом случае такие вещи на ходу не обсуждают. – Ответил Грей.

– И то верно. – Встряхнув опустевшую фляжку, Эрин вынужден признать правоту Грея, и тут же предлагает ему пройти до первого с баром заведения, и там продолжить этот разговор. С чем соглашается и Грей, чьи нервы сегодня несколько потрепаны этим Эрином, и он, как и Эрин, про себя считает, что было бы не плохо за счёт своего собеседника, в баре поправить своё расшатанное здоровье.

Когда же эти охочие до новостей господа покинули это место, где, по их мнению, на сегодня не стоит ждать особых новостей, то может для них и не новость – у каждого своя новостная политика – а к пропускному пункту подъехал представительного класса автомобиль, который без лишних движений со стороны сидящих внутри него людей, был скоро пропущен внутрь.

Там же (внутри) он не стал своим видом волновать зрительные нервы любого вида людей и сразу поехал не к парадному входу, а куда-то туда на задние, где никто не видит задворки. Ну а что там делалось можно только догадываться, но единственное, что точно было установлено, так это то, что приехавшие люди вышли из автомобиля и проследовали внутрь здания вслед за встретившим их главой охранного отдела Майклом Ридером.

Но всё это случилось и происходило до прибытия сюда Алекса (хотя этот представительный автомобиль до сих пор находился в одном из местных уютных боксов), который имея все допуски и пропуски, без лишних хлопот прошёл все предупредительно предусмотренные и установленные на пути не дружественного посетителя дома нового слова преграды, в виде пунктов пропуска и кодировочных устройств. Впрочем, всё это касалось только внешнего периметра, со своим необходимым для такого проходного случая общения с охраной, когда же ты оказывался внутри этого, всего в мраморе здания духовного центра нового слова («Застывшая музыка может звучать только в отлитых в мраморе залах», – скорее для красного словца, выказал свою концепцию видения духовного центра нового слова, не знакомый с акустическими особенностями мрамора, предложивший перенести духовный центр из старого здания сюда, его новый глава «капитан» Мирбус), то для дальнейшего прохождения во внутренние помещения дома, от тебя требуется нечто большее. А именно твоя значимость и знаковость для общества нового слова – а эта субстанция не постоянная и может за один день измениться несколько раз.

Так что вошедший в приёмный холл со стойкой регистрации посетителей Алекс, мог при регистрации своего прихода (ничего нового, та же пластиковая карта прикладывается к считывающему с неё информацию табло), мог, что угодно ожидать от электронного табло, этого информационного центра соединённого с центральным пультом выдающего оценочный вердикт твоего этического состояния (этические состояния варьировались от самого низкого – предатель, до различных степеней высоты – изобилия и могущества). А уж от этого зависело степень твоего допуска на этажи духовного центра – для низко-тонального духа – низшие этажи, для высоко-тонального – высшие. Правда такие практики были крайне редки и применялись только при чрезвычайных ситуациях (сейчас изменение статуса происходило в результате постоянно практикующихся на знание нового слова собеседований) и скорее всего Алекс, мог не слишком переживать за изменение своего нового начального статуса, сотрудника охранного отдела общества нового слова.

И, пожалуй, такое положение дел в организации, а когда-то в обществе единомышленников нового слова, всё меньше устраивало Алекса, внутри которого, на смену сомнениям, всё чаще начало приходить неприятие существующим в организации положением дел. Правда он как убеждённый последователь идеи нового слова, зная, что ожидания вещь сугубо субъективная и, приведший его сюда в общество «капитан» Мирбус, главное своё обещание выполнил – он дал ему новое слово и возможность проводить его в жизнь, а уж то, что направление пути проведения его в жизнь, если и не не устраивает, а как минимум, не понимаемо Алексом, то это вопрос субъективного взгляда на жизнь.

– Наша главная цель, это создать следствия. – Со временем переиначил свои когда-то сказанные слова Алексу «капитан» Мирбус.

– Интерпретируешь. – Усмехнулся в ответ Алекс, сидя на террасе в местном, при доме нового слова кафе. Но Мирбус остаётся серьёзным и с той же серьёзности говорит:

– Евангелие, это есть тот самый исповедимый путь бога. – Мирбус в запале своей мысли подняв руки, как бы обхватил окружающее. – Вот моя интерпретация слова божьего и его начала, что так до смерти интересует человека. И если человек сможет узнать, что значит это слово, то он сможет понять, что есть бог. Вот тут мы и возвращаемся к моей интерпретации. Ведь что такое по своей сути интерпретация, как не подобие, которым и является сам человек. И выходит, что это подобие и есть то связующее звено между человеком и богом. И если мы сумеем разобраться в этих составных частях – человеке и связующем с богом подобии – слове, то мы сможем достигнуть понятия бога. И вот этим постижением, мы и будем заниматься здесь, в этой обители нового слова – ведь не зря же всё новое начинается с нового слова. – Мирбус перевёл дух, глотнул из чашки кофе и, придвинувшись к столу, заговорил:

– Ну а чтобы постичь суть слова, мы для начала должны постичь самого себя. А для этого мы должны вернуть человека в его девственное положение – *tabula rasa*. И как только человек избавится от приобретённых его природой не нужных для свободной личности рудиментов и атавизмов, и обретёт себя как новая свободная личность, то только тогда он сможет начать работу над пониманием сути истины слова. – Мирбус посмотрел на Алекса и, не услышав от него вопросов, сам задал его ему:

– Как ты думаешь, как лучше зрить людей?

Но видимо этот вопрос был риторическим, служащим прологом для дальнейшего высказывания Мирбуса, который, не дожидаясь от Алекса ответа, продолжил говорить. – Да-да, ты всё верно понял. На человека нужно не взирать, а его нужно презирать. И вот когда ты, таким исследовательским способом отбросишь от себя налёт чувственности и станешь полностью объективным, то ты сможешь найти чистое человеческое я. И, конечно, надо понимать, что на пути к чистому человеческому я, всё в нём ненужное будет неуклонно оказывать сопротивление. И поэтому мы, на этом переходном этапе становления человека, должны будем применять по отношению к нему методы принуждения к осознанности. Так что пока человек не пришёл к полному пониманию своего я, мы через приставленных к нему наставников, которые будут проводить с ним сеансы одитинга или откровения – для человека нет лучше способа постичь и ощутить себя, как только через откровенный разговор о себе с тем, кому он доверил себя – будем надзирать, нет, не над ним, а над его этическим состоянием. Но это только вынужденная и временная мера – ведь без ограничений, невозможно достичь полного понимания свободы.

И тогда Алекс согласился с «капитаном» и принял все те ограничивающие его свободу правила, которыми руководствовались в своём поведении адепты нового слова. Ведь «капитан» дал ему главное – понимание и умение использовать силу слова (почему он это раз за разом повторяет?). Ну а за этим захватившим всего я делом, Алекс скорее всего и перестал обращать внимание на окружающее и за всеми теми изменениями произошедшими в их обществе, которое после того как старое руководство было объявлено ложными интерпретаторами слова и смещено ставшим впоследствии главой Мирбусом и его последователями, и преобразовалось в организацию. И хотя общество нового слова по-прежнему называлось так, тем не менее, тонко чувствующий грани понимания значений слов Алекс, подсознательно чувствовал, что это не так – весь этот окружающий его и царивший внутри общества порядок, был слишком наполнен чёткими правилами и требующими своего неуклонного выполнения рекомендациями, а что это тогда, как не организация.

И не просто организация, а, несмотря на всю внешнюю открытость, довольно закрытая организация. И всегда такой увлечённый своим делом Алекс, когда он на время озирался по сторонам и с долей изумления сталкивался с новыми вводимыми руководством правилами, то он на первых порах находил всему объяснение в словах «капитана» о необходимости ограничений. Правда со временем все эти ограничения и барьеры в виде новых довольно странных правил, начали вызывать раздражение у Алекса, и он даже хотел записаться на беседу к «капитану», но путь к нему наверх, теперь был так недостижимо сложен, что он так до сих пор находился в ожидании упоминания об этой аудиенции. Алекс, впрочем, предполагал, что после того как «капитан» достигнет самых высот в организации, то он обязательно станет недоступен.

Ведь сам «капитан» и рассказал ему об основополагающем принципе структурного построения тайных обществ – «капитан» в рекламных целях продолжал «намекать», что тоже способствовало повышению значения им сказанному, на то, что их общество тайное.

– Все тайные общества создаются по одному и тому же, утаённодемонстративному принципу построения. – Рассказывал Мирбус Алексу. – И чем больше количество ступенек в том пути, который ведёт в ограниченный своими тайными знаниями верхний круг тайного общества-организации, то тем значительнее и таинственнее для рядовых членов общества, кажется, этот круг мастеров, куда так стремятся попасть его рядовые члены. Но не ограниченная своими

знаниями верхушка тайного общества есть та конечность тайного общества, а достигнувший высшего знания, находящийся на ступени постигнутости или инфоконечности мастер, вот кто стоит в ореоле главы общества. При этом мастер становится для всех членов общества наподобие господина бога – о нём все знают, но так и не могут его постичь. Ну а в свою очередь уже сам же мастер, своей божественной сущностью придаёт самому обществу ещё большую значительность. Ну а всякая тайна, а тем более возможность приобщиться к тайным знаниям, всегда привлекает человеческое внимание, и тем самым увеличивает число желающих вступить в тайное общество.

– Что ж. Ещё немного и когда не останется тех, с кем ты начинал свой путь к вершинам власти, ты станешь богом. – Посмотрев на своё отражение на регистрационном табло, рассудил Алекс, пока не придавая большого значения своим надуманным словам – а стоило бы, ведь вопрос выбора способа не оставлять таких людей рядом, всегда сводится к самому лёгкому решению – убрать их вообще из жизни.

Ну а пока ты не слишком задумываешься над своими словами, то ты можешь быть спокоен настолько, насколько можешь. И Алекс, как и всякий экзаменуемый человек, не без лёгкого сомнения посмотрел на выданную табло информацию, после чего вытащил из считывающего устройства свою карту и проследовал, для начала в сторону имеющегося бара, для того чтобы с долгой дороги отдохнуть. Там же он заказал себе горячего напитка с булочкой и, присев за один из столиков, попивая горячий напиток, принялся размышляюще разглядывать снующих туда-сюда людей. И тут Алексу вдруг почему-то вспомнилась приносимая им клятва верности организации, которую он при двух свидетелях зачитал на своём торжественном зачислении в одно из самых её секретных (с некоторых пор в организации, как и задумывалось «капитаном», всё было секретно) подразделений – МОРГ (морская организация, но ведь не всё так просто и кто придаёт значение слову, то тот всегда поймёт, что к чему), без вступление в которую трудно было рассчитывать на своё дальнейшее продвижение по служебной лестнице наверх.

«Я, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, обязуюсь насаждать мораль и идеологию организации на этой планете и во всей вселенной в течение следующих миллиарда лет», – зачитал тогда Алекс это своё обязательство перед организацией.

«Что-то та здравость моего ума, вызывает у меня сомнения, раз я такому на полном серьёзе обязался следовать. – Наморщив свой лоб, не слишком весело улыбнулся про себя Алекс. – Что-то здесь не так. Какая-то уж больно странная и не мною придуманная игра слов получается. А когда на мышление оказывается не просто влияние, а внушительное давление, то это заставляет задуматься над тем, для чего всё это нужно». – Подумал Алекс и взглянул на такого всегда внимательного к посетителям этого кафе при доме бармена.

А вот этот вид одновременно смотрящего и не смотрящего на него бармена, почему-то заставил его вспомнить о трагичной судьбе тех свидетелей его клятвы – один из них утонул после того, как его в наказание выбросили за борт корабля (верёвка за которую он был привязан оборвалась), где они все проходили свою стажировку в этом морском подразделении организации МОРГа. Тогда это было списано на несчастный случай, но всегда есть своё но. Хотя такая практика наказаний из чередования которых, и состояла их служба на принадлежащем их организации флагманском корабле, на котором находилась её штаб-квартира, была обычным явлением, Алекс только сейчас почему-то осознал её ненормальность.

«А вот куда подевался мой второй свидетель, мистер Браун, то что-то я и не помню». – Задумавшись, попытался вспомнить этого Брауна Алекс, из чего у него так и ничего не вышло. Пока же Алекс таким умственным образом отстранялся от действительности, он не заметил, как к его столику подошёл и ожидающе остановился рядом с ним выполняющий поручения сотрудник доставки слов.

Алекс же перебрал в памяти все события, связанные с этим теперь уже и непонятно, что за Брауном и, не найдя каких-либо зацепок, наконец-то заметил стоящего рядом с ним порученца.

– Я вас слушаю. – После краткого изучения пуговиц на жилетке этого неразличимого лица порученца, обратился к нему Алекс.

– Командор, лично вас просил прибыть в зал «духа». – Чётко отбил свой наказ порученец, этот курьер слов.

– Уже командор. – Не слыхано удивил курьера слов своим странным признанием Алекс. «Да и капитаном он был только в кавычках», – с горечью усмехнувшись, поднялся из-за стола Алекс и, выжидательно посмотрев на курьера слов, дал старт его ходу. И хотя Алекс сам прекрасно знал расположение всех знаковых помещений духовного центра нового слова, всё же когда за тобой присылают порученца, то это так сказать, обязывает следовать за ним. К тому же когда кто-то за тебя думает, расчищая для тебя впереди путь, то всегда можно не отвлекаясь на постановку ног на своём пути, отдохнуть мыслями и поразмыслить над чем-нибудь своим.

Ну, например над тем, куда тебя ведёт этот курьер слов – в этот духовный зал слова, где для вновь прибывших сюда под духовные сени дома нового слова потерявшихся людей или «непосвящённых», ищущих для себя ответов на незаданные вопросы и сами эти вопросы, и проводились первые «начала» – введения в понимание значимости слова, как отображения окружающей действительности. Ну а чтобы каждый из новичков чувствовал себя привычно, то духовный зал слова был выполнен в виде самого обычного церковного прихода, со своей кафедрой для проповеди, с большими по бокам цветными витражами и, конечно же рядами стульев для сиденья.

Правда сам Алекс, когда в первый раз оказался в этом зале «духа» слова, то он слишком буквально принял это именование зала для себя. И он принявшись размышлять, даже нашёл связь между духом и словом – раз рождению слова сопутствует движение души человека, то оно по своей сути есть духовная материализация человеческого я, в общем, некое порождение духа. А раз слово так же есть обусловленное человеческим видением окружающего мира его выразительное отображение, то оно, как порождение человеческой духовности, наполняет своё отображение неким человеческим духом. Где через эту свою связь, человек в основном и взаимодействует с внешним миром. И если сумеет разобраться в причинности возникновения именно такого словесного отображения мира, то, пожалуй, можно будет приблизиться к пониманию самого окружающего мира и самого себя.

«А вот интересно, бывают ли, нет, не бездушные (это из другой категории существования смыслов), а бездуховные слова? – время от времени поглядывая на спину впереди идущего курьера слов, размышлял Алекс. – Конечно, первое, что хочется сказать, что раз слово порождение духовности человека, то и бездуховных слов не может быть. А как же насчёт всех тех слов, которые несут в себе пагубные смыслы и неприличия? Ну, тут можно в оправдание их появления сказать, что дух духу рознь и сболтнувший эти слова человек, возможно находился в перегретом или угнетённом состоянии, вот и не воздержался. И тогда получается, что слово несёт в себе не просто константу отражения мира, а обладает всеми теми человеческими качествами, которыми обладает сказавший это слово человек. Ведь одно и то же слово сказанное разными людьми, всегда звучит по-разному, и слышится, и дальше живёт, в зависимости от того, кто сказал это слово. Вот к примеру...». – Алекс, бросив свой взгляд по сторонам, сразу полез за примерами во внешний мир. Где долго не пришлось ходить и крутить головой и, Алекс, заметив одиноко стоящую у одного из стендов с книгами свою знакомую с красивым именем Аэлита, решил на ней проверить свой пример.

«Вот скажи сейчас этот курьер слов, слово «Аэлита», то, пожалуй, Аэлита удивится и только посмотрит на него с недоумением. А вот позволь я себе тоже самое сказать, то минимум что сделает Аэлита, то она улыбнётся мне». – Алекс даже улыбнулся от всех этих своих

представлений того, как он в одно слово умостит этого курьера слов. Правда Алекс сразу же был вынужден признать, что он воспользовался своим преимущественным перед курьером думающим положением и, пожалуй, всё же этот им приведённый пример, даже ни смотря на то, что он не отменяет того, что Алекс тут про себя надумал, несколько неудачен. Да и курьер невиноват в том, что он не знаком с Аэлитой.

А вот если бы на месте красавицы Аэлиты стояла старая и главное, страшно толстая знакомая курьера слова (ну не может Алекс быть объективным в своих мыслях к тому же курьеру), то кто знает («Как это ещё понимать?», – Алекс даже побледнел от таких своих же предположений), на чей призыв откликнется эта старая, до чего же страшная и страшно толстая знакомая курьера слова, какая-нибудь Анжелина Жули – всего в прыщах, уже с лысиной курьера или такого симпатичного парня, как Алекс («Смотри, не переусердствуй, а иначе...», – пытается остудить у Алекса пыл своего восхваления, его зажатая субъективизмом объективность).

Алекс между тем уже подозревает, что тут что-то нечисто, и его подружку явно как-то не так однозначно зовут – возможно, курьер слова, был слишком догадливым типом и, он, догадавшись о такого рода фантазиях Алекса, решил устроить ему такого рода ловушку. Но только курьер слов не учёл того, что Алекс избирателен в своих вкусах и не поддаётся общим увлечениям – его любимая актриса не Анжелина Джоли, а ... А вот этого он никому не скажет, а то не сбудется загаданное им желание. И видимо поэтому, всё то, что представилось Алексу, где своё влияние оказал курьер слова, вступив в противоречие с намерениями курьера слова и создало такой перекошенный образ Анжелины Джоли – Жули.

– Анжелина Джоли. – Специально перековеркает имя этой совсем не Джоли, этот пытающийся подыграть себе, что за хитрец курьер слов (ну и что, что его невнятная дикция желает оставлять лучшего). И эта совсем не Джоли, а какая-то до жути страшно толстая Жули, слышав своё имя, поворачивается и, увидев этого своего старого знакомого – курьера слова, улыбнётся ему, но вслед за этим заметив, что рядом с ним находится такой привлекательный парень, как Алекс, не дожидаясь того, когда настанет его очередь называть её по имени, начнёт ещё больше улыбаться, но уже Алексу.

– Нет, так не пойдёт! – сболтнул вслух Алекс, не сдержавшись на такую мстительную нечестность курьера слова, который решил таким хитрым способом (он ведь специально так размеренно идёт, а это навевает на Алекса все эти провокационные мысли), спровадить от себя к нему свою страшно толстую подружку Анжелину Жули.

– А как? – удивился остановившийся у двери, ведущей в зал духовного слова курьер.

– Я это о своём. – Отмахнулся от курьера Алекс, берясь за ручку дверей. После чего он открывает дверь, входит внутрь и оказывается в этом духовном зале, служащем для проповеднической деятельности общества. И, судя по тому, что зал уже практически был полон людьми, состоящих в основном из директоров различных структурных подразделений, глав отделов, и людей из высшего совета директоров (Алекс хоть лично многих и не знает, но имел о них видимое представление), то сегодня здесь намечалось что-то важное.

Алекс, войдя, остановился на пороге у входа, пытаясь не только осмотреться, но и понять, какое для него место приготовлено здесь. А для чтобы понять это – распорядителя мест не было – нужно было обратить свой взор на стоящего в центре кафедры, в окружении малознакомых для него личностей, «капитана» Мирбуса, мимо взгляда которого не мог пройти ни один из вновь вошедших в зал людей. И хотя учёт прибывших вёл стоящий у входа контролёр, «капитан» Мирбус в свою очередь тоже вёл свой внутренний учёт прибывших сюда лиц, которые при входе должны были продемонстрировать «капитану» свою преданность ему и данному ими слову клятвы. А для этого каждый из прибывших в зал, должен был повиноваться установленному «капитаном» новому порядку – при входе отдавать честь присутствующему здесь рядом с ним, одетому в морскую форму, его буilterьеру Кичу.

– Чем абсурднее звучат предъявляемые к человеку требования, тем выше оценивается он, как преданная идее личность. И только через фанатичное повиновение, лишь на первый взгляд кажущимся неразумными правилам, в человеке проявляется его истинная преданность делу. – Объяснил это своё нововведение Мирбус Алексу, когда тот будучи у него дома на ужине впервые увидел такое проявление преданности ему вновь вошедшим в обеденный зал человеком (почему Мирбус не потребовал от Алекса того же, то он об этом даже пока не задумывался). И когда Алекс увидел, как вошедший человек – один из глав подразделений организации – отдал честь сидящему в ногах Мирбуса бультерьеру Кичу, то он вначале даже не понял, что сейчас произошло. Для чего изумлённый Алекс, для разъяснения произошедшего, тут же посмотрел на Мирбуса, ну а тот, как оказывается, уже ждал этого (он всё это время не сводил своего взгляда с Алекса) и, не дожидаясь, когда Алекс задаст свой вопрос, даёт ему этот ответ.

И, скорей всего, ответ Мирбуса не слишком понравился Алексу, раз он не рассмеялся этой и не шутке, а задумчиво посмотрел на Кича, чей суровый нрав он знал ещё с его детства. После чего для того чтобы отвлечься, берёт ложку с намерением зачерпнуть из тарелки ложку супа и как-то задумчиво смотрит на суп. Мирбус же заметив эту реакцию Алекса, хитро прищурившись, говорит ему:

– Вижу, что ты чувствуешь. Думаешь, что тут пахнет... – Мирбус в свою очередь зачерпнул ложку супа и, поднеся её к носу, принялся. – Да тем же, чем пах и до сих пор, несмотря на специи, пахнет наш красноречивый мистер Лохер, с его несдержанностью в плане обвинения нас в диктате. – И стоило Мирбусу это сказать, как Алекс тут же одёрнул свою руку с ложкой от тарелки, чьё внутренне наполнение теперь вызывало у Алекса тошнотворный ужас, на который он, отодвинувшись к спинке стула, теперь и смотреть не мог.

– Да ты так не переживай. – Засмеялся Мирбус при виде реакции Алекса. – Я пошутил. Он уже не пахнет. – Сказал Мирбус и, зачерпнув ложку супа, к ужасу Алекса приложил ложку ко рту и проглотил. Затем с довольным видом посмотрел на до тошноты бледного Алекса, и спросил. – Что, тошно стало? – Мирбус ухмыльнулся и, не ожидая ответа, продолжил говорить. – Что ж, такова сила слова. И ведь не скажи я это, то ты съел бы мистера Лохера за милую душу. И при этом, не только не подавился, а, пожалуй, даже добавки попросил бы. – Мирбус продолжает ухмыляться. – А теперь уже слово сказано, и всё изменилось. А ведь там, может быть, и нет никакого мистера Лохера, а всё равно суп уже не лезет в рот. – Мирбус демонстративно зачерпывает ещё одну ложку супа и к помутнению рассудка Алекса, более чем красноречиво – причмокивая, заглатывает эту новую порцию супа в себя. После чего кладёт ложку на стол, берёт салфетку, вытирает губы и обращается к Алексу.

– Такой уж тотальный диктат слова. И знаешь, он и должен быть таким. Ведь слово, есть истинное отображение мира и поэтому здесь не может быть никаких оговорок. Что же касается так зависящего от слова человека, то он ничего так не хочет в жизни, как обрести полной свободы. А она понимается им, как противопоставление себя установленным жизнью правилам. Но это в корне не верно. И чтобы достичь настоящей свободы, опять же не нужно впадать в крайности и полностью подчинить себя слову, а надо всего-то встать над ним. И вот когда человек достигнет такого своего состояния, где он будет определять смыслы и рождать новое слово, то это и будет настоящая свобода. – Мирбус замолчал и внимательно посмотрел на Алекса, ожидая его дальнейших действий.

«Мне плевать, что ты тут сейчас сказал. Но суп я есть не буду», – про себя решил Алекс, затем демонстративно положил ложку на стол и сказал Мирбусу. – Иногда слова сытнее, чем обед.

– Понимаю. – Улыбнулся в ответ Мирбус.

– Всё верно. И я, как я это понимаю, ещё не свободен. – Сказал Алекс.

– И я к сожалению тоже. Но мы будем стремиться к этому. Так ведь? – не сводя своего взгляда с Алекса, спросил его Мирбус.

– Да. – Тогда ответил ему Алекс.

«Но не по твоим правилам». – Сейчас глядя на Мирбуса, про себя ответил ему он. «Да это какой-то фарс». – Посмотрев на внимательно за ним наблюдающего Мирбуса и Кича, подумал Алекс и, проигнорировав это новое установленное правило приветствия, проследовал на одно из свободных мест.

Мирбус же, может быть и поморщился про себя при виде такого упрямства и своеволия Алекса, но не показал виду, а увлечённо продолжал переговариваться со стоящими рядом с ним незнакомыми Алексу людьми в одинаковых серых костюмах. Ну а такая стоящая в зале всеобщая, одновременная увлечённость друг другом и отвлечённость друг от друга, давала возможность Алексу, да и всем присутствующим в зале людям осмотреться вокруг и сделать для себя предварительные предположения насчёт того, для чего всех их здесь собрали.

«Скорей всего, присутствие здесь этих незнакомых типов не случайно», – первое, что пришло в голову Алексу, как и многим здесь сидящим, так эта глубоко естественная мысль. И эту мысль он мог бы развить и дальше, если бы не подошедший к Мирбусу, отвечающий за регистрацию прибывших лиц контролёр, который проинформировал «капитана» о полном присутствии, чем и привёл в движение Мирбуса и стоящих рядом с ним лиц. И если незнакомые лица заняли свои места за стоящими на кафедре столами, то сам Мирбус, передав своего буфетьера Кича своему помощнику, вышел в центр кафедры. После чего он внимательно посмотрел в зал с обращёнными на него лицами прибывших людей и заговорил:

– Господа. Сегодня я здесь собрал всех самых преданных новому и верных данному себе клятвенному слову людей.

Сказанное Мирбусом заставило Алекса бросить свой взгляд по сторонам в поиске Суллы и Рыжика, которых, как им подспудно ожидалось, он так и не нашёл здесь, среди этих, как только что сказал «капитан», преданных и верных людей. А это, при знании Алексом «капитана», говорило о многом. И тут-то Алекс вспомнил, как Рыжик довольно странно смеялась, как бы в шутку спрашивая его о том, как он поступит, если она решит уйти из общества – ведь согласно правилам общества, решивший покинуть его считается отступником, и с ним не только следует оборвать все связи, но против него начинается процесс «обособления» – отрезание всех контактов от внешнего мира. «Пусть крепко подумает, что он есть сам без своего окружения и окружающего мира», – так обосновывал это своё правило автономии «капитан» Мирбус.

«А я ведь её после того самого разговора больше и не видел», – вдруг Алекса озарила догадка, заставившая его в одно мгновение похолодеть. «И Суллы здесь нет. Может быть, по той же причине?», – Алекс попытался сбить себя и свою нарастающую уверенность своим вопросительным сомнением, но это было уже бесполезно и он понял, что его друзья раньше его потеряли доверие «капитана» Мирбуса, и что причина всему случившемуся, то понимание, к которому постепенно приходит и он сам, глядя на то, что здесь в этом становящемся всё больше и больше похожим на тоталитарную секту обществе происходит.

«Но почему они мне ничего не сказали?», – первое, что поднялось внутри Алекса, так это его переполненное возмущением неразумность обвинения. Правда Алекс быстро успокоился, он понимал, что как раз самые близкие люди всегда узнают о свершившемся факте последними – их, видите ли, боятся побеспокоить и поэтому, из-за какой-то там ложной деликатности не ставят в известность насчёт своих принимаемых решений. Хотя в данном случае, то, что они не поставили его в известность о своём уходе (Рыжик убеждённо точно, а вот насчёт Суллы пока трудно делать выводы), было обосновано их желанием обезопасить Алекса от этического контроля со стороны общества нового слова. Но они видимо недостаточно хорошо знали, на что способна внутренняя служба контроля общества – а она не собиралась списывать со счетов Алекса, и взяла его на заметку.

При этом это взбудоражившее его бурление мыслей подняло в Алексе весь его, состоящий из мысленных установок и правил застоявшийся в душе ил – эти установки всё последнее время вели и не давали Алексу свернуть с того пути, на охране которого они всё это время и стояли. И если бы не его прямо сейчас местонахождение, то Алекс, не задумываясь, прямо сейчас бросился бы искать своих друзей. Но пока всеобщим вниманием завладел «капитан» Мирбус, то Алексу ничего другого не остаётся делать, как вновь начать его слушать, желая только одного – чтобы он поскорее закончил.

И «капитан» Мирбус, конечно, не прислушался к желаниям Алекса, а исходя из своих собственных, которые на этот раз чётко совпадали с желаниями Алекса, подошёл к итоговой черте этого собрания.

– Господа. Новая обстановка требует от нас мобилизации всех верных и преданных нашему слову сил, и сплочённости вокруг нашей общей идеи – построения мира на основе нового истинного слова. А это означает, что прямо с этой минуты мы переходим на обособленное положение, под самым высоким пунктом напряжённости «А». И в виду сложившейся чрезвычайной ситуации, каждый из нас, для укрепления наших рядов и продолжения дальнейшей совместной работы, прямо сейчас проведёт внеочередной сеанс «откровения» с самым доверенным для себя лицом. – Мирбус сделал паузу для того чтобы присутствующие люди смогли вникнуть во всё им сказанное и, не услышав даже не вопросов, а шумных шевелений, понял, что всем всё ясно усвоено. После чего Мирбус немного расслабившись от осознания понимания себя собравшимися, позволяет себе шутку:

– И даже я проведу свой сеанс откровения. Ну а так как я больше всего доверяю ближе всего ко мне находящемуся Кичу, – Мирбус посмотрел на своего пса, – то и сеанс «откровения» я проведу с ним. – Мирбус улыбнувшись Кичу, поворачивается лицом к залу и уже не так смешливо для сидящих в зале людей говорит. – Ну а тем, кому довериться некому, то того ждёт всё тот же Кич. А он уж точно не даст ни одного шанса увильнуть от ответа скрытой подсознанием интерпретатора подавляющей личности.

«Это, да», – сглотнув комок, согласился с Мирбусом Алекс, перед глазами которого вдруг встало одно из таких несогласий, названного интерпретатором слова, мистера Брауна («Так вот куда подевался этот неуловимый мистер Браун. Он спрятался в моё подсознание», – вдруг осознал своё воспоминание Алекс), так и не успевшего (чуть позже станет ясно почему) поверить своим глазам, когда Кич щёлкнув своими челюстями, так и не оставил ни одного шанса для его пальцев руки остаться на своём прежнем месте – на руке.

Так изначально мистер Браун, определённый Мирбусом в отряд проекта реабилитаций, куда в наказание направляют всех оступившихся от своего слова людей, выказав строптивость – он не стал послушно выполнять поручений приставленного к нему лица, дополнившего его наказание приказом бегать вокруг палубы корабля – встал в позу у борта корабля, и никого и ничего не хотел слушать. И если бы не появление на палубе «капитана» Мирбуса, то, наверное, зрители и сами бы вскоре справились с неразумностью и строптивостью мистера Брауна, выбросив его за борт остудиться, и заодно понять, что плавать с акулами не такое уж удовольствие в сравнении с сидением в ящике по колено в воде. Где его всё же время от времени из помойного ведра кормят, а не как здесь за бортом в океане, уже он будет служить пищей акулам.

– И как это всё понимать? – задался вопросом Мирбус, обнаружив стоящего у борта мистера Брауна, окружённого несколькими офицерами из корабельной команды.

– Выказывает сомнение. – Озвучил своё видение происходящего смотритель за наказуемыми мистер Ли.

– Вот как. – Усмехнулся в ответ Мирбус и потянутый вперёд Кичем, двинулся в сторону мистера Брауна, дорога к которому была предусмотрительно обезопасив себя от клыков Кича, очищена отошедшими в сторону офицерами. Чего не скажешь о прижатом к борту своей

строптивостью, а теперь и страхом мистере Брауне, который не сводил своего взгляда, то с Кича, то с Мирбуса.

Мирбус же, остановившись напротив мистера Брауна, внимательно смотрит на него и спрашивает. – Мистер Браун, откуда такое непослушание? Скажите мне, что ж такого от вас требуют эти, как вы, наверное, думаете, изуверы? – Мистер Браун бросает косой взгляд на своего зрителя Ли и говорит. – Они слишком пристрастны и придирчивы ко мне. И за то, что я, по их мнению, не должно выполнил своё дневное задание, в качестве наказания я должен дополнительно сделать три круга по палубе корабля.

– Ну, мистер Браун, вы меня удивляете. – Как-то тревожно усмехнулся Мирбус. – Из одних только ваших слов, я уже заключаю, что команда выделяет вас из всех и можно сказать, заботится о вас, предоставляя вам лишнюю возможность заняться так полезным для здоровья бегом. А вы видимо, имея злобный характер, из-за него совершенно не видите всех этих для вашей пользы стараний команды. А это наводит меня на одну только мысль. – Сделал зловещую паузу Мирбус. – Вам надобно освежиться и выветрить из себя все эти мешающие вашему дальнейшему развитию мысли. – И на этом Мирбус скорее всего хотел закончить этот разговор, но неожиданное, что и говорить, а ошеломившее «капитана» Мирбуса, полное упрямства заявление мистера Брауна: «Да ни за что я не полезу в воду!», – вдавив его ноги в палубу, остановило на месте.

И видимо «капитана» Мирбуса чрезвычайно заинтересовала эта прозвучавшая в словах мистера Брауна упрямая напористость, раз он, налившись в глазах кровью, решил проверить её крепость.

– Мистер Браун! – Низким голосом отбил имя этого мистера Мирбус. – Не успею я досчитать до пяти, как вы сами выпрыгните за борт. – И что интересно, так это то, что как бы ни страшно выглядел «капитан» Мирбус, мистер Браун вдруг проявил отчаянную настойчивость и, сверкнув глазами, посмотрел на Мирбуса и заявил. – Да считайте. Меня этим не убедить. – И как только мистер Браун таким дерзким образом бросил вызов капитанству «капитана» Мирбуса (а это по сути, так и было), то все находящиеся на этом пятачке корабля люди замерли и, направив свои полные внимания взгляды на Мирбуса, принялись ждать его ответных действий. И они неминуемо последовали – «капитан», выставив вперёд свою руку, начал свой отсчёт.

– Раз. – Загнув мизинец, глядя на мистера Брауна произнёс Мирбус. На что мистер Браун только усмехается, правда, не очень уверенно и весело.

– Два. – Загнув безымянный палец, произносит «капитан» Мирбус и всеми здесь стоящими начинается чувствоваться, как нарастает напряжение на не сводящих друг с друга взглядов, лицах мистера Брауна и Мирбуса.

– Три. Мы перешли экватор. – Загнув средний палец, усмехнулся после своего словесного дополнения Мирбус, что, тем временем ещё больше накаляет обстановку. При этом «капитан» Мирбус не спешит загнать свой следующий палец, а, внимательно смотря на мистера Брауна, ждёт от него его благоразумия. Но мистер Браун, как негибаемо стоял, так и стоит, упорно глядя на Мирбуса. И тому ничего другого не остаётся делать и, он, взяв рукой четвёртый по ходу счёта указательный палец, уже было приготовился загнать его, как вдруг мистер Браун, видимо не выдерживает этой задержки и срывается на свои нервные слова.

– Если вы мистер сбились со счёта, то я могу вам помочь и напомнить. Четыре! – И не успевает мистер Браун истерично озвучить число счёта, где он при этом собирался, выставив вперёд свою руку произвести этот подсчёт на ней, как вдруг к полной неожиданности всех присутствующих людей и главное, самого мистера Брауна, челюсти Кича смыкаются на его выставленной вперёд руке. На что мистер Браун рефлекторно резко одёргивает свою руку на себя. Но как тут же им и всеми выясняется, уже поздно и его не загнутые пальцы остаются в пасти Кича, тогда как сам не успевший этому поверить мистер Браун, получив от себя такое резкое

ускорение, не справляется со своей неуравновешенностью и как обещал «капитан» Мирбус, летит за борт освежиться.

– Мне, кажется, что мистер Браун слишком самонадеян, раз решил без страховочной верёвки пойти освежиться. – Поставил точку на судьбе мистера Брауна, на этот раз капитан без кавычек Мирбус.

«Но почему я об этом совершенно забыл?», – растирая вдруг разболевшуюся голову, попытался ответить на этот так неожиданно возникший вопрос Алекс, но прозвучавшее в устах мисс Ми его имя, заставило Алекса отвлечься от себя и удивлённо посмотреть на нашедшуюся, в своё время бросившую его на произвол судьбы мисс Ми. Правда сейчас ему не удастся задать все те вопросы, которые он непременно хотел бы задать мисс Ми – он прикреплен к мисс Ми и мистеру Ворону на сеанс «откровения», после которого, а ещё лучше во время которого, можно и будет с них спросить за всё.

«С одной стороны, конечно, это удивительно, что в процессе моего собеседования будет участвовать, не как положено один одитор, а сразу два, но с другой стороны, они видимо учитывают мою степень очищенности и подготовленности к подобным сеансам «откровения» – практике, где через цепь задаваемых вопросов находится вредящий и мешающий развиваться человеку инцидент, после чего его нейтрализуют и спрашиваемый, его ещё в других практиках называют преклир, очищается – и не рассчитывают на то, что один на один кто-то из них со мной сможет справиться. – Размышлял Алекс, следуя вслед за ведущей его по коридорам дома нового слова мисс Ми. – Но для этого им нужно будет придумать что-нибудь необычное», – улыбнулся Алекс, остановившись у дверей ведущих в его собственный кабинет.

«Ну, это хоть и интригует, но не настолько, чтобы сбить меня с мысли», – улыбнулся Алекс, заходя в свой кабинет вслед за мисс Ми. После же того как дверь кабинета закрыл за собой мистер Ворон, Алекс быстро пробежался взглядом по кабинету, где и обнаружил, что кто-то в нарушении всех правил, позволил себе без его спросу проникнуть внутрь кабинета и внести сюда свои изменения – на рабочем столе лежал большой комок разноцветного пластилина (Алекс уже слышал о новой практикующейся в центре программе «Ключ к жизни», где практикующемуся выдавалась книга с одними картинками и пластилин, где он на основе своего видения предлагаемых ему на рассмотрение картинок, должен был слепить ключевые слова – так формировалась его образность мышления).

– И что же вы хотите, чтобы я слепил? – усмехнулся Алекс, обращаясь к мисс Ми.

– Человека! – вдруг оглушающе рявкнул мистер Ворон, и не успел Алекс понять, что это его сейчас так оглушило, как он снесённый мощным ударом мистера Ворона полетел на пол. После чего начался долгий изматывающий обе стороны разговор по душам, такая в понимании мисс Ми их беседа с Алексом, где ответом на один и тот же заданный мисс Ми или сменяющего её мистера Ворона вопрос: «Назови свой инцидент!», – были его стоны и с летающие с лица Алекса брызги крови.

Когда же мистер Ворон уставал бить, за дело бралась мисс Ми и, используя прихваченную с собой стальную линейку, наотмашь делала на лице Алекса свои замеры, после чего через определённый ею отрезок времени, объясняла Алексу насколько долго будет продолжаться это собеседование:

– Мы будем спрашивать тебя до тех пор, пока ты не найдёшь в себе мешающий тебе двигаться дальше инцидент.

На что следовал неизменный ответ Алекс: «Вы мой инцидент!», – который как правило не устраивал спрашивающую сторону, и Алекс вновь и вновь отравлялся через удары на пол. Где ему долго отдыхать времени не давали и, мистер Ворон сменив подуставшую мисс Ми, заново брался за Алекса. Правда мистер Ворон при своём ведении собеседования, иногда допускал отклонения от основного выбранного курса и в пылу увлечённости, скорее всего, чтобы самому от частого повторения своего вопроса (все знают, что если одно и то же слово повторять бес-

конечное количество раз, то оно теряет для говорящего свой смысл) не забыться, отвлекался на другие вопросы.

– Какое третье правила кодекса одитора? – нервно задавал свой вопрос мистер Ворон и тут же сам на него отвечал. – Используйте те процессы, которые улучшают кейс преклира. А судя по твоему кейсу, мы всё делаем правильно. – Посмотрев на заплывшее лицо Алекса, смеялся мистер Ворон.

– Что, хочешь, чтобы мы на этом закончили? – вновь спрашивает Алекса мистер Ворон. На что опять сам и отвечает. – Девятое правило кодекса гласит – Никогда не позволяйте преклиру завершать сессию по его собственному независимому решению. – Но на этот раз водружённый на стул Алекс не промолчал, а приподняв голову, сквозь слой из крови и слюны наполнивших его рот, невнятно проговорил. – Шестна...ттое.

– Что-что ты сказал? – наклонившись к Алексу, спросил его удивлённый мистер Ворон.

– Правило номер шестнадцать. Всегда поддерживайте двухстороннее общение с преклиром во время сессии. – Уставившись заплывшими глазами на склонившееся к нему лицо мистера Ворона, проговорил Алекс и к полной неожиданности того, своим коленом резко нанёс удар ему в подбородок. Чем вызвал зубовой, даже не скрежет или треск, а какой-то отзвон столкнувшихся между собой зубов верхней и нижней челюсти мистера Ворона, который так неосмотрительно для себя, в таком разговоре на повышенных тонах не придержал рот закрытым. Ну и как следствие этой неосторожности, слом челюсти и падение на пол теперь уже белого как полотно мистера Ворона. И, конечно, такое положение вещей или бытия мистера Ворона на полу, вызывает резкое неприятие и ярость у подскочившей и ещё толком не передохнувшей мисс Ми, готовой за такое спекулирование правилами кодекса одитора, тут же свернуть Алексу голову. К чему она и собралась приступить, схватив свою всю в крови линейку, если бы её не остановил вдруг раздавшийся грозный голос.

– Правило номер тринадцать. Всегда продолжайте процесс так долго, пока он приводит к изменениям, и не дольше. – Проговорил неизвестный, чем не только остановил мисс Ми, но и своим присутствием удивил Алекса, совершенно не предполагавшего, что здесь в его кабинете ещё присутствует кто-то. Что заставляет Алекса попытаться повернуть голову назад, для того чтобы разглядеть того, кто подвёл итог этому кровавому собеседованию. Но у Алекса из этого ничего не получается – проявленное усердие мистера Ворона по отношению к нему не прошло даром – и он вынужден пока оставить всё как есть. Правда тот или как сейчас по поднятому шуму поднявшихся со своих мест тел становится понятно, те, решают, что это всё как есть, имеет право на свои, с помощью них изменения, и сами подходят к Алексу, для того чтобы поближе посмотреть на него.

– Ну и что скажешь? – спросил носителя спортивной обуви – кроссовок (Алекс не мог поднять свою голову выше пояса и поэтому позволил себе идентифицировать подошедших к нему людей по тому, что видел и слышал о них и в них), обладатель того строгого голоса, который пожалуй, очень вовремя остановил мисс Ми.

– Надо послушать какой он даст ответ. – Ответил обладателю грозного голоса носитель кроссовок, в ком Алекс отчётливо узнал Простоту. А этот факт его присутствия не может быть проигнорирован Алексом и он, собравшись с остатками сил, приподымает голову и смотрит на стоящих перед ними людей. После чего стараясь чётко выговаривать слова, говорит. – Как я говорил, так и говорить буду – они мой инцидент.

– Такая убеждённость в собственном знании и твёрдость в отстаивании своих слов похвальна. – Сказал обладатель грозного голоса, как его сейчас только узнал Алекс, глава МОРГа мистер Старки. – А вы мистер, учитывая все обстоятельства произошедшего, неплохо выглядите. – Улыбнувшись сказал Старки. Но Алекс ничего ему не отвечает, а лишь пристально смотрит на Простоту. Что замечается Старки и он, ухмыльнувшись, обращается к Простоте. – Мистер Простой, а вы мне ничего не говорили о том, что вы с ним знакомы.

– Разве что только наполовину. И то только на ту, на которую вы меня познакомили. – Весело ответил Простота или как только что выясняется Алексом, мистер Простой.

– Вы в этом уверены? – внимательно посмотрев на Простоту, как бы в шутку спросил его Старки.

– А если я не слишком уверен, то вы попросите ваших людей проверить мою степень уверенности. – Не убирая улыбки, ответил Простота.

– Значит, угадал. – Засмеялся мистер Старки. После чего повернулся к Алексу и как бы в продолжение своей затянувшейся шутки, кивнув в сторону мистера Простого, спросил его: «А ты его знаешь?». Алекс же поворачивает своё лицо в сторону Простоты, задерживает на нём изучающий взгляд и, вернувшись к мистеру Старки, пафосно, так как в кино говорит: «В первый раз вижу». Что удовлетворяет всех и, мистер Старки повернувшись к стоящей рядом с ним мисс Ми, говорит ей. – Теперь для вас настало время вопросов. – После чего мисс Ми и придерживающий одной рукой свою челюсть мистер Ворон, садятся на приставленные к стенке стулья, и с нескрываемым любопытством и ещё с кое-каким тёмным чувством смотрят на Алекса.

– Мистер. – Обернулся к Алексу, занявший вместе с Простотой свои прежние места в дальнем углу кабинета Старки. – Время не ждёт. Теперь ваша очередь задавать вопросы. – На что Алекс, после того как он потратил некоторое время, вначале на сборы своих сил, а затем уже на свои сборы, под взглядами присутствующих в кабинете людей, с трудом приподымается со своего места – стоящего в центре кабинета стула, на ноги. После чего он озирается по сторонам и, приметив кто, где находится, своим взглядом останавливается на с вызовом смотрящих на него мисс Ми и мистера Ворона. И если во взгляде мистера Ворона проглядывается мстительная ненависть, то во взгляде мисс Ми прямо-таки читается пренебрежение: «Ты только посмей, а я погляжу, на что ты способен!».

– Можете не сомневаться, посмею. – Прохрипел Алекс, вызвав искривлённость рта удивлённой сказанным Алексом мисс Ми. Алекс же тем временем не стройным шагом подходит к своему столу, берёт этот лежащий на столе кусок пластилина и, повернувшись лицом к мисс Ми и мистеру Ворону, присаживается на край стола и, глядя на них начинает в руке мять этот кусок пластилина. И почему-то это, может и не самое обычное разминание рук человека, которое сейчас демонстрировал Алекс с помощью пластилина, по мере его разминания, где он всё это действие сопровождал многозначительным взглядом на не сводящих своего взгляда с его рук мистера Ворона и мисс Ми, постепенно начало сказываться на их внешней непоколебимой уверенности, от которой теперь и не осталось и следа.

Алекс же своим действием – он сжимал этот размягчённый пластилин так, что тот выдавливался между его пальцами – добившись того, что при каждом его сдавлении пластилина, наблюдающим за его движениями людям казалось, что Алекс сдавливает их мозг, заканчивает это своё упражнение, затем раскрывает свою руку, в которой находился этот кусок пластилина, и показывает всем то, что он создал из этого куска. После чего убедившись в том, что все всё поняли, убирает пластилин на стол, затем обойдя свой рабочий стол отодвигает ящик стола и друг за другом достаёт оттуда и кладёт на стол кастет и эспандер. После чего Алекс обратно обходит стол и, заняв своё прежнее место, смотрит на вдруг помертвевшие лица мисс Ми и мистера Ворона. После чего соответственно их нахождению берёт в одну руку кастет, а в другую эспандер и направляется к ним.

– Я же говорил, что вы и есть мой инцидент. – Подойдя к мисс Ми и мистеру Ворону на расстоянии удара, предварил свои зубодробительно-умопомрачительные действия сказанным Алексом.

Глава 8

Не вписывающаяся в общие правила образность мышления

– И что всё это значит? – зайдя в фигурально правильно выдержанный кабинет, того самого, благодаря кино и телевидению самого известного дома, оглядевшись по сторонам и поморщившись, спросил единственного находящегося в кабинете, чему-то или кому-то (ему) улыбающегося пана Паника, вице-президент страны, одновременно со звучной и созвучной нынешнему времени фамилией Шиллинг. На что пан Паника не сразу даёт ответ, – он знает ко всему придирчивую натуру Шиллинга и поэтому даёт ему время осмотреться и освоиться.

И, пожалуй, пан Паника очень верно поступил, ведь вице-президент Шиллинг не только окружающее подвергал сомнению, ну и самому себе часто не давал покоя. «Если бы не моя фамилия и то, что она олицетворяет, то не стать бы мне вице-президентом», – самокритичность вице-президента Шиллинга частенько доходила до своего истерического предела, за которым прорывался его голос, когда в редкие минуты его совестливого пробуждения – тогда его лицо становилось приступным (всё правильно, через букву «и») – к нему обращались с требованием оплатить свой счёт. И он прежде вступить на эту колею плательщика (с него уже одной обязанности быть налогоплательщиком, в которые его записали без его спроса, предостаточно), доставал из портмоне купюру с ликом одного из президентов, и с ненавистью смотрел на эту, что за ненавистную физиономию.

– А ведь у всех у них не такая звучная, как у меня фамилия, и они, не смотря на всё это, не только стали президентами, но и попав своим ликом на купюры, стали нарицательными фигурами. Так может быть, оттого-то я всего лишь вице-президент, что у меня в кармане мало всех этих президентов. – Умопомрачившись от такого озарения, вице-президент Шиллинг тут же складывал развёрнутую для оплаты купюру обратно в свой портмоне и, сославшись на неотложную встречу, в очередной раз попросив официанта записать этот счёт на свой вице-президентский счёт, откладывал свои платежи на потом – на плечи своего сменщика, следующего вице-президента.

«Это мой тонкий посыл будущему поколению – откладывая на потом то, что может привести к неразумным тратам сегодня». – Садясь в свой вице-президентский лимузин, отдавал отчёт своим действиям вице-президент Шиллинг – что поделать, мистер Шиллинг, будучи натурой меркантильной, всегда вёл всему свой счёт и подсчёт.

– Вице-президент. Разве вам неизвестно, что это одно из тех редких мест в этой стране и возможно во всём мире, где если физически не присутствуют лишние уши, то и в других плоскостях их здесь точно нет. – Пан Паника поспешил так завуалировано уверить Шиллинга в том, что ему здесь нечего опасаться в плане «прослушки».

– Если вы в этом так уверены, то у меня нет оснований вам не верить. – Шиллинг, обладая огромным опытом подковерной борьбы, в своём ответе поспешил указать на то, что если что, то пан Паника за всё несёт ответственность, как тот человек, которому он всей душой доверился. Но видимо вице-президенту этого мало и, он, бросив косой взгляд на рабочий стол президента, заговорщицки спросил пана Паника. – Но что же на такое ваше самоуправство скажет сам президент? – Сладко улыбувшись, вице-президент Шиллинг поспешил в своём вопросе заверить всех и в том числе и самого себя, что он здесь не причём, и если опять случится это все объёмное что, то все пусть слышат, что и он сам стал жертвой этих странных обстоятельств. Но разве пана Паника, который не только разрабатывает различные политтехнологии, прописывает образ мышления и поведения президентов, но и иногда, в качестве хобби занимается спичрайтерством, можно смутить всеми этими применяемыми Шиллингом уловками. И пан Паника внимательно и что главное, исподлобья, смотрит на вице-президента и вопросительно говорит:

– Разве в отсутствие президента, не вы его замещаете и ведаете всеми его делами?

И, пожалуй, пан Паника попал в точку и, вице-президент, растерявшись, не знает, что и ответить на эту, до чего же желаемую им, верную аргументацию пана Паника. Пан Паника же тем временем, даже не сомневается в том, что глубоко заложенная в его слова желанная для Шиллинга мысль, нашла отклик в душе и сердце вице-президента, который, как и все вице-, мечтает избавиться от этой всё путающей и так расстраивающей их приставки.

«Как только избавлюсь от этой приставки, то в тот же день, ко всем чертям избавлю себя президента и страну, от всех этих бездельников и официально узаконенных потенциальных подсидел, вице-президентов. – Поглядывая на затылок сидящего впереди него президента, каждый раз поддавался на эти свои размышления вице-президент Шиллинг. – Мне ли не знать, о чём каждую минуту думают все эти потенциальные подстрекатели и враги президентов, вице-президенты. – До чего критичен к себе вице-президент Шиллинг в такие минуты своего внутреннего самобичевания».

– И поэтому, – обращается к Шиллингу пан Паника, – я спрашиваю вас, вице-президент. Разрешите мне здесь вместе с вами присутствовать? – На что Шиллинг, сам того не заметив, расправляет свои плечи, поднимает выше голову и уже с высоты своего хозяйского взгляда, по новому смотрит по сторонам этого, почти что его кабинета. Где после беглого осмотра, взглядом останавливается на этом, всегда привлекавшим его глаз, президентском столе – он уже давно мечтает завалиться на стоящее там кресло и закинуть на этот стол свои ноги в ковбойских ботинках. После же этого небольшого закидывания себя в свою фантазию, он переводит свой взгляд на белоснежные и мягкие диваны и говорит. – В ногах правды нет. Присядем.

И хотя пан Паника всегда настороженно и выборочно негативно относится ко всем этим пословицам и поговоркам – особенно если они идут в разрез с его коленопреклонёнными на стул, конфессиональными пристрастиями – он на этот раз пропускает мимо себя эти, основанные только на одной вере и ни на чём больше, всего лишь народные, а не учёные предположения, и принимает приглашение вице-президента сесть на диван. После же того как пан Паника и вице-президент Шиллинг, с проверкой своей совместимости, устроились на стоящих друг напротив великолепных и мягких диванах, то Шиллинг, как и положено временному хозяину этого кабинета, обложившись с двух сторон подушками, спрашивает пана Паника:

– Ну, что ж пан Паника. Теперь расскажите мне то, ради чего вы позвали меня.

– Вице-президент. – Наклонившись в сторону Шиллинга, заговорил пан Паника. – Вы же знаете, что я являюсь искренним и временами ярым почитателем вашего таланта, и не только кинопродюсерского (Шиллинг лично курировал и даже принимал участие в выпуске некоторых знаковых телепроектов).

– Ах ты, старый паразит. – Хлопнув себя рукой по коленке, вдруг искренне рассмеялся Шиллинг. – Что, хочешь поделиться своими впечатлениями. . . – Шиллинг внимательно посмотрел на пана Паника и продолжил. – А может даже и целыми мыслями насчёт сценария для новых серий моего любимого детища, сериала «Карточного домика» (Конечно, вице-президент, дабы лишний раз не мандражировать и так косо на него поглядывающего президента, не афишировал своё, на уровне продюсирования и консультаций, участие в съёмках этого сериала о жизни президента и его окружения).

– Вначале лишь только впечатлениями. – Скромно улыбнувшись, сказал пан Паника.

– Ну тогда, валяй. – Уже полностью освоившись на своём новом месте, махнув рукой, сказал Шиллинг.

– Вице-президент. – Пан Паника начал с официального обращения. – Вы же знаете, что я хоть и фанатично отношусь к вашему творчеству, но я, тем не менее, всего лишь рядовой поклонник среди великого множества поклонников вашего таланта. Но всё равно, это не только не мешает мне объективно смотреть на то, что вы творите (при этих двусмысленных словах и намёках пана Паника, Шиллинг сжав рукой подушку, внутренне напрягся), а даже как-то

подстёгивает. И чтобы не выказывать свою предвзятость, я хотел бы обратиться к фактам – а с ними, как говорится, не поспоришь (мы ещё работаем в этой информационной области).

– Ну а факты на данный момент говорят нам о том, что при появлении в сетке вещания новых серий вашего сериала, жизнь в конгрессе не просто останавливается, а я не боюсь этого слова, скажу, она замирает – что поделать, конгрессмены тоже люди – и все запланированные сессии, в виду отсутствия кворума, отменяются и переносятся на своё неопределённое время. И при этом ведь, на будущее никто знает, а не будет ли показываться новая серия вашего сериала в тоже самое время, когда запланирована новая сессия конгресса по принятию какого-нибудь важного законопроекта. – Сказав, пан Паника внимательно посмотрел на Шиллинга.

– Согласен, бывают и такие совпадения. – Расплывшись в улыбке, глубоко польщённый этим завуалированным признанием Шиллинг.

– В политике совпадений не бывает. – Прищурившись посмотрел на Шиллинга пан Паника.

– Предусмотренное необходимостью и сюжетом совпадение, разве за это не стоит получить хотя бы «Золотой глобус». – Скромно улыбнулся Шиллинг.

– Ну, разве кого-то может устроить эта проходная награда, когда существует «Оскар»? – не сводя своего взгляда с Шиллинга, спросил его пан Паника.

– Не могу, не согласиться с вами. – Вздохнув сказал Шиллинг. – Но как не вам не знать, как нынче скудно с отличными сценариями. Да и «Оскара» за такое кино не дают. – Приуныл вице-президент Шиллинг, с надеждой посмотрев на пана Паника.

– А если вам предложат отличный сценарий для полномасштабного кино, который определённо будет способен побороться за «Оскара», то вы возьметесь за осуществление этого проекта? – продолжая не сводить своего взгляда с вице-президента, спросил его пан Паника.

– Ну, так сразу, без должной детализации проекта и не скажешь. – Откинувшись, или, вернее сказать, используя спинку дивана, для того чтобы спрятать от пана Паника свои честолюбивые мысли, задумчиво проговорил вице-президент Шиллинг. Ну а как только до пана Паника таким образом была донесена эта мысль, Шиллинг возвращается к своему прежнему положению и спрашивает пана Паника. – Вот, к примеру, я. Скажите, насколько будет интересен ваш проект лично мне? – Вице-президент немигающим взглядом воззрился на пана Паника, ожидая, когда тот даст ему так им желанный ответ. И всё это отлично зная, пан Паника дал ему то, что он так страстно хотел и желал, но только не сразу.

– Вице-президент. – Ещё ближе придвинувшись к Шиллингу, обратился к нему пан Паника. – Вот вы меня давеча спрашивали насчёт правдивости отражения в сериале внутривнутриполитической жизни конгресса. («Что-то я такого не помню», – по слившемуся с внешней обстановкой лицу Шиллинга, прямо-таки читалась его частичная на счёт как раз этого момента, потеря памяти) и о возможности осуществимости в реальной жизни некоторых показанных в сериале эпизодов. – Пан Паника для своей раскочки, а может для чего-то другого, несколько перефразировал до этого заданный Шиллингом вопрос. Чем вновь привёл того в волнительное напряжение.

– А я скажу так. – Для повышения значимости сказанного, а может для того чтобы Шиллинг понял всю важность этого, кто его знает, может и исторического момента, пан Паника сделал эту, до чего же волнующую вице-президента, терпеть уже нет сил, что за долгую паузу. И ведь как бы вице-президент не желал поторопить этого мучителя, пана Паника, он вынужден не смочь этого делать, а глядя в его, так близко к нему находящиеся бесцветные глаза, вынужден сидеть и внимательно слушать того единственного, кто смеет никого из здесь власть имущих не слушать – часы.

«А ведь умение заставить время работать на себя, и есть тот основной критерий, по которому измеряется профессионализм политика, – вице-президента Шиллинга вдруг озарила эта, до чего же провидческая догадка. – А если взять и подвести часы президента, например, впе-

рѣд. То тогда президент, сам того не понимая, всегда будет принимать лишь поспешные решения, а не как он будет думать – решения, опережающие время. – Про себя усмехнулся Шиллинг. – А если его часы подвести назад, то президент всегда будет опаздывать и не успевать вовремя реагировать на угрозы миру и стабильности своего государства. И в третьем, самом худшем для него случае, ход его часов можно сверить, допустим, с ходом моих часов и тогда ...– от таких своих, папахивающих диверсией и экстремизмом предположений, у вспотевшего Шиллинга замерло сердце, и он даже не смог продолжить эту свою захватившую всего его мысль».

Пан Паника же, усмотрев в Шиллинге обуявшее его волнение, продолжил свой рассказ. – Жизнь иногда преподносит нам такие сюрпризы и водовороты событий, что ни одна фантазия режиссёра и сценариста – а они всё равно все свои даже фантастические идеи, черпают из жизни – не поспевает за ней.

– Вы это о чём? – спросил мистер Шиллинг пана Паника.

– Вице-президент. Вы лучше меня знаете о том маркетинговом, так часто используемом в кино для привлечения внимания зрителя приёме, когда перед началом фильма рассказывается о том, что действие фильма основано на реальных событиях.

– И. – Застыв в одном положении, только и позволил себе сказать Шиллинг.

– Ну а как вы относитесь к тому, чтобы фантазия авторов вашего сериала, так сказать, имела право на жизнь? – тихо спросил, пока ещё вице-президента Шиллинга, пан Паника.

– Это касается меня? – вспотев от напряжения, дрожащим голосом спросил, пока ещё вице-президент Шиллинг, пана Паника.

– Да. – Кивнув головой, ответил пан Паника.

– И вы думаете, что это достижимо? – осторожно, чтобы не спугнуть пана Паника, спросил его, пока ещё вице-президент Шиллинг.

– Ну, при должном желании, даже и осуществимо. – Несказанно обрадовал вдруг покрасневшего, пока ещё вице-президента Шиллинга, пан Паника. Ну а такую новость разве можно спокойно пересидеть, и вице-президент Шиллинг не выдерживает и, подскочив с дивана, начинает ходить вдоль этих друг напротив друга стоящих диванов. Пану Панику же в свою очередь, дабы не попасть под горячую размашистую руку Шиллинга, пришлось вжаться в диван и там ждать, когда первая взволнованность вице-президента спадёт. Когда же такой момент настал, то Шиллинг вновь занимает своё место напротив пана Паника и, придвинувшись к нему, задаёт один единственный волнующий его вопрос: Как?

На что пан Паника, ничего не скрывая, а просто из-за нецелесообразности, что-то недоговаривая, а некоторые вещи умалчивая, отвечает ему: А вот так! Правда этот его ответ, в реальности был более развёрнутым и детализированным, но в данном, с текстовой расшифровкой случае, по причине повышенной секретности и необходимости сохранять интригу для многочисленных противников и врагов вице-президента Шиллинга, которых после того, как он стал вице-президентом, выросло в разы, этой краткости вполне будет достаточно.

После же того, как пан Паника изложил своё видение своего предложения, он вернулся к своему прежнему положению наблюдателя и принялся ждать от вице-президента, что же он на всё им предложенное скажет. Шиллинг же в свою очередь, для проформы слегка посомневался – но кого он хочет обмануть, близость осуществимости желания уже не принимает в расчёт любые разумные предостережения – попытался посмотреть на пана Паника с разных ракурсов и расстояний – он, прищуривая и закрывая поочередно свои глаза, то откидывался на спинку дивана, то наклонялся в сторону пана Паника – после чего с видом, так уж и быть, ты под свою ответственность уговорил, пространно выразил своё согласие.

– Это может и фантастично звучит, но мне кажется, что всё это вполне осуществимо. – Приложив руку ко рту, чтобы по нему не смогли прочесть то, что он сказал, тихо проговорил Шиллинг.

– Вице-президент. Я рад это слышать. – Сказал, вставая пан Паника – ему вдруг до нестерпения сложно стало находиться в положении сидя, перед без пяти минут ... Ну а дальше и так понятно. Что, видимо, понимаемо и Шиллингом, который тоже решил подняться вслед за паном Паникой.

– Вице-президент. Теперь всё в ваших руках. – Сказал пан Паника Шиллингу, который почему-то принял эти слова буквально, и внимательно, как будто в первый раз видит, посмотрел на свои большие руки. После чего улыбнулся, скорей всего от осознания того, что эти большие руки, от которых всё зависит, принадлежат именно ему и, посмотрев на Панику, сказал. – Можете не беспокоиться. Они не подведут. А если что, то обратимся за помощью к богу. А он никогда нам ни в чём не отказывал. – Шиллинг не удержался и поспешил намекнуть на свои обширные связи в лоне церкви.

– Вот и отлично. – Ответил улыбающийся пан Паника. – Вашими бы молитвами... – Но пану Панику не удаётся закончить эту свою мысль, как вдруг мистер Шиллинг хватает его за руку и своим полным волнения вопросом, перебивает его. – Неужели и сам... одобрил? – бросив указующий в небеса, а не на потолок взгляд наверх, вдруг задаётся вопросом Шиллинг.

– Сэр. Вы же знаете, что человек грешен. Ну а кому, как не самой церкви, быть среди первых, кто должен услышать призыв грешника о помощи. И она, как мне кажется, его всегда услышит. – Иносказательно, правда без использования притч, в общем, так, как и положено быть, когда дело касается вопросов души, сказал пан Паника.

– Я, конечно, понимаю такую направленную на человеческий грех склонность этого духовного института. – Включился в свою иносказательность мистер Шиллинг. – Но меня интересует другой вопрос. Как мы сможем с ними договориться, когда разрабатываемый нами проект глобализации не предусматривает участия этого священного института в дальнейшем рынке дележа умов? И не воспользуется ли этим противоречием наш стратегический «партнёр»? Он ведь позиционирует себя как яростного защитника традиционных ценностей.

– Для начала, как всегда, будем лавировать понятиями. – Сказал пан Паника. – Ну а когда время придёт, то к нам придёт обязательно откровение, и мы все вдруг поймём и обязательно всех оповестим, кем на самом деле является наш стратегический «партнёр». – С долей пафоса сказал Паника.

– И кто? – не удержался от вопроса Шиллинг.

– И придёт, и увлечёт обещаниями и ложными идеями. – Трагическим голосом заговорил пан Паника, заставив от услышанного онеметь мистера Шиллера. – И чудесами, которые дано было ему творить... будет обольщать живущих на земле... И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их. – Пан Паника посмотрел на побледневшего мистера Шиллера и добавочным словом просто добил его. – И... никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. – Правда, не успел пан Паника закончить читать по памяти эти откровения Иоанна, как сменивший бледную окраску своего лица на гневную багряноту, вице-президент Шиллинг вдруг закипел.

– Это вы на что тут намекаете?! – рассвирепев, заорал мистер Шиллинг, уставившись на не ожидавшего такого резкого перевоплощения мистера Шиллинга пана Панику.

– Вы меня не так поняли. – Пospешил броситься в оправдания Паника. – Это я о нашем стратегическом «партнёре».

– Я это прекрасно понял. – Скорее всего соврал никогда в этом не признающийся мистер Шиллинг («И правильно сделаю, потому что я, как политик, не могу поступить иначе. Ведь политика есть оправданная ложь. И мы политики, её проводники по жизни, имеем один лишь главный критерий оценки сущего – интерес»). – Пойманный на лжи, а по словам самого Шиллинга, на ошибочном представлении действительности, он частенько таким образом аргументировал такую свою болтливую предсказуемость). – Но не все же такие понятливые, как я. И

не возникнет ли после ваших заявлений путаница? Ведь идея антихриста не нова, и ладно если бы только особо горячие головы примеряли корону врага человечества на их земные, в диктаторском обличии воплощения. Но, нет. И некоторые идут дальше, заявляя, что антихрист, это не персоналия, а коллективный разум или идея.

– Вице-президент. Насчёт правильного понимания того, кто есть антихрист, а кто нет, можете не беспокоиться. – Язвительно улыбнувшись, проговорил пан Паника. – Разве мы зря скупили и держим под своим контролем все средства массовой информации. Пусть объясняют и направляют в правильное и главное, нужное нам русло, ту мысль, какую мы решим внушить человечеству.

– Ну, тогда я спокоен. – Удовлетворённо сказал Шиллинг, поглядывая на часы.

– Что же касается упомянутых вами ценностей. – Сказал пан Паника, после того как вслед за Шиллингом посмотрел на часы и выдвинулся с ним в сторону дверей. – То мы, как вы и просили, разработали новую программу по переоценке ценностей, на которой настаивали наши разволновавшиеся за будущее наших отношений партнёры по общему оборонительному блоку.

– И что, проблем не возникло? – спросил Шиллер.

– Как я вам и говорил – ничего сложного. Одну большую проблему, всего лишь нужно раздробить на множество мелких, уже и не таких проблем, а так лишь частных. Ну, а изменив качественный подход к пониманию общей проблемы, через понимание частной судьбы, которая на первом этапе рассмотрения, может быть всего лишь стала невинной жертвой этой общей идеи, мы в итоге добьёмся того, что общая проблематика той случившейся беды ли, со временем исчезнет. – Уже стоя у дверей кабинета, закончил своё иносказание пан Паника.

– Что ж. Невинные жертвы общей идеи, это интересно. – Задумчиво сказал Шиллинг. – А не воспользуется ли наш стратегический «партнёр» этими нашими наработками?

– Но они же всегда были против сравнений. – Пан Паника в ответ даже удивился тому, до чего же Шиллинг недалёковидный вице-президент.

– Но вы же сравниваете. – Шиллинг вдруг решил проявить упрямство. Но пан Паника, посчитав, что он сегодня и так достаточно много чего сказал Шиллингу, смотрит на часы и намёкливо говорит ему. – Мистер вице-президент. Мне, кажется, что вас уже заждались. – На что Шиллинг, вначале было дёрнулся рукой, для того чтобы убедиться в этом – он хотел посмотреть на свои новенькие, очень дорогие и главное, он ими ещё ни перед кем не хвастался, что за часы – а желание пустить золотую пыль в глаза, так и тяготит руку – но тут вдруг вспомнил про одиноко стоящие президентские часы, насчёт которых у него было столько тайных планов и, решив, что свои новенькие часы от него никуда не уйдут, а вот президентские, трудно сказать, посмотрел на них.

И тут вдруг, на вице-президента как будто что-то нашло, и он к изумлению пана Паника, взял и отодвинул его со своего прохода и решительно направился к приставленному к стене столу. Подойдя же к столу, вице-президент наклоняется к стоящим на нём настольным часам, внимательно на них смотрит, после чего вытягивает свою руку из рукава костюма и теперь уже смотрит на опоясавшие его руку часы.

– Мне, кажется, что президентские часы уже не отражают того времени, в котором живёт наше общество и страна. – Посмотрев на пана Паника, сказал вице-президент.

– Вы так думаете? – с прищуром спросил Шиллинга пан Паника.

– Несомненно. – Ответил Шиллинг.

– И как же тогда быть? – спросил пан Паника.

– Произвести сверку времени. – Сказал Шиллинг, демонстративно выставив свою руку с часами. После чего Шиллинг вновь возвращает себя к настольным часам и с помощью поворотного механизма часов, делает то, что задумал – сверку и подвод часов. На что много времени тратить не нужно, и как только Шиллинг таким образом облегчил свою терзаемую всё

это время душу, то он оставляет в покое часы и, улыбнувшись пану Панике, возвращается на своё, да этого поворотного момента занимаемое место.

– Так о чём вы мне тут говорили? – по возвращению на своё прежнее место, сразу же задался вопросом Шиллинг.

– Я говорил, что вас, пожалуй, уже заждались. – Неуверенно сказал пан Паника, который хоть и понимал, чем был вызван этот душевный порыв Шиллинга (хочет распоряжаться президентским временем), но всё же ему хотелось поподробничать, а не следовать в фарватере вопросов Шиллинга.

– А куда они денутся. Подождут. – Подмигнув пану Панике, усмехнувшись сказал Шиллинг, открывая дверь.

– Ну вы уж сильно там, на них не давите. – Улыбнулся в ответ, смилившийся с данностью пан Паника.

– Там посмотрим. – Бросив на прощание эту фразу, Шиллинг вышел в коридор. Оказавшись же в коридоре, мистер Шиллинг вначале, как и должно быть, посмотрел прямо – этот не слишком длинный путь вёл в зал кабинета министров. После чего мистер Шиллинг незаметно покачал головой, он видимо решил, что ему не по пути со всеми этими министрами, которых не он назначал, и поэтому повернулся налево. Этот же коридорный путь, был куда длинней и, пожалуй, куда более интересней, нежели тот первый, на который обратил своё мимолётное внимание мистер Шиллинг.

Почему интересней? Да хотя бы потому, что если идти прямо и некуда не сворачивать, то уткнёшься в стену, за которой так хитро спрятался центр повышенной безопасности, куда, в общем, Шиллинг всегда успеет зайти и поэтому пока не спешит идти туда даже в мыслях. А вот если при подходе к этой стене, свернуть направо, и далее пройти до первой ведущей налево двери и заглянуть туда, то через этот вход, можно будет пройти в священную обитель всякого вице-президента – бюро вице-президента.

«Да. Этот кабинет может и не такой известный, но несомненно самый лучший кабинет во всём этом доме. Ну, по крайней мере для меня». – Всё-таки в конце этого своего размышления, вице-президент Шиллинг решил не забываться и сделал небольшую поправку на свою субъективность. – А всё-таки почему, именно в названии президентского кабинета применили образный, фигурный подход, тогда как все другие комнаты этого дома, не проявляя большой изобретательности, назвали исходя из преобладания в них того или иного цвета? А ведь здесь ничего не делается случайно, и всё имеет свой знаковый смысл и подтекст.

– Наверное, кабинет президента специально выдержан в нейтральных цветах, чтобы ничто не могло повлиять на принятие им глобальных решений. Ведь все знают, что различные цвета имеют в своей основе разную длину электромагнитных волн и, благодаря этому, оказывают на человека различное психологическое влияние. И кто знает, и не захочет ли раздражённый и побуждаемый красным цветом к немедленным действиям президент, без предварительных консультаций с конгрессом – ему теперь не терпится – развязать, или, вернее сказать, побудить к миру очередного диктатора, которых, что даже становится странно видеть, в последнее время слишком много в этом однополярном мире развелось. Хотя они, как и та мифологическая гидра, стоит ей только одну голову подвесить, как на её месте вскоре вырастает сразу две или несколько. – И тут перед размышляющим вице-президентом Шиллингом в один момент предстала воображаемая им картина:

– А ну подать мне немедленно, самые сверхсекретные карты, с изображением на них всех наших стратегических сил сдерживания! – вдруг ни с того ни с сего (ага щас, ни с сего – красный цвет побудил), закричит на вызванного к себе в свой фигурально правильно выдержанный кабинет, председателя объединённых собой комитета начальников штабов, сурового генерала четыре звезды, «голову оторву» Данфорта, всегда такой уравновешенный, а сейчас прямо-таки не находящий себе места, президент Шиллинг (вице-президент Шиллинг в своих

мыслях имеет право мыслить всё, что он хочет и поэтому он ничего с собой поделаться не может и представляет на месте президента самого себя).

Так вот, всегда такой сдержанный и ищущий мирные пути разрешения возникших проблем президент Шиллинг, на этот раз всё же выведен из себя и разъярён, после того как ему доложили последние, до чего же мрачные политические новости (а на самом деле под воздействием красного цвета, побуждающего его на немедленные действия) – самоуверенный в своей безнаказанности, некий, много о себе думающий (этим все диктаторы и отличаются от демократично выбранных президентов, которые в отличие от них, о себе никогда не думают, а спать не могут, думая о других) северный диктатор Ким, в очередной раз решил проявить себя с авторитарной стороны и, запустив ракету из рогатки (при его-то технической отсталости, разве от него можно ждать что-либо другое), тем самым покусился на святое – самолично, без создания коалиции, взял и объявил свою без полётную зону, а заодно нарушил природное право местных уток на свободный перелёт. И теперь спрашивается, как он посмел нарушить их авторское право, в котором чётко прописано, что право объявлять безполётную зону, имеет только их западная, а ни какая-нибудь другая северная и не дай бог восточная, сторона.

– Это просто уму непостижимо. Да как он смел!? – недоумённо воскликнул потрясённый такой самоуверенностью этого Кима президент Шиллинг. И пока посыльный за картами – генерал всего лишь три звезды, «бульдог» Дремм (у каждого генерала должно быть своё мифическое прозвище – это прибавляет ему вес в генеральских рядах, да и враг пусть страшится) убежал за стратегическими картами, плюс на всякий случай за игральными и картами Таро, ну и заодно (чтобы два раза не бегать) за ядерным чемоданчиком, президент Шиллинг таким возмущённым способом пытается за важными разговорами занять своё время.

– Дремучий, необразованный народ. Что с него взять. – В ответ пожимает плечами стоящий с непроницаемым лицом, «голову оторву» (это у него была такая присказка при отдаче приказа – если ты голову не оторвёшь противнику, то я твою оторву) генерал Данфорт, для которого чувствительность есть рудимент, пережиток гражданского прошлого – настоящему солдату присутствие этого физического элемента только затрудняет службу и поэтому должен выжжен напалмом.

– Стратегически мыслите, генерал. – Похвалил, пока ничего такого за собой не заметившего генерала Данфорта, президент Шиллинг. – А вот то, что нам с этого возмутителя общего спокойствия можно взять, то это мы сейчас посмотрим. – Сказал президент Шиллинг, и, вызвав к себе главу аналитического и заодно статистического отдела, от нетерпения их ждать, вслед за этим залез в свой карманный источник информации – электронную энциклопедию, которую он, будучи ещё не президентом, скачал на одном из пиратских торрент сайтов – что поделаться, раз человек иногда слишком слаб перед искушением бесплатного нелицензированного продукта (но это было единственное, чем не мог похвастаться перед своими избирателями, тогда ещё кандидат в президенты, мистер Шиллинг, ну а зная, до чего же хвастливую натуру мистера Шиллинга, можно вполне догадаться о том, сколько же ему душевных мук вся эта скрытность стоила. Что и говорить, а из-за одного только этого, нужно было голосовать за мистера Шиллинга).

Ну а президента можно понять, ведь он по причине национальной и заодно своей безопасности, постоянно находится в жёстких рамках множества ограничений и поэтому не может пользоваться общедоступными продуктами – той же находящейся в свободном доступе, в онлайн режиме свободной энциклопедией – вот ему и приходится пользоваться тем, что имеет.

Так что президент Шиллинг, пока есть время, быстро пролистал свою электронную энциклопедию и, найдя нужную страницу, погрузился вначале лицом в экран, а спустя совсем ничего, подняв на генерала своё полное сомнений лицо и, глядя куда-то сквозь него, погрузился мыслями в самого себя. И, пожалуй, удручённый вид президента Шиллинга требовал

от генерала четыре звезды Данфорта, хотя бы слов поддержки, но разве от него дождётся хоть чего-то путного, кроме тупого внимания. И, конечно, президент Шиллинг вновь поддавшись оказанному на него цветовому раздражению, раздражился и, подскочив со своего кресла, прежде чем накинуться на этого равнодушного к его президентской судьбе генерала, со всего маха запулил в его сторону этот свой электронный гаджет.

После же того, как гаджет не достиг своей заброшенной цели – головы генерала Данфорта, президент Шиллинг, чьё умонастроение могло бы смягчить это его попадание, а не как недальновидно для страны посчитал вовремя уклонившийся генерал – промах, оставшись в переполненном нервном состоянии, начал выпускать пар через своё возмущение.

– На этот раз ваша правота генерал, слишком дорого нам будет стоить. – Президент Шиллинг для начала решил мстительно уколоть генерала за проявленное им равнодушие и ловкость при уклонении от брошенного в него гаджета.

– Ну до чего же беспринципен, циничен и безответственен, этот, что за негодай, диктатор Ким. Знает же, что с него нечего взять и, пользуясь своим нищенским положением, ведёт себя так, как только ему вздумается – задирает нас, нравственно богатые страны. – Президент Шиллинг возмущаясь, в приподнятом с кресла настроении – волнении, начал прохаживаться вдоль кабинета, пытаясь нащупать хоть какой-то выход из создавшегося тупика.

– Генерал. – Остановившись напротив генерала, обратился к нему президент Шиллинг. – В конце концов, вы или я, глава объединённых штабов! И может быть вы, наконец-то, перестанете молчать и что-нибудь дельное предложите. – Ну а что мог поделывать генерал четыре звезды Данфорт, если он был по жизни дальтоник и он так сказать, находился в неравном положении с президентом, который черпал свои силы из этого красного цветоизлучения. С другой же стороны, и самому президенту никогда нельзя забываться, особенно когда ты находишься наедине с военными, которые, как натуры более чем прямые, могут воспринять всё им сказанное со своей прямой, только ими понимаемой стороны (так и до переворота и не только в умах, недолго).

И генерал четыре звезды Данфорт, когда президент задался этим провокационным вопросом – кто из них есть председатель штабов – не успел потеряться и сразу прямо подумал, что раз один из них двух здесь находящихся в кабинете людей, один точно президент, а другой председатель штабов, и при этом, президент ли(?) настаивает ... Ну ладно, сомневается в том, что председатель штабов, это он, генерал, то тогда выходит, что он генерал Данфорт пошёл на повышение и в один миг по поручению президента, сам стал президентом – а ведь это, наверное, самый первый бескровный государственный переворот.

– Что за чушь! Только обойдённые генеральским вниманием, чёрные от горечи за такую свою судьбу полковники, способны на государственный переворот. – В одну свою нервную мысль перебил размышления этого, кто бы знал, до чего же честолюбивого генерала Данфорта, возмущённый всем тем, что он сам тут и надумал, вице-президент Шиллинг. После чего вице-президент Шиллинг, глубоко продышавшись, слегка успокоился и, решив, что не будет лишним присмотреть за генералом Данфортом и если что, использовать его честолюбивые желания в своих целях, опять вернулся к своим размышлениям, насчёт этой, как оказывается, столь влиятельной группы колористов.

– Ну это (о чём это он уже сложно понять), ладно, понятно. Хотя не совсем понятно, почему эти колористы, такой значительный вес приобрели в государственном аппарате. Куда не посмотришь, везде всё определяет цвет – оранжевый, жёлтый уровень опасности, красный, жёлтый цвет сигнала светофора. Да уж. – Задумчиво потёр свой подбородок Шиллинг. – Но всё-таки, что же значит этот овал и что за всем этим стоит? И хотя бы только для того, чтобы ответить на этот вопрос, стоит стать президентом. – Как обычно, мысли вице-президента подошли к своему логическому, всегда одинаковому окончанию и, уткнувшись в этот тупик, на этом месте остановили размышления вице-президента.

– Да уж. А у меня самый обычный, без всяких вычуров, на четырёх углах кабинет. – Безнадёжно вздохнул мистер Шиллинг. – А ну, стоп. – Вдруг натолкнувшись на только что промелькнувшую мысль, жёстко остановил себя Шиллинг. – И ведь точно. – Чуть ли не просветлел от своей догадки Шиллинг. – У президента кабинет именно такой формы, для того чтобы у стороннего наблюдателя создавалось впечатление, что его невозможно загнать в угол, да и без спинных углублений поставить к стенке, будет сложно так с ним поступить. Так вот откуда президент черпает свои бесконечные силы – из своей безнаказанности (его даже некому поставить в угол – а вот в качестве примера, на вид, то всегда завсегда). Но так ведь нечестно. – Вице-президент в очередной раз осознал, до чего же мир несправедлив к вице-президентам и ему стало до глубины души обидно за президента, который не гнушается всяким и даже таким допингом, чтобы всегда быть первым.

После же всего этого размышления, вице-президент Шиллинг мыслями ещё раз вернулся в свой самый обычный, с углами кабинет, слегка передохнул, присев в одном из его углов, куда он время от времени заходит для того чтобы себя побуждать к действиям (он таким образом, себя наказывает за свою лень и недостаточную деятельность) и, вернувшись в реальность, посмотрел в ту сторону, куда тут же направились все его мысли – центр повышенной безопасности, и после ...Да и без всяких размышлений и после, не спешным шагом выдвинулся по ведущему в эту секретную комнату коридору. Ну а такой не спешный ход мистера Шиллинга давал ему возможность обдумать то, что ему сообщил сейчас пан Паника. За что было и взялся мистер Шиллинг, но последняя мысль, как и должно быть последней мысли, полностью завладев им, отвлекла на себя всё внимание Шиллинга и, он представив все эти ожидающие его в ситуационной комнате (о секретном кабинете он подумал, потому что за ним находился его любимый вице-президентский кабинет) лица, с этим к ним вниманием и двинулся вперёд.

Ну а судя по тому, что лицо мистера Шиллинга несколько скисло при всех этих его представлениях, то можно было предположить, что все эти ожидающие его лица не вызывали у него больших симпатий и такого же желания их видеть. Что (их не видеть), опять же сложно сделать, когда мысли о них полностью завладели тобой, а это в свою очередь заставляет мистера Шиллинга злиться на них. И, пожалуй, мистер Шиллинг так бы и не избавился от всех этих своих недружественных мыслей к этим господам, пока, в конце концов, не оказался в ситуационной комнате, если бы к своему удивлению не натолкнулся на исходящий из попавшей на его пути президентской столовой – там президент под телевизор, в ограниченном собой или семьёй круге, перекусывал тем, чем бог или сервисной служба подаст – завораживающий не только его нос, но и мысли, запах приготовленного обеда. И хотя здесь не пахнет жареным, как из предыдущего, просто проходного без особого названия кабинета, мимо которого чуть ранее прошёл Шиллинг – там много чего позволял себе всем известный Билл, всё же это заставляет Шиллинга замереть на месте и начать принохиваться.

– Интересно, а что сегодня такого вкусного приготовили для этого президента? – вице-президент Шиллинг почувствовав, что исходящий запах несравненно вкусен, а его при этом, кажется, сегодня никто побеспокоил ознакомиться с меню (он же всего лишь вице-президент – перебьётся теми крохами, что останутся после обеда президента), вдруг нервно разозлился на этого (он от обиды, в именовании президента специально использовал этот, почти что предлог «этот») президента, которому не мешало бы посидеть на диете. «Одним всё, а другим лишь крошки со стола!», – до глубины своей исхудалой души возмутился вице-президент Шиллинг, чувствуя себя ущемлённым в своих правах и обойдённым стороной вниманием сервисной службой самого известного дома.

«Всё и без лишних слов понятно. Они кроме него великого (очень горестно, как будто оторвал от самого себя, произнёс это прилагательное Шиллинг), никого не видят рядом с ним. Кто я для них. Тьфу, всего лишь один из множества всегда вторых». – Слегка скульнув от

такой несправедливости, мистер Шиллинг вдруг почувствовал, что не знает, куда девать свои ставшие ненужными такие большие руки.

«Лучше быть никем, чем вечно вторым». – Шиллинг горестно вспомнил эту спортивную мысль чемпиона, вбиваемую ему его тренером по бегу и, сжав в кулаки свои вновь обретшие нужность руки, посмотрел в приоткрытую, ведущую в президентскую столовую дверь. Но видимо вид отсюда, из коридора, не предполагал больше ничего, кроме того, как ограничиваться фантазиями, на которые подбивает этот изумительный запах и, пуская слюну, давиться от любопытства, что крайне не устраивало Шиллинга, раз он, оглянувшись по сторонам и, не заметив примечающие чужие поступки лица сотрудников этого дома, быстро приблизился к чуть приоткрытой, ведущей в столовую двери и заглянул туда.

И как говорится, одного только взгляда на заглядывающего внутрь президентской столовой вице-президента Шиллера хватило, для того чтобы понять, как он в очередной раз разочаровался в самом президенте, и заодно в том, что президент не он. «Я так и знал, – в один момент обомлев от увиденного роскошества обеденного стола, подогнулся в коленях и в вере в единого президента, вице-президент Шиллинг. – Он не то чтобы меня (я уж как-нибудь переживу), свою супругу Мелани (она как-нибудь и без него переживёт, и если захочет, то со мной), но он же весь доверившийся ему и вручивший в его руки свою судьбу народ обманывает!». – Как замороженный стоит вице-президент Шиллинг и не может отвести своего взгляда от всего этого изобилия, которым наполнен обед президента.

«Да как он мог?! – Горечь обиды на президента за такой его обман своего доверия, пронзила сердце вице-президента Шиллинга. – Он же перед всей своей администрацией клятвенно заверял нас, что начинает вести здоровый образ жизни и садится на диету. – Тяжко вздохнул Шиллинг. – А ведь некоторые генералы и даже конгрессмены, услышав это заявление президента, посмотрев по сторонам и, найдя ничего похожего на диету, переглянувшись, таким образом выказали своё удивление, так и не поняв, что имел в виду президент». – Вице-президент Шиллинг улыбнулся, вспоминая этих не умеющих, как он, сдерживаться и не выказывать своего незнания, что за недотёп конгрессменов.

«А это ещё что такое? – Шиллинг даже побледнел, заметив стоящий на отдельном столике на колёсиках торт. – Да как так-то? – У Шиллинга уже нет слов, и как говорится в таких случаях, одни только слюни, при виде этого, всего в свечах торта. И тут вдруг на мистера Шиллинга как будто что-то, или, вернее сказать, какое-то умопомрачение нашло. И он, потемнев лицом и, налившись кровью в глазах, не иначе, как завыл про себя. После чего заскрипел зубами и начал себя злобно побуждать к немыслимым действиям.

– Ах, вот значит как! – вице-президент Шиллинг от злобы и ненависти сорвался на внутренний крик и, грозно раскричавшись про себя, начал себя нервно распалать: «Но как говорится всему есть предел, и президент перешёл все границы! Нас значит, вводит в заблуждение своей приверженностью к вредной фаст-фуд еде, раз за разом демонстрируя себя в соцсетях с пачкой чипсов (это понятно, что нужно рекламировать корпорации и своим личным участием продвигать такой образ жизни в регионы), когда на самом деле, он трескает за обе щёки всякие мясные (вегетарианец хренов) деликатесы и балует себя тортом. А я может быть тоже, хочу торт!». И вот вновь на вице-президента Шиллинга что-то нашло, а скорее всего мрачное, затмевающее всякую здравость мысли умонастроение и, он, совсем потеряв голову, ничего не видя вокруг себя (ему повезло, что никого вокруг не было), кроме разве что только этого торта, с закатанными рукавами и руками на голо бросается на него.

– На, получай, сладкоежка! – с первого же удара мистер Шиллинг нанёс непоправимый ущерб шоколадной фигурке, изображающей президента, которую он отправил в вечный нокаут, куда-то туда, под стол. – А это ещё что за чувырла? – ещё полный ярости, но уже с присутствием радости на лице, после того как шоколадная фигурка президента была так лихо

им повержена, Шиллинг так приметливо и точно заметил, что из себя представляла стоящая рядом с фигуркой президента другая женская фигурка.

– А, я понял. – Тревожно для этой шоколадной фигурки усмехнулся Шиллинг, и тут же проявил свою женоненавистническую сущность, и не просто неделикатно, а по варварски схватив эту фигурку и, вытащив её из торта, приблизил к своему расплывшемуся от предстоящей возможности приобщиться к сладкому, до чего же противному лицу.

– Мелани. – Проговорил вице-президент Шиллинг и, не сводя своего плотоядного взгляда с этой шоколадной фигурки, так хищно облизнулся, что тут же слизнул половину платья с этой так названной им фигурки. После чего Шиллинг, видимо, распробовав насколько сладка эта шоколадная Мелани, уже без всех этих фамильярностей, полностью, прямо с ногами, запихнул себе в рот этот объект своих вожделений. Справившись же с этими попавшими ему под руку фигурками на торте, мистер Шиллинг смотрит на торт и только сейчас замечает нарисованную кремом поздравительную надпись на торте.

– Вот же какая неприятность. – Прочитав это поздравление, растерянно проговорил Шиллинг, вдруг почувствовав, что сладкое на голодный желудок слишком тошно выходит есть, да и к тому же теперь хочется пить. Но мистер Шиллинг, несмотря на большое желание разбавить себя водой, не идёт к столу, а опускается чуть ли не на коленки на пол и начинает искать сбитую с ног и с торта шоколадную фигурку президента. – И куда этот президент завалился? – шаря рукой под соседним столом, раскрасневшийся мистер Шиллинг, словом и делом спешит подогнать себя. И, пожалуй, это ему помогло, раз мистер Шиллинг вскоре находит, благодаря ему, пропавшую фигурку президента.

– Ну, наконец-то, нашёлся, сволочь. – Нашупав фигурку под столом, слишком откровенно высказывая своё видение президента, вытащил на свет божий саму на себя непохожую фигурку президента Шиллинг. И хотя мистер Шиллинг, сам есть та причина, в результате которой фигурка президента, так деформировалась всеми частями себя, он не только удручается, а как-то даже злобно смеётся. «А ведь теперь при взгляде на неё, у свободных от мыслей художников и других степеней заумности авангардистов, появляется широкая тема для обсуждения и поиска ответа на главный вопрос – что же всё-таки пытался воссоздать или вложить в эту ромбическую фигуру её творец, явный последователь Пикассо, кулинар Жако». – В обращённом на эту сплюснутую и размазанную фигурку президента задумчивом взгляде мистера Шиллинга сейчас совершенно не читалась эта, возможно и промелькнувшая одна из многих его мыслей. И, пожалуй, на неё, если бы хотел, то ответил бы и сам вице-президент Шиллинг, но он теперь уже чрезвычайно занят тем, что ищет для себя выход из создавшегося положения, в которое он сам себя и загнал.

И хотя самый лучший выход находится прямо перед глазами Шиллинга – через дверь ведущую в коридор – он не спешит ею воспользоваться, а начинает пытаться выправить ситуацию с деформированной фигуркой президента. Из чего у него, как и можно было ожидать ничего не выходит и, Шиллинг ещё больше рассвирепев на этого вечно ему идущего наперекор президента, не выдерживает и, смачно плюнув на неё, со всего маху, по самую голову вбивает эту фигурку в торт.

– И так сойдёт. – Чуть было не плюнул на торт, злобно на него смотрящий Шиллинг. После чего Шиллинг выпрямляется, обзорно смотрит на торт и, с загадочной улыбкой протянув свои руки к поздравительной надписи, начинает делать поправки в поздравительную надпись на торте. После чего облизав свои запачканные кремом пальцы, фиксирует в своей памяти полученный результат и уже после этого, пока его здесь не обнаружили, быстрым шагом подходит к ведущей на выход двери. Где он на этот раз резко не распаивает её, а слегка приоткрыв, заглядывает в коридор. Там же убедившись в том, что проход свободен, быстро делает переход и, оказавшись в коридоре, скоро удаляется по направлению ситуационной комнаты.

Глава 9

Место встречи – ситуационная комната

– Ничего нового. – Глядя на то, как председательствующий на совещании вице-президент Шиллинг, занимая своё председательское место, ставит перед собой на стол принесённый с собой небольшой глобус, еле слышно проговорила леди госсекретарь Брань.

Госсекретарь Брань, как и все здесь присутствующие высокопоставленные чиновники, была в числе тех избранных, кто по долгу своей службы часто присутствовал в этой «ситуационной» комнате, названной так, по той же заключённой в её названии причине необходимости поиска выхода из создавшейся, всегда почему-то чрезвычайной, а не как всем здесь присутствующим желалось бы – по радостной причине.

– Что вы имеете в виду? – заинтересованно спросил госсекретаря Брань, нуждающийся (по причине утраты самоуверенности) в поддержке, пока ещё новичок здесь, подкативший к ней на кресле на колёсиках недавно назначенный генпрокурором мистер Снайпс. Впрочем, на таком же, как и у всех здесь в комнате, за общим столом сидящих в первых рядах людей.

Что же касается внутреннего интерьера этой секретной комнаты, то в ней ничего необычного не было. Так в середине комнаты, на всю её длину был установлен продольный стол, за которым и помещались основные действующие лица. Сбоку от самого стола, на стене был подвешен большой экран для видео присутствия какого-нибудь востребованного сейчас здесь, но пока удалённого лица, вдоль же его сидели всё больше центральные фигуры президентского аппарата, ну а во втором внешнем ряду, состоящем из приставленных к стенам стульев, сидели всё больше консультативного характера, вспомогательные и второстепенные люди и советники.

– Всё очень просто. – Откинувшись головой на мягкое кресло, проговорила леди Брань. – Это такой психологический приём по выпуску накопившейся нервозности. Когда внутренняя ситуация в стране не складывается, как того хотелось бы, то легче всего перенаправить внимание на внешнее – начать без конца крутить глобус в поисках того, на ком можно выпустить пар.

– И что, получается? – спросил её генпрокурор Снайпс.

– А вот как только он начнёт выкручиваться, то об этом мы тотчас и узнаем. – Усмехнувшись сказала леди Брань, после чего наклонилась к столу и сделала какую-то запись в лежащей перед ней на столе развёрнутой тетради. На что генпрокурор Снайпс, будучи натурой любознательной, что и позволило ему занять столь высокий пост (правда его любознательность часто его заводила не туда, куда следует – а зачем ему тогда задаваться таким нелепым вопросом о своей, как генпрокурора необходимости присутствовать на столь секретных, касающихся нацбезопасности совещаниях? Разве непонятно, что правительство призывая его в свои ряды, тем самым хочет показать, что оно подходит к решению всякой международной проблемы с позиции закона. «Но ведь прокуратура занимает позицию обвинения, а где тогда спрашивается представитель стороны защиты?», – такое(!) спросив, как всегда, генпрокурор проявит свою нелепую в этих стенах любознательность) чрезвычайно заинтересовавшись тем, что же интересно такого записала в своей тетради леди Брань, попытался было заглянуть туда через её плечо. Но леди Брань, для которой конфиденциальность не пустое слово, закрыв тетрадь рукой, быстро пресекла попытки генпрокурора нарушить её право на личную жизнь.

– Мистер генпрокурор. – Боковым зрением посмотрев на генпрокурора, тихо и как-то даже задушевно проговорила леди Брань. – Без соответствующего вашим намерениям ордера, я ничем не смогу вам помочь. Так что вам остаётся только догадываться о том, что я тут написала. Ну и заодно о моих намерениях насчёт вас. – Насколько можно, до степени вибрации тихо постучав пальцем руки по подлокотнику своего кресла, одарив Снайпса мимолётной улыбкой, сказала леди Брань.

«Так она же со мной заигрывает!», – сражённый наповал улыбкой леди Брань и последующим своим озарением, генпрокурор Снайпс одновременно вспотел и замёрз от всех этих сулящихся перспектив с леди Брань, при виде которой и так сердце холодком страха обдаёт, а тут ещё такие нескромные, с выходом на полнокровную близость предложения. С чем он и провалился в глубину своего кресла, чтобы там домыслить случившееся.

«Но я ещё так молод». – Попытался про себя разубедить злодейку судьбу, которая таким страшным способом решила отбалансировать его редкую удачливость по жизни – он самый молодой генпрокурор в истории страны.

– Ты же сам знаешь, что всё в этой жизни относительно. – Сам же себе контраргументировал, уже понявший безнадёжность своей позиции генпрокурор Снайпс.

– И что, смириться? – Снайпс сделал попытку докричаться, ну или хотя бы дозваться до тех сил внутри себя, которым больше нравится он сам, чем страшная и старая как смерть леди Брань – поэтому они, его силы, и не позволят случиться неизбежному. Но как им подспудно уже предчувствовалось, все эти силы остались глухи к его призывам, а вооружившись здравомыслием и честолубием, начали убеждающее нашептывать ему обратное.

А ведь этому, пожалуй, было своё объяснение – такой грозный к преступникам генпрокурор Снайпс, при виде которого в чёрной мантии, коррупционеры сразу же теряли самообладание и частично полные страха штаны, признаться честно, то по дороге к этой вершине прокурорской власти, несколько подрастерял независимость своего суждения. И он частенько сталкиваясь с самой обычной в такого рода делах дилеммой выбора, переступить себя и тем самым переступить следующую, ведущую вверх ступеньку по карьерной лестнице или остаться самим собой и на прежнем месте, то выбирал самое ненужное и одновременно нужное для карьеры – самого себя, через которого и переступал. Правда, на самых последних ступенях, он уже об этом не задумывался, а с лёгкостью переступал через себя. Так что этот крик его души, даже как-то странно было слышать. С чем вскоре и сам генпрокурор Снайпс согласился и принял, поглядывая исподлбья на леди Брань, искать для себя выгоды из своего полузависимого положения и предполагаемого будущего с ней сотрудничества.

«М-да. Видок, честно сказать, на любителя». – После небольшого обзора леди Брань, генпрокурор Снайпс, вздохнув, вынужден был признать, что он как бы не старался быть не придирчивым, но всё же он далеко не тот любитель, на чей эстетический вкус могла бы рассчитывать слишком невкусно и сухо выглядящая леди Брань.

– И откуда у этих старых, что за страшных дев, такая тяга к молодым и симпатичным генпрокурорам? – Снайпс, вдруг вспомнив о том, как он отвергал множество лестных предложений, от куда более симпатичных и одним только молодым возрастом, соблазнительных, осуждаемых им преступниц, про себя вновь сорвался на ожесточение в отношении леди Брань. – Хотя, возможно, ответ на этот вопрос как раз кроется в том, что я генпрокурор, то есть та часть закона, которая выступает с позиции осуждения. Ну а такие поступки этих облачённых властью и красотой на любителя (я что, Пикассо какой-то!) дам, нередко вызывают осуждение. Вот они и стараются с этой стороны убрать угрозу. – Генпрокурор Снайпс бросил ненавидящий взгляд на леди Брань и, взяв стола свою рабочую тетрадь для записей, принялся ожесточённо черкать в ней.

«Одного уже можно сбросить со счёта, если он, конечно, не хочет пойти на комиссию по этике; а нечего было так соприкосновенно близко, подкатывать на своём кресле к моему», – улыбнулась про себя госсекретарь Брань, таким образом начав собирать свою коалицию против другого центра силы во главе с вице-президентом Шиллингом. «Не единством мнения мы едины, а объединяющим страхом, оказаться в единственном числе», – поразмыслила леди Брань и пока вице-президент накручивает себя, принялась изучать стоящие на столе перед каждым высокопоставленным и, благодаря этому посаженным в мягкие кресла лицам, таблички с именованиями этих лиц.

«Всё-таки эти таблички иногда приносят пользу. Особенно здесь, в этом ограниченном друг друга знающем кругу. – Посмотрев на заплывшее, скорее от беспокойного сна, а не как все здесь присутствующие подумали от беспробудного пьянства, генерала четыре звезды, а дома пять, Браслава, с какой-то странной усмешкой подумала госсекретарь. А вот рядом с ним сидящий директор ФБР Флинт, в этом бесконечно был уверен – бьющий прямо в мозг, исходящий от генерала перегар, он ни с чем не спутает. О чём мистер Флинт давно бы высказал и не в кулуарах, а во всеуслышание, но ему в последнее время никто не верит – он сам виноват, а нечего собирать на всех компромат и постоянно выдвигать до чего же неслыханные обвинения. Вот и добился обратного эффекта, и даже больше, против него теперь ведётся служебное расследование. И, пожалуй, все здесь сидящие, у которых тоже бывают такие моменты, когда они находятся в такого рода нервном расстройстве, ещё больше на него обозлятся.

– М-да. Твою рожу сегодня без этой таблички и не узнаешь. – Поглядывая на Браслава, продолжила радоваться за генерала госсекретарь Брань. А за кого ей ещё радоваться, если за себя она уже давно не радуется и только переживает («Я вас, сволочи, всех переживу!», – иногда леди Брань заносило, и она слишком сильно и несколько иносказательно радовалась за своих коллег по работе). А ведь у неё уже не осталось никаких радостей в этой жизни – единственная радость, зеркало, последние десять лет, не беря в расчёт успехи пластической медицины, заняло к ней совершенно непримиримую позицию и, несмотря на такую близость и продолжительное знание друг друга, не собирается замалчивать все её недостатки. И стоит только ей, даже мельком заглянуть в него, то зеркало своим, сразу же отражающимся в её глазах приговором: «Тьфу. Глаза бы не смотрели!», – портит ей всё настроение, а она в свою очередь, всем остальным своим коллегам по государственной службе.

А ведь у них, её коллег по службе, из-за всей этой свалившейся на их, иногда и хрупкие плечи ответственности и власти преодолевать эту свалившуюся ответственность, и без её хмурного и что уж умалчивать, частенько паскудного настроения, итак забот полон, полного фарфоровых зубов рот. А теперь ещё из-за этого китайского фарфора во рту, добавилась новая забота – перед комитетом по этике необходимо доказать отсутствие своей симпатии к китайским товарищам и их фарфоровому продукту (нужно, или самому разбить себе зубы и показать, что их качество фарфоровых изделий ни в какой конгрессменский рот не лезет, или показать зубы комиссии по этике, которая сама позаботится о вас и сама выбьет зубы).

Ну да бог с их зубами, в конце концов, они ведь их не на полку кладут, а значит, у них всё не так уж плохо в сравнении с леди Брань, у которой все зубы были свои и поэтому они, время от времени её мучили своим кариозным видом и приступами нервного состояния. А всякая нервность, отдаваясь в её голове, часто приводила леди Брань к несдержанности – да и зеркало опять выкинуло новый фокус, новую морщину – и она крыла своих подчинённых не только словом, но и каким-нибудь запущенным в них канцелярским предметом, ещё недавно стоящим на её столе, а сейчас, и заметить не успела, как он уже уравновесил собой пышную причёску мелкого атташе.

Но мелкий атташе пока ещё не дослужился до того, чтобы перед ним стояла такая красивая, с его именем табличка и поэтому леди Брань, заслуженно им, может не обращать внимание на таких как он, без табличек с именем людей. Впрочем, и имеющие перед собой таблички люди, тоже не должны злоупотреблять оказанным им доверием и не слишком забываться о том, кто они есть такие, а иначе, именно эта табличка и напомнит им о их месте здесь, в этом кабинете. И если, к примеру, тот же советник по национальной безопасности, генерал Макмастер, забудет, что он всего лишь советник и начнёт раздуваться от важности и затыкать всем рот, то госпожа госсекретарь Брань, а в девичестве до госслужбы, весёлая и ласковая мисс Оллрайт (она бесконечно хотела походить на одну не безызвестную «железную леди» и из-за своей нервности – она всё время боялась не соответствовать своему идеалу, и поэтому, ещё больше и больше, до степени потери уравновешенности нервничала – на этой почве и добилась

только вот такой именной нарицательности), в ответ обзовёт его всего лишь генералом и, проявив дальнейшую по отношению к нему забывчивость, подойдёт к его табличке и, уставившись на неё, станет вспоминать.

Ну а генерал, много секретных звёзд Макмастер, из-за такой фамильярности к себе обращения, не просто потечёт бледностью, но и потерявшись в своём значении для администрации президента – и кто я после всего этого – забыв обо всём, сейчас только одного будет желать – самому посмотреть на эту стоящую к нему спиной, со своим именем табличку. Но пока на неё смотрит госпожа госсекретарь, разве он посмеет так забыться. И госсекретарь Брань, в очередной раз выходит победительницей из этой очередной интеллектуальной схватки.

«Зачем рыться в грязном белье в поисках компромата, когда всё что нужно для достижения конечной цели, находится перед твоими глазами». – Поправляя на своём деловом костюме золотую заколку, сегодня в виде хитро улыбающегося котика – единственное украшение, которое она могла себе позволить (не в плане финансов) – затаённо улыбалась госпожа госсекретарь Брань. – Они ведь сами обвешиваются регалиями, медалями, знаками отличия и довольно самовлюблёнными лицами – читай, не хочу». Госпожа госсекретарь Брань вдруг вспомнила, как одного её пристального взгляда на сверкающую медаль генерала Винсента хватило, для того чтобы он вдруг, до степени сползания с него генеральских лампасов затухался, и от его радостного выражения лица не осталось и следа. Ну а когда госсекретарь Брань завела разговор о заслугах и наградах, то генерал Винсент и вовсе потерялся – вон из банкетного зала.

И хотя такие воспоминания всегда позволяют отдохнуть душой, но всё же любой организм, даже и её, не такой уже молодой, всегда живёт постоянным обменом веществ и обновлением, и поэтому требует новизны. А где её черпать, как не из действительности, и леди Брань вернувшись в настоящее, теперь уже осознано посмотрела на генерала Браслава, с которого она последние десять минут не сводила своего взгляда, но при этом всё равно в упор не видела.

– А у генерала Браслава сегодня действительно всё с головы на голову перевёрнуто. – Только сейчас заметив, что стоящая рядом с генералом табличка с его именем перевёрнута, леди Брань нашла-таки ту причину, которая так воздействовала на генерала, на которого бы глаза не смотрели, но все здесь сидящие, почему-то, время от времени на него смотрели и от этого просмотра, как-то даже свежели. И хотя леди Брань была столь внимательна к генералу Браславу и даже приблизилась к отгадке той самой уважительной причины, которая могла сказаться на мрачном умонастроении генерала, всё же ей не удалось отгадать истинное положение вещей – а всё из-за того, что она смотрела на Браслава со стороны.

А всё дело в том, что генерал Браслав и был тем самым провокатором, который таким, верх головой образом, перевернул табличку со своим именем. И дело тут не в загадочной душе генерала Браслава и даже не в его желании как-то выделиться среди общей массы, все как под копирку одетых, четырёх звёздных генералов, а просто это ему было необходимо для того чтобы себе напомнить, что он высокопоставленный, важный чин в системе государственного аппарата, а не как он себя сейчас чувствовал, мелким и ничтожным пакостником. Ну а то, что табличка с именем, таким верх ногами образом перевернулась, то тут всё дело в особенности строения самой таблички, имеющей в разрезе треугольный вид и подхода к ней самого Браслава – он вначале её развернул к себе лицом, а затем, чтобы не тратить силы на все эти развороты, просто перевернул на другую грань табличку и она оказывалась лицом к сидящим напротив Браслава людям, правда, уже верх ногами.

«Энергетические вампиры, чёртовы! И главный из них, паскуда, генерал Сканнет», – кипел про себя генерал Браслав, наливая дрожащими руками очередной стакан воды, которые под внимательными взглядами присутствующих за столом лиц, ещё больше дрожали. После чего он, стиснув своими огромными руками стакан так, что казалось, ещё одно его усилие и стакан лопнет под этим давлением, подтягивал стакан к своему рту и под неизменными взглядами присутствующих здесь людей, начинался давиться водой. Выпив же стакан, начавший

протекать во всех своих всевозможных местах на теле – под мышками, на спине и в основном на лбу – генерал Браслав ставит обратно стакан и, слишком сильно откинувшись на кресло, чуть было ... Хотя, всё же укатился на нём, и креслом вдавился в ноги сзади него сидящего на стуле финансового аналитика Блюма. Чем вызвал повсеместную улыбку в напротив сидящих рядах наблюдателей.

Правда финансовому крючку Блюму, как его называл Браслав, такая неожиданная при-давленность ног показалась мало смешным событием, и он в ответ даже позволил себе, скривив лицо, одёрнуть ногу. Ну а генерал Браслав вначале было хотел возмутиться, правда про себя, за такую очевидную несдержанность и злопыхательство своих коллег, но затем повернув лицо назад, заметил того, на кого он таким образом наехал («Так тебе и надо, бюджетный паразит», – Браслав расплылся в улыбке) и он так уж и быть, отнёсся с пониманием к своим коллегам по долгу перед государством, которым тоже иногда бывает скучно на таких нудных совещаниях по поиску выхода из очередной кризисной ситуации.

«Ну и что на этот раз так волнует первые умы администрации? – почувствовав временное облегчение, подкатив обратно к столу, задался про себя вопросом генерал Браслав. – Какая авторитарная голова деспотичного диктатора, мешающая свободно передвигаться углеводородам по направлению демократических режимов, на этот раз не даёт покоя индексу Доу-Джонсона, который опять перестал расти, и уже какую торговую сессию падает вниз?», – усмехнулся Браслав, посмотрев по сторонам. Ну а так как все в это время смотрели на него, то генерала Браслава, непонятно почему, вдруг посетила провокационная мысль, заставившая его покрыться холодными мурашками.

«Так это ведь я, та самая непутёвая голова, которая создала ту взволновавшую всех кризисную ситуацию – зря, что ли они тогда все смотрят на меня». – Стараясь долго не останавливать свой взгляд на ком-то одном из напротив сидящих людей, перепугавшийся за себя, а так он ничего больше не боится, генерал Браслав начал беспокойно озирать сидящих людей. Да что же я такого натворил? Ума не приложу и совершенно не представляю, что произошло. – Несколько слукавил генерал Браслав. И хотя он детализировано мало что мог представить, что он там такого натворил и за что все вдруг на него так ополчились, тем не менее, общую причину, которая могла привести ко всему этому, им была доподлинно известна – он в пылу ярости на полученное на совещании от мистера Твистера унижение, ушёл в автономное плавание – в запой. Ну а то, чем грозит это его автономное плавание, тем, кто встанет на его пути, генерал Браслав, по разбитым в хлам лицам своих подчинённых, доподлинно знал.

А ведь генерал Браслав, это вам не какой-нибудь метр с кепкой росту, генерал-прыщ Сканнет – так его прозвал сам Браслав – а он своим физическим и внешним видом достойно мог поспорить с тем самым самым Арнольдом, правда, конечно, в лучшие его годы в «Коммандо». Что, вполне возможно, и опять же, в очередной раз пытался продемонстрировать генерал Браслав – а тогда откуда на его лице чёрная, похожая на гуталин краска. Генерал Браслав в поиске подтверждения этих своих догадок, потянулся рукой к своему уху, где взявшись за мочку уха, растёр её и, вернув руку обратно, посмотрел на неё и по черноте пальцев начал склоняться к озвученной его капралом версии.

Так генерал Браслав, не найдя под рукой срочно ему нужной краски для нанесения на своём лице маскировки – генерал Браслав именно с этого художественного ритуала начинал своё перевоплощение из простого генерала в опасного и очень кровожадного (капрал не даст соврать) коммандос – конечно же разозлился и, тут же (с горя) допив из горла бутылку виски, попытался для начала разбить её об голову капрала. Ну а так как капрал был далеко не новичок, и знал, на что способен Браслав, то генерал само собой в него не попал, а вот в окно своего кабинета, даже очень точно.

А вот это сквозное, на вылет попадание в окно бутылкой, и заставляет на мгновение задуматься генерала Браслава. А всё дело в том, что висящие на окнах жалюзи, не оказали

совершенно никакого сдерживающего воздействия на брошенную им бутылку – в ней он видел выпущенную из «джавелина» ракету, а жалюзи им представлялись, как решётчатая защита для бронетехники (Браслав всегда мыслил по военному) – и спокойно пропустили сквозь себя выпущенную из рук Браслава бутылку-ракету.

И, конечно, Браслав, и слушать ничего не хочет, что сила ударной мощи ракеты-бутылки по своим техническим характеристикам, ни чьему аналитическому уму непостижима и ни какими баллистическими параметрами не исчислима. И Браслав естественно вполне справедливо возмущён таким безответственным производителем бронезащиты, который не может создать достойную защиту и тем самым не может должно обеспечить сохранность вверенной ему техники.

– Нет, с такими защитниками отечества и бронетехники, мы контракты заключать не будем. – Сделал свой вывод из всего случившегося Браслав.

После же всего этого разбитного поведения генерала Браслава, из разбитого окна его обдаёт свежим воздухом и он, забыв о прежних своих мыслях, тут же решает, что для командоса спортивная подготовка не последнее дело и, заорав: «Рота подъём!», – бросается вдогонку за капралом.

Ну а капралу, как уже говорилось выше, не впервые совершать такие марш-броски по пересечённой местности – перепрыгивая через вставшие на его пути офисные столы, стулья, вписываясь в межкоридорные пространства и повороты штаба бригады, попадать в игольное ушко в чуть приоткрытых дверях и, конечно, умеючи преодолевать лестничные пролёты, перепрыгивая зараз через три-четыре ступеньки, а иногда и все пять – и он, пожалуй, сумеет измотать, нет, не противника, а скажем так, временно находящегося на тёмной стороне (у всех бывают свои затмения и умопомрачения, тут уж ничего не поделаешь) генерала Браслава.

И с самого начала этого марш-броска, всех участвующих и в стороне наблюдающим за ним овладела горячность. Так сносящий всё на своём пути – те же всегда ему мешающие двери, в один момент были вынесены с петель – генерал Браслав, сразу показал себя более чем достойным «противником» – его более чем целеустремлённость не давала никому из вставших на его пути шанса, и права на сомнение в мощи Браслава, и он сносил всё, что пыталось воспрепятствовать его продвижению вперёд. Так генерал Браслав, всегда предпочитая полагаться на силу, мощь и внезапность нападения своих морпехов, конечно же, и для себя избрал эту редко дававшую сбоев тактику ведения наступления и, не разбирая дороги и, не тратя время на фланговые обходы этой загромодившей все проходы офисной мебели, с разбегу из своего кабинета ворвавшись в общий, занятый столами служащих зал, сразу же всем показал, на что он способен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.